

Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 13 №5

2021

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Бугай Н. Ф.

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов; АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Свидетельство о регистрации:

Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 13 #5 2021

Editor-in-Chief:

N. F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

**Deputy Editor-in-Chief -
Scientific Editor:**

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

**Editor for the
English Version:**

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Proofreader:

A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-
Educational Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region College for the Humanities and Technologies.

Web Version address:

<http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal “Historical and Social-Educational Idea” is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Certificate of Incorporation:

El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- Отечественная история;
- Всеобщая история;
- История международных отношений и внешней политики;
- Социальная структура, социальные институты и процессы;
- Социология культуры, духовной жизни;
- Общая педагогика, история педагогики и образования;
- Теория и методика обучения и воспитания;
- Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- Russian History;
- World History;
- History of International Relations and Foreign Policy;
- Structure, Social Institutions and Processes;
- Sociology of Culture, Spiritual Life;
- General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;
- Theory and Methods of Training and Education;
- Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of science, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Москва. Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Краснодар. Россия

Редакционная коллегия**Состав редакционной коллегии по историческим наукам**

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Владивосток. Россия

Ма Вэйюнь, доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлуцзянском университете, заместитель председателя Ученого совета

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Харбин. Китай

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Екатеринбург. Россия

Сактаганова Заурез Галимжановна, доктор исторических наук, Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

г. Караганда. Республика Казахстан.

Хон Вунг Хо, кандидат исторических наук, профессор истории, Центр восточных исследований, факультет международных отношений, Государственный университет Донгук
Сеул. Республика Корея

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Ереван. Армения

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Ростов-на-Дону. Россия

Гузенина Светлана Валерьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
г. Тамбов, Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Брно. Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Краснодар. Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна, профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
г. Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
Сан-Франциско. США

Шишкина Ольга Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Блейх Надежда Оскаровна, заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания
ORCID iD: 0000-0002-6715-9185
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
г. Таганрог. Россия

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осакий университет
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Осака. Япония

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, профессор, доктор педагогических наук, «Омский государственный педагогический университет», директор института инновационного и инклюзивного образования
Омск, Россия

Эдита Поорова, доктор, (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
г. Трнава Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Moscow. Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Krasnodar. Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Vladivostok. Russia

Ma Weiyun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Harbin. China

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Yekaterinburg. Russia

Zauresh G. Saktaganova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Karaganda State University named after E. A. Bunetov, Director Of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Karaganda. Republic of Kazakhstan.

Hong Vung Ho, Candidat of Historical Sciences, Professor of History, Center for Oriental Studies, Faculty of International Relations, Donguk State University

Seoul. Republic of Korea

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Yerevan. Armenia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Rostov-on-Don. Russia

[Svetlana V. Guzenina](#), Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
Tambov, Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic);
Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Brno. Czech Republic

[Valery Kasyanov](#), Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Krasnodar. Russia

Marina V. Sukhomlinova - Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
San Francisco. USA

Olga E. Shishkina, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Vladivostok. Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Nadezhda Os. Blaikh, Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID 0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Taganrog. Russia

Alexander S. Dybovsky, Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2020, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School.
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Osaka. Japan

Nadejda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education
Omsk, Russia

Edita Poorova, Ph.D. (*Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.)*), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет**Состав редакционного совета по историческим наукам**

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Токио. Япония

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ScopusID: 57192267254
Владивосток. Россия

Мамсиров Хамитби Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

Юн Санг Вон, доктор исторических наук, профессор истории Кореи, Государственный университет Чонбук, директор Исследовательского центра Корё сарам Чонджу. Республика Корея

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
ScopusID: 8870184100
Тель-Авив. Израиль

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Гданьск. Польша

Латипова Нодира Мухтаржановна, профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана
г. Ташкент, Узбекистан

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Владивосток. Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна, доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"
Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID: 56530681200
Краснодар. Россия

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Краснодар. Росси

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus Author ID: 57194034492
Генуя. Италия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265
Новосибирск. Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for historical Sciences

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Tokyo. Japan

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Pre-sidential Academy of National Economy and Public Administration
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
ScopusID: 57192267254
Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.
Nalchik, Russia

Yoon Sang Won, Doctor of Historical Sciences, Professor of Korean History, Chonbuk State University, Director of the Koryo Saram Research Center
Chonju. Republic of Korea

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv. Israel

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk. Poland

Nodira M. Latipova, Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work.
Tashkent, Uzbekistan

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok. Russia

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek. Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova, Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID:56530681200
Krasnodar. Russia

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Krasnodar. Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara. Russia.

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus ID: 57194034492
Genoa. Italy

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265Novosibirsk.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В декабре 2022 года исполняется 100 лет образования Советского Союза. В связи с этой исторической датой, знаковым событием в жизни нашей страны редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в ДИСКУССИИ, посвященной «100-летию образования Союза ССР», которая будет проходить в течение 2021 - 2022 годов. Это событие затронуло каждого из нас, оно не может не волновать наше общество.

У нас есть возможность возвратиться к этим проблемам, переосмыслить их, сделать выводы, опираясь на ставшие доступными новые архивные источники, накопленный богатый опыт в изучении таких научных проблем как многонациональная государственность, нациестроительство.

Это позволяет нам возвратиться и к анализу тех социальных технологий, на основе которых строилось новое «многонациональное объединение народов» – Советский Союз. Мы также имеем возможность раскрыть эволюционный процесс, выявить причины его создания и недостатки, оценить роль народов, партий и общественных движений, личности в этом деле, показать также сущность причин распада государства, представить глубокий анализ положения на постсоветском пространстве.

Форма подачи материала свободная.

К участию в дискуссии приглашаются научная общественность, соискатели, аспиранты, преподаватели вузов.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»
доктор исторических наук, профессор,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса

Бугай Николай Федорович

Редакция журнала "Историческая и социально-образовательная мысль"

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

*К 100-летию образования Союза ССР**To the 100th anniversary
of the formation of the USSR*

Бугай Н.Ф.
г. Москва, Россия | 17 | N.F. Bugay
Moscow, Russia
Social technology of forced movement in the USSR: problems of interethnic relations. 1917-1953 гг. |
|---------------------------------|----|--|

*Отечественная история**National History*

Разумная Н.Н.
г. Донецк, ДНР
Экономический кризис в Донбассе
(1917-1922 гг..) | 59 | N.N. Razumnaya
Donetsk, DPR
The economic crisis in Donbass
(1917-1922) |
|--|----|---|

*Социальная структура,
социальные институты и процессы**Social Structure,
Social Institutions and Processes*

Шахбанова М.М.
г. Махачкала, Россия	73	M.M. Shakhbanova
Makhachkala, Russia
Institutions of islamic religious behavior in the mass consciousness of the urban population of Dagestan
Штефан А.В.
г. Челябинск, Россия	88	A.V. Stefan
Chelyabinsk, Russia
On the question of the essence of extremism as a social phenomenon

*Общая педагогика,
история педагогики и образования**General pedagogy,
history of pedagogy and education*

Башкатов И.А., Алексеева С.О.,
Мещеряков В.Д.
г. Липецк, Россия	107	Bashkatov I.A., Alekseeva S.O.,
Meshcheryakov V.D.
Lipetsk, Russia
Expressive means of drawing and sculpture in the experimental model of integrated learning
Мосина О.А., Редун Р.Г.
г. Краснодар, Россия	117	Mosina O.A., Redun R.G.
Krasnodar, Russia
Constitutive foundations of constructive interaction: pedagogical panorama

ИНФОРМАЦИЯ

128

INFORMATION

*К 100-летию образования Союза ССР
To the 100th anniversary of the formation of the USSR*

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-17-58

УДК: 930.01

**Социальная технология принудительных переселений в СССР:
проблемы межэтнических отношений. 1917-1953 гг.**

Николай Федорович Бугай

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Аннотация. В 1922 г. исполняется 100-летие Советского Союза, государства, в основу формирования которого были заложены принципы равноправия народов, организация социалистической системы хозяйствования, возрождение культуры этнических общностей народов, формирование их сообществ на новых началах.

Конечно, стране, в которой отмечалось тяжелое экономическое состояние, особенно с учетом только что закончившейся Гражданской войны (1918 - 1922 гг.), а на окраинах (Дальний Восток и др.) она еще продолжалась, пришлось испытать новые трудности, которые необходимо было преодолеть в иных условиях в масштабе всей страны, нового государственного объединения – Советского Союза.

Предстояло решение и такой важной задачи как формирование самосознания и национального сознания граждан. Эти приоритетные направления выступали на передний план строительства новой государственности, их реализация видела на своем пути и победы, и потери. Тем не менее развитие социальных процессов в новом государстве требовало внесения отдельных корректив, отступления от провозглашенных лозунгов социалистической революции, за торжество которых сражались рабочие и крестьяне и в 1917 г., и в годы войны. И уже в 1918 г. стали использоваться на практике методы, базирующиеся на применении мер карательного свойства. Тому, каким образом проходили эти процессы, их развитию в Союзе ССР и посвящена предлагаемая статья. Материал рассмотрен на примере Казахской ССР и республик Средней Азии - регионов, принявших сотни тысяч представителей многих этнических общностей.

Ключевые слова: СССР, Казахская ССР, Средняя Азия, принудительное переселение, межэтнические отношения, спецпереселенцы, культура межэтнического общения, взаимодействие

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Социальная технология принудительных переселений в СССР: проблемы межэтнических отношений. 1917-1953 гг. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том.13 № 5. С. 17-58.
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-17-58

Original article

Social technology of forced movement in the USSR: problems of interethnic relations. 1917-1953

Nikolay F. Bugay

Institute of Russian History RAS

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Abstract. 1922 marks the 100th anniversary of the Soviet Union, the state, the formation of which was based on the principles of equality of peoples, the organization of a socialist economic system, the revival of the culture of ethnic communities of peoples, the formation of their communities on a new basis.

Of course, a country in which a difficult economic situation was noted, especially taking into account the just ended Civil War (1918 - 1922), and on the outskirts (the Far East, etc.) it was still going on, had to experience new difficulties that had to be overcome in different conditions on a national scale, a new state association - the Soviet Union.

There was also a solution to such an important task as the formation of self-awareness and national consciousness of citizens. These priority areas came to the fore in the construction of a new statehood, their implementation saw both victories and losses on its way. Nevertheless, the development of social processes in the new state required the introduction of certain adjustments, a departure from the proclaimed slogans of the socialist revolution, for the triumph of which the workers and peasants fought both in 1917 and during the war years. And already in 1918, methods based on the use of punitive measures began to be used in practice. This article is devoted to how these processes took place, their development in the USSR. The material is considered on the example of the Kazakh SSR and the republics of Central Asia, regions that have received hundreds of thousands of representatives of many ethnic communities.

Keywords: USSR, Kazakh SSR, Central Asia, forced resettlement, interethnic relations, special settlers, culture of interethnic communication, interaction

For citation: Bugay N.F. social technology of forced movement in the USSR: problems of interethnic relations. 1917-1953. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.4. PP. 17-58. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-17-58

Материалы и методы. К настоящему времени по изучаемой теме издан обширный круг научных исследований как в центре, так и в регионах с компактным проживанием граждан, подвергшихся деструктивному воздействию органов Советской власти, в том числе принудительному переселению в 1920 - 1940-е годы. Интерес к проблеме по-прежнему не угасает, вызывая споры и дискуссии. Изучены и многие новые документы, хранящиеся в архивах. Все это позволяет раскрыть особенности и причины принимавшихся карательных мер по отношению ко многим этническим общностям, населяющих территории Союза ССР.

Читателю будут доступны многие аспекты темы, связанные с переселением и с обустройством переселенцев на проживание. В статье использованы итоги как индивидуальных исследований, так и опубликованных в документальных изданиях. Приведен богатый нарратив выявленных документов в РГАНИ и других архивохранилищах.

Специальный раздел посвящен подборке отзывов спецпереселенцев о большой помощи, которая оказывалась им со стороны казахов и других этнических общностей. Местные жители делились последним куском хлеба с совместно проживающими спецпереселенцами.

Публикация отличается большим территориальным охватом.

При подготовке публикации автор опирался на известные методы и принципы исторического исследования, что позволило всесторонне раскрыть проблему. В частности, применялись региональный принцип, принцип консоциальности, доверия, метод исторического описания, историко-сравнительный метод, историко-генетический, историко-типологический, позволяющий провести обобщение результатов и, как итог, имевших место трансформаций.

Обсуждение. Можно сделать вывод, что в Российской Федерации создана осязаемая база по такой сложной проблеме как принудительное переселение народов. Это позволяет подготовить и обобщающее комплексное исследование по истории этой проблемы в жизни советского государства при этом как на разных этапах его развития, так и применительно к 1929 – 1950-м годам. Надо полагать, что решение этого вопроса дает возможность концентрировать выводы, в частности о недопустимости подобных мер в решении конфликтных ситуаций, возникавших по вектору «народы и власть».

Практика свидетельствует о том, что в решении такой сложной проблемы отношений между государством возможно применение таких принципов как консолидация, доверие, консоциальность. Фактически события в Казахстане развивались именно по этому пути.

Итоги отношений были в основном позитивными: укреплялись межэтнические отношения, создавались условия для развития сферы экономики, культуры народов, межэтнического общения. В связи с этим проявляется внимание к оценкам положения самими гражданами с одной и другой стороны.

Предлагаемая социальная технология принудительных переселений не является совершенно новой для рассматриваемого периода истории советской государственности. Она не является изобретением ни России, ни Союза ССР. Задолго до их возникновения она находила широкое применение как в международном масштабе [26, с. 230-252; 28; 38; 12], так и по отношению к отдельным государствам [3; 6, с. 34, 83-90].

Изучение ее возникновения и эволюции началось еще в период действовавших империй (Римская, Османская, Российская, Япония и др.). Этот факт находит отражение во многих нормативно-правовых актах как времен Царской

России [33; 20, с. 9; 27; 32; 31; 24], так и периода Советов (с 1917 г.), когда уже в первый год установления советской власти она получает свое проявление. Затем границы ее применения расширяются и ей придается постоянный характер. Она становится механизмом в процессе осуществления государственной национальной политики в СССР в 1920 - 1940-е годы.

Это явление было свойственно и таким государствам, как Испания, США, Германия, а также почти всем странам бывшего социалистического содружества - Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Польше, Вьетнаму. Претерпели трансформации в ходе практического применения этой технологии и регионы Советской России - Дальний Восток, Казахская ССР, республики Средней Азии и др.

На каждом из этапов ее использования это объяснялось прежде всего интересами того или иного государства. Поэтому встречающаяся в исторической литературе точка зрения (Полян, Дьяченко и др.), что якобы подобная технология есть творение социализма, полностью неприемлема. Можно согласиться с тем, что в Советской республике совершенствовались разные стороны этой технологии путем ужесточения форм и методов ее использования, придавая ей в большей мере военный характер, привлекая к этому не только силы поддержки общественного порядка - органы власти, курировавшие в государстве это направление, но и военную силу в широких масштабах. По нашему мнению, это обуславливалось размерами территории государства, объемом той работы, которая была необходима для внедрения в практику зачастую сплошь непродуманных жестких мер.

Исследование проблемы показывает: вряд ли кто-либо в изначальный период существования Советов задумывался над последствиями применения разработанной системы мер подобного наказания и тем более итогами использования этого механизма на практике в плане объединения этнических общностей в многонациональном государстве.

Кстати, в стороне от этих дел находился и специально созданный в структуре государственной власти Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац России) (1917 - 1923). В первый год деятельности советского правительства были разработаны законодательные акты в области социальной политики, среди которых: «О страховании от несчастных случаев» (23 июня 1918 г.), «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (8 октября 1918 г.), «О страховании на случай болезни» и другие. Безусловно, военная обстановка не позволяла проводить эти решения в жизнь. При этом внимания на уже проводимые принудительные переселения в рамках отдельных территорий - Северный Кавказ и иные - не обращалось.

Реализация политических лозунгов на практике потребовала длительного времени. Развязанная гражданская война усугубила этот процесс и вытаскала на поверхность в большей мере сложный вопрос - обострение межэтнических отношений в ходе борьбы за защиту завоеваний революции, власти Советов и прежде всего решение вопроса о земле, то есть территориальный фактор выходил на передний план.

Не случайно обострение военно-политической обстановки на местах привело к необходимости принятия решительных мер.

Одним словом, проблемы военно-политического характера на некоторое время становилось приоритетным. В определенной мере все это воздействовало и на систему межэтнических отношений, бурно начатую работу по проблемам

образования (сворачивание работы над словарями национальных языков, программами по изданию прессы на родных языках, разработке программ просвещения и пр.).

Что касается вопроса о решении возникавших проблем в национальных отношениях, то центр начиная с 1918 г. не отличался особым напряжением, в частности и в отношении «русского вопроса». Так, в ходе кампании за образование русского казачьего территориального округа в составе Северо-Осетинской автономной области урегулированием обстановки вокруг возникшего вопроса занимался А.И. Микоян. Но на практике он постоянно стремился отгородиться от подобных проблем и отличался в этом отношении определенной непоследовательностью. «Для казаков национальный вопрос в горских областях решен», - констатировал он, выступая на 2-й партийной конференции 3-4 марта 1924 года [РГАСПИ. Ф. 65. Оп.1. Д. 2. Л. 55].

Правда, многие участники конференции на сей счет имели совершенно иное мнение. Например, В.М. Молотов, выступавший перед секретарями национальных партийных организаций тюркско-татарской группы в ЦК (2 января 1926 г.), констатировал: «Еще момент нужно отметить, который за последнее время выдвигается все больше, приобретает большое значение, чем раньше, это "русский вопрос"» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1056. Л. 33].

Технология принудительных переселений оказалась востребованной и в середине 1920-х годов при решении вопроса об межэтнических отношениях в таких регионах, как Адыгейская автономная область, Грузинская ССР (г. Тбилиси), Кабардино-Балкарская автономия.

Почему-то в российской историографии все процессы, связанные с принудительным переселением с территории Кабардино-Балкарской АССР, увязываются исключительно с балкарской этнической общностью, хотя это далеко не так. О репрессивных мерах, принимаемых со стороны органов государственной власти по отношению к этническим общностям на территории республики, было известно до переселения непосредственно балкарцев. И, несомненно, этот вопрос заслуживает особого внимания.

Балкарцам, как и представителям других этнических общностей в автономной области, были также известны принудительные переселения с территории Северного Кавказа, как и с территории автономной области, начиная с 1920-х годов.

Выступая 27 февраля 1924 г. на заседании Кабардинского областного комитета РКП(б), секретарь Северокавказского комитета РКП(б) А.И. Микоян, исходя из численного преимущества русских в органах власти, вопрошал у участников заседания: «Что за национальная политика!» И далее продолжал: «И вот, я дал задание проверить состав всех аппаратов (органов власти в национальных районах Северного Кавказа. - *Н.Б.*), кто тут сидит, а затем уж поговорим» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 34. Л. 19]. И рекомендовал: «Мы уже в Москве, перед отъездом сюда (на Северный Кавказ. - *Н.Б.*) провели положение в план, чтобы безо всяких законов (!), а просто на основании явных признаков и приговоров обществ высылали бандитов (чиновников. - *Н.Б.*) в Архангельскую губернию. Я предлагаю Вам (кабардинским коммунистам. - *Н.Б.*) подобрать сотню "хороших" кабардинцев и ими же, без прокурора, их (чиновников. - *Н.Б.*) выслать» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 10]. Практика предлагаемых приемов исполнения репрессивных мер, к сожалению, набирала все большие обороты. Однако это была открытая установка на произвол в решении судеб многих людей.

Путем принудительных переселений, проводившихся под разными лозунгами, решались и другие вопросы. Так, для урегулирования возникавших земельных претензий земельный кризис мог быть разрешен «лишь путем переселения части малоземельных и безземельных русских жителей за пределы автономии». В конечном счете так это и делалось, в том числе и на основе принятого Адыгейским областным исполкомом решения о переселении русского населения «за пределы Северного Кавказа ввиду его малоземелья».

Политика местных органов власти, базировавшаяся на идейных установках центра, формировала совершенно новое самосознание и национальное сознание горской массы. Среди черкесского населения в середине 1920-х годов, как замечала Т.П. Хлынина, получало большое распространение «настроение за выселение всех русских крестьян, живущих в Адыгее, за пределы области и переселение на их место черкесов из Турции» [37; 38, с. 201]. К сожалению, подобные ситуации имели место и в других национальных регионах Северного Кавказа. Конечно, природа их была различной, но все они выстраивались на основе освобождения земельных территорий и «потеснения» русских лей - казачества. Все это позволяет сделать вывод, что начало этнических переселений относится к первой половине 1920-х годов.

К 1930-м годам органы государственной власти накопили определенный опыт в применении такой социальной технологии, как принудительное переселение. Они уже могли исполнять ее в более широких масштабах. И такой случай представился. Как раз на 1930-е годы приходится организованная кампания по принудительному выселению кулачества.

В обзоре № 7 ОИИФ ОГПУ 12 сентября 1930 г. отмечалось, что постоянно перед такими акциями, в том числе состоявшейся, например, 1-25 августа 1930 г., выполнялась большая подготовительная работа. Осталось особенно сложным взаимодействие с железной дорогой, руководство которой позволяло отправку только одного эшелона в сутки, что не удовлетворяло запросы карающих органов власти.

С территории Северного Кавказа всего было отправлено 37,5 эшелонов с переселенцами. Следует отметить, что выселение кулацких хозяйств с территории русских селений казачье-крестьянских районов, входивших в состав национальных областей, не производилось, так как эти селения значились в списке сплошной коллективизации.

В первой половине октября 1930 г. началось выселение в Дивненский район 570 кулацких семей из следующих национальных областей: Чеченской автономной области - 98 семей, Адыгэ Черкесской автономной области - 200 семей, Кабардино-Балкарской - 181 семья, Осетинской и Ингушской автономных областей - 91 кулацкая семья. Как отмечалось в Обзоре политического состояния СССР (доклад полномочного представителя ОГПУ СКК и Дагестана - Пилара), «выселение прошло без каких бы то ни было заслуживающих внимания эксцессов» [39, с. 825]. Да и как-то оно не беспокоило ни местные органы власти, ни население.

С территории бывших казачьих войск необходимо было отправить в первой партии спецвыселенцев уже в феврале 1931 г. 20 тыс. человек, затем эта цифра была увеличена до 23 тыс. Заместитель председателя ОГПУ СССР Генрих Ягода через некоторое время признал, что в феврале можно направить из Северного Кавказа в спецссылку только 10 тыс. человек, признанных кулаками [9, с. 110].

Численность выселенцев в последующем заметно возрастала. Применительно к Северокавказскому краю в 1931 г. они составили 120 356 человек (20 809 семей) [ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 28. Д. 4055. Л. 47]. А всего в 1931-1932 гг. было выселено 171 993 человека (38 404 семей). Из них 25 955 семей убыли на Урал, 12 409 - во внутренние районы европейской части РСФСР [5, с. 125].

По данным отдела спецпоселений ГУЛАГа ОГПУ («Сведения о выселении кулачества в 1930 - 1931 годах»), в принудительном порядке прерывалась их связь с местом своего исконного проживания (с отправкой на спецпоселение). В 1930-1931 гг. на спецпоселении были 381 026 семей (по другим данным, к концу 1932 г. на поселении значились 383 334 семьи) общей численностью 1 803 392 человека.

26 апреля 1935 г. один из руководителей ОГПУ М. Берман докладывал Г. Ягоде: «Доношу, что закончен прием в трудпоселках хозяйств, выселенных из национальных районов Северного Кавказа. Всего принято 4711 семей (22 496 чел.), в том числе в трудпоселении Северо-Кавказского края 3215 семей (14 661 чел.), в трудпоселки Узбекистана 841 семья (4560 человек). Происшествий при приеме не было» [14, с. 6].

Только с принятием Конституции СССР 5 декабря 1936 г. согласно ее Ст. 135 трудпоселенцы, включая и казаков, объявлялись полноправными гражданами.

На начало 1938 г. трудпоселенцы, занятые в народном хозяйстве Союза ССР, составили 353 912 человек. Это была поистине даровая рабочая сила.

Применение названной социальной технологии приобретало широкие масштабы с середины 1930-х годов уже к чисто национальным контингентам населения. Такие меры теперь были обусловлены другими причинами, в первую очередь международного плана. Нависший над Европой фашизм потребовал укрепления западных рубежей государства. Снова возникла проблема «неблагонадежности» отдельных групп населения. Эти территории подвергались зачистке. Такая акция коснулась немцев и поляков, проживавших на западных территориях, в пограничных зонах. В первую очередь подлежали принудительному поселению более 10 тыс. немцев и около 35 тыс. поляков.

На вторую половину 1930-х годов приходится принудительное переселение с территории Дальнего Востока таких этнических общностей, как китайцы, группы уссурийского казачества, а также курдов, иранцев с пограничных регионов Закавказья. Так, 8 октября 1938 г. на основе Постановления (№ 1084-269 «секретно») СНК СССР «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР» последовали на восток 2 тыс. семей (6 тыс. чел.) иранцев, оформивших советское гражданство [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 397. Л. 23].

Следующая акция подобного характера затронула советских корейцев. И здесь возникает ряд вопросов, которые обусловлены двойственным характером отношений к этническому сообществу в Российской империи и в условиях Советской республики.

В 1937 г. все корейское население общей численностью в 172 тыс. человек в два этапа переселялось с территории Дальнего Востока в Казахстан и республики Средней Азии. По разным причинам на ДВ оставались более 250 корейцев.

Многие из них несли службу в Красной Армии еще со времен Гражданской войны. Это считалось престижным делом. Служба в армии среди корейцев пользовалась успехом и признанием.

В период войны 1941-1945 гг. корейцы, как и другие этнические общности, для службы в армии по разным соображениям не призывались.

Изданная Наркоматом Обороны СССР директива «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году» предусматривала отказ от призыва «социально-опасных призывников». Конечно, она распространялась на многие этнические общности. Не были исключением и советские корейцы.

Поэтому корейцы попадали в армию только на добровольной основе. Благодаря усилиям Д. Шина и В.В. Цоя удалось выявить более 350 корейцев - участников Великой Отечественной войны [35]. Сотни корейцев высказывали просьбу отправить их на фронт, и многие из них героически сражались с фашистами за свою Родину - Союз ССР. В их числе были летчики, танкисты, офицеры военных подразделений, врачи, музыканты и другие, кто с оружием в руках защищал свое Отечество. Это было истинное стремление сражаться за свою Родину. «Тысячи молодых корейцев, среди которых только что окончившие среднюю школу, - вспоминал М.Н. Хан, - подавали заявления в местные военкоматы с просьбой направить их на фронт. Но тоталитарный сталинский режим, питавший недоверие к корейскому населению, которое считал потенциальным пособником японского империализма, отказывал корейцам служить в рядах регулярной Красной (Советской) Армии» [34, с. 127].

Принудительное переселение 1937 г. оказало влияние на ослабление общественно-политической активности корейского сообщества, хотя корейцы по-прежнему отличались высоким уровнем патриотизма в годы Великой Отечественной войны, доверием своему Отечеству, которым для них стал Советский Союз.

Многие из корейцев в связи с такой ситуацией призывались для работы в действовавших в 1940-е годы трудовых колоннах. По имеющимся данным НКВД СССР, в колоннах корейцев было более 15 тыс. человек.

Численность *китайцев* на территории России не была постоянной величиной и во многом зависела от возможности приложения их труда. Если в 1915-1917 гг. в России было 200 - 300 тыс. китайцев, то на 1926 г. их насчитывалось более 80 тыс. человек. Китайцы по разным причинам прибывали в Советский Союз. Конечно, многие из них не получали возможности применения своих сил, покидали Дальний Восток и уезжали на запад СССР. Они были заняты главным образом в аграрной сфере, на рубке леса, в торговле, коммунальном хозяйстве, строительстве хозяйственных объектов, рыболовстве и других сферах экономики.

Отношения с китайцами были непростыми, что во многом объяснялось иным менталитетом, особенно по сравнению с представителями славянского населения - русскими, украинцами, в том числе и казаками. Особняком они выделялись по отношению к японцам, корейцам, составлявшим в этот период значительные в количественном отношении общности.

Находясь в России, китайцы принимали этот мир, в котором обустроивали свою жизнь, подчиняясь российским законам.

Известно, что между казачеством, корейцами, китайцами были установлены контакты как в сфере экономики, так и общественных отношений.

Выполняя мартовский 1939 г. приказ наркома Л. Берии, уточненный еще одной его директивой от 4 августа 1939 г. «Об очистке Приморского края», сотрудники Управления НКВД по Приморскому краю провели интенсивную работу по сбору материалов о наличии в крае «контрреволюционного и социально-чуждого элемента». По ее итогам были составлены списки принудительно выселявшихся.

Генерал-лейтенанта М. Гвишиани в докладе «О состоянии агентурно-оперативной работы УНКВД по Приморскому краю и Уссурийской области» на имя Л. Берии от 20 января 1939 г. сообщал: «В 1937-1938 годах Управлением НКВД по Приморскому краю и Уссурийской области было арестовано 15 435 человек [URL: zlobnik-v-2.livejournal.com/79174.html (дата обращения: 20.11.2015)].

Кроме того, содержались под стражей 860 китайцев, дела по которым в мае - июне 1938 г. были завершены и направлены в УНКВД по Дальневосточному краю, в Хабаровск».

Начатые в 1935-1936 гг. мероприятия по принудительному переселению советских немцев с территории северо-западных районов страны в начале 1940-х годов были продолжены. 22 июня 1941 г. о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны стало известно в Республике Немцев Поволжья. Накануне, 21 июня, в г. Энгельсе начал свою работу очередной 6-й пленум обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья, завершивший свою работу 22 июня. По территории республики состоялись патриотические митинги, в которых приняли участие 270 тыс. человек. За два дня в военкоматы поступило 1060 заявлений о желании добровольно вступить в ряды защитников Родины, из них 315 - заявления от немцев [ЦДНИ. СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4495. Л. 189-193, 83 - 84].

В уборке урожая в июне - сентябре 1941 г. приняли участие около 40 тыс. горожан, жителей рабочих поселков и кантонных центров.

13 июля обком ВКП(б) принял решение о создании на территории АССР Немцев Поволжья отрядов народного ополчения. В народном ополчении АССР Немцев Поволжья на 15 августа 1941 г. состояло 11 193 человека, в том числе 2635 женщин [ЦДНИ. СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807. Л. 13; Д. 4927. Л. 13, 8].

В ходе Великой Отечественной войны значительный отряд «русских немцев» сражался плечом к плечу вместе со всем советским народом. Только в первые дни объявленной войны, после 22 июня 1941 г., из всей почти полумиллионной республики на войну ушло 315 немцев, в большинстве своем коммунистов, на должности политработников.

В составе Красной Армии, по данным НКВД СССР (1949 г.), на фронтах сражались 1609 немцев-офицеров, 4282 человека, в сержантском составе, 27 724 человека рядового состава. Военнослужащие были выявлены при переучете спецпереселенцев, проходившем в 1949 г. [ГА РФ. Ф.-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98 - 99].

За первые два месяца войны 11 советских немцев были удостоены звания Героя Советского Союза. И хотя большинство из них к концу 1941 г. были уволены из РККА и отправлены к своим принудительно переселенным семьям, они успели вписать немало героических страниц в историю войны с фашистами. Отстаивая честь, свободу и независимость своей единственной советской Родины, красноармеец Генрих Гофман в августе 1941 г. попал в плен к фашистам. Выдержал нечеловеческие пытки. Родину не предал. Расстрелян. И этот пример не единственный.

Среди участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями Советского Союза, немцы составили 18 752 человека [ГА РФ. Ф. Р. - 9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 8. Подлинник].

Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК (Решение от 26.VIII.41 г.) содержала предписание - о переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.

(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Переселить всех *немцев* из Республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской областей общей численностью 479 841 человек в следующие края и области: Красноярский край - 75 000 человек, Алтайский край - 95 000, Омская область - 85 000; Новосибирская область - 100 000 чел., Казахская ССР - 125 000 человек, в том числе: Семипалатинская область - 18 000 человек, Акмолинская область - 25 000 чел., Северо-Казахстанская обл. - 25 000 чел, Кустанайская область - 20 000 человек, Павлодарская область - 20 000 чел., Восточно-Казахстанская обл. - 17 000 человек».

Переселению подлежали все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

28 августа 1941 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев - советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

К переселению приступили 3 сентября 1941 г. и закончили его 20 сентября 1941 г. Казахстан ожидал пополнения своего населения советскими немцами.

Как отмечалось, значительная часть принудительно переселенных немцев и тех, которые проживали на территориях с неподлежавшими переселению, создавали трудовую армию.

Методы формирования армий труда определяли и соответствующую им форму режима проживания трудармейцев, не многим отличавшуюся от гулаговской или от условий проживания спецпереселенцев. Более того, в последующем многие из батальонов, бригад, колонн были переведены в статус «спецпереселенцы». Формирование их протекало исключительно в принудительном порядке, душило всяческую инициативу и патриотизм.

Что касается рабочих армий в 1940-е годы, то эта тема продолжительное время находилась под строгим запретом. В той или иной мере ее затрагивали публицисты. Историк В.Н. Земсков сообщал о таком факте, что в 1945 - 1948 гг. дополнительно на спецпоселение еще поступило 120 192 немца (в основном репатрианты из Германии и Австрии). Численность советских немцев в трудовых колоннах возрастала и составила в целом более 300 тыс. человек. Внутреннее психологическое состояние немца-трудармейца было угнетающим, наносившим ущерб его мироощущению, формированию мировоззрения в экстремальной обстановке и т.д. [8; 37].

30 октября 1941 г. последовало распоряжение СНК Союза ССР № 57-К «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные». После его появления стало очевидно, что заниматься распределением рабочей силы из советских немцев будут высшие государственные органы власти. Распоряжение напрямую касалось тех немцев, кому удалось устроиться на работу в городах, областных центрах и промышленных районах.

Немцам приходилось поневоле переквалифицироваться и в рыбаков, когда возникла проблема с обеспечением рыбных промыслов на севере страны рабочей силой. По этому поводу было принято еще 6 января 1942 г. специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» (№ 197), вышедшее за подписью заместителя председателя СНК СССР В. Молотова и управляющего делами СНК СССР Я. Чадаева.

Предполагалось, что для реализации этой государственной задачи НКВД СССР будут переброшены на рыбные промыслы 66 763 человека, в числе которых значились и немцы (спецпереселенцы и трудармейцы), и калмыки, и финны, и латыши, и представители многих других народов. Конечно, руководство этими мерами возлагалось на краевые и областные комитеты ВКП(б), Управления НКВД по краям и областям. Постепенно намеченные планы реализовывались на практике, хотя эта мера прибавляла много работы комиссарам управлений НКВД Гоглидзе (Хабаровский край), Красноярского края и другим.

Именно советские немцы-спецпереселенцы совместно с незначительной частью представителей других репрессированных граждан были создателями рыбной промышленной зоны на Таймыре, куда была доставлена летом 1942 г. первая группа поселенцев - 105 человек. Затем эта группа была пополнена новыми партиями поселенцев в составе 200 и 135 человек.

Как отмечается в документах, спецпереселенцы поначалу выполняли производственные задания, однако по истечении времени уловы заметно сокращались. Годовой план рыбной добычи специально создаваемого «Таймыррыбтреста» исчислялся в 60-65 тыс. центнеров рыбы ежегодно.

Бывшие спецпереселенцы Лев Петри и Виктория Петри в своей книге «Немцы Таймыра» воссоздали несколько интересных по своему содержанию образов немцев, находившихся на спецпоселении в этом суровом краю.

Притом эти образы не относятся к каким-то руководящим должностям. Здесь и продавец магазина Мина Александровна Вальтер, сумевшая переломить скучную рутинную жизнь и превратить свой магазин в участок культурно-просветительской работы, здесь и простые рыбаки и рыбачки, освоившие не по своей воле чисто мужскую профессию: Елена Шефер, Ян Берзиньш, Виктор Швиндт, Эрнэ Швиндт, Амалия Швиндт, Ева Гамме, Ида Клейн, Валерия Швиндт, Элла Гаммер, Ирма Грош, Генрих Финк и многие другие, те, кто своим трудом приумножали богатства Родины, ковали победу над врагом.

Многие наркоматы (особенно Наркомат Строительства СССР, Наркомлес СССР и Главвоенпромстрой при СНК СССР) не изъявляли желания передавать немцев с целью формирования рабочих колонн, ссылаясь на «недостаток рабочей силы». В это время были заняты на предприятиях черной металлургии 2030 немцев, Наркомата по строительству - 4858 чел., Наркомлеса СССР - 7409 чел., Главвоенпромстрой при СНК СССР - 1698 чел., Наркомата цветной металлургии СССР - 1806 человек [8].

Особенно объемными по своему масштабу были запросы Наркомугля. На основе принятого постановления ГКО № 3960сс от 19 августа предполагалось направить в угольную промышленность 7 тыс. немцев и немок. Они изымались из Казахской ССР, Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей в соответствии и с более ранними постановлениями

ГКО № 1123 от 10 января 1942 г. и № 2383 от 7 октября 1942 г. [ЦХСД. Ф. 3. Оп. 58. Д. 178. Л. 108].

В конце октября 1942 г. появилось и постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) № 1732 «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях», «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». В связи с этим заместитель наркома внутренних дел Союза ССР Василий Чернышев замечал, что «для этих целей предполагалось направить новые контингенты спецпереселенцев». В их числе были названы в первую очередь немцы, отправлявшиеся на Лену, Яну, в районы Колымы, а также северной части озера Байкал. Этот контингент насчитывал 41 тыс. человек. Широко использовался труд немцев в угольной промышленности. 19 августа 1943 г. ГКО определил юридическую сторону мер в постановлении (№ 3960) «О направлении спецпереселенцев в угольную промышленность».

Только в Тульской области весной 1944 г. трудились около 10 тыс. немцев [ГА РФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 38. Л. 54]. Из них мобилизованных было 9772 человека. Численность немцев, занятых в угольной промышленности, заметно возростала в связи с принятием в июле 1945 г. нового постановления ГКО (№ 9526) о мобилизации спецпереселенцев в угольную промышленность. Советские немцы несли непосильную вахту также на угольных шахтах в Чкаловской, Кемеровской, Карагандинской и других областях. Они трудились и на Кузнецком металлургическом комбинате Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР (Горная Шория).

Мобилизованный контингент немцев направлялся и в отрасли по добыче редких металлов. Например, в золотодобывающей промышленности Якутии трудились по мобилизации более 4 тыс. немцев.

В 1944 г. немцы-шахтеры провели сбор средств на строительство танковой колонны «Смерть немецким фашистам!». За короткое время ими было собрано 15 млн рублей. Заместитель начальника комбината «Московуголь» Нутельс сообщал в одном из докладов, что «рабочие-немцы получили от И. Сталина пять телеграмм с благодарностью за самоотверженный труд».

На март 1948 г. на спецпоселении в Московской области находилось 6807 человек, из них немцев - 5520, из Крыма - 1287 человек. В Московской области трудились 767 семей (5681 человек), из них мобилизованных немцев было 698 семей (4954 человек). Они были заняты и на предприятиях Министерства строительства топливных предприятий СССР [ГА РФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 38. Л. 56]. На предприятиях угольной промышленности находились 767 немецких семей (5681 чел.), мобилизованных немцев - 689 семей (4954 челоаек), крымских татар - 78 семей (727 человек) [ГА РФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 38. Л. 58].

Уже в феврале 1942 г. в Коми автономной области находились 1082 немца, в марте - 1358 человек призывного возраста. В октябре 1942 г. благодаря проведенной в очередной раз мобилизации на территории области оказалось около 2 тыс. мобилизованных немцев. Были созданы в срочном порядке 29 взводов на 7 участках леспромхозов [30, с. 51-52].

На начало 1951 г. этот контингент возрос до 4524 человек, а на январь 1953 г. в области уже было 12 141 немец, из них 10 331 - репатрианты, 1776 - высланные, 153 - мобилизованные и 81 местный немец [30, с. 51-52].

В Коми АССР к началу 1960-х годов было 19 805 немцев. Они были представлены во многих отраслях народного хозяйства, в первую очередь в лесной промышленности.

Наряду с этим трудмобилизованные прибывали в 1942 г. на Дальний Восток по указанию НКВД СССР. Так, на основании постановлений ГКО № 3857 от 2 августа и № 3960 от 19 августа прибывшие из Казахстана 2300 человек направлялись на строительство объекта № 500 (Дальний Восток), 8500 человек - в угольную промышленность (рудоуправление, золотодобыча, лесное хозяйство, добыча редких металлов, ремонт сельхозмашин и т.д.) [ГА РФ. Ф. Р.-9479. Оп. 1. Д. 579. Л. 285].

В 1942 - 1945 гг. на территории Хабаровской края было 823 мобилизованных немца, в Приморском крае - 917. Из их состава формировалась и рабочая колонна Умалытлаг НКВД СССР.

Если предпринять попытку проследить динамику трудового использования в СССР по всем контингентам спецпереселенцев, то можно заметить, что к концу 1948 г. трудились в сельском хозяйстве 1 014 270 чел., в том числе: в совхозах - 72 170 чел., в угольной промышленности - 180 405 чел., в металлургической - 33 309 чел., в золотодобывающей и на других предприятиях и стройках МВД СССР - 96 619 чел., в нефтяной - 20 911 чел., пищевой и вкусовой - 19 670 чел., на железнодорожном строительстве Министерства путей сообщения - 18 895 чел., в рыбной промышленности - 15 903 чел., в машиностроении - 14 320 чел., в промышленности стройматериалов - 7634 чел, в химической - 400 чел., в других отраслях народного хозяйства - 752 812 человек [ГА РФ. Ф. Р. -9401. Оп. 1. Д. 579. Л. 28]. По данным НКВД СССР, только из немцев-спецпереселенцев использовались на различных работах 213 755 семей (695 955 чел.), из них мужчин - 100 764, женщин - 267 157, детей: до 16 лет - 328 084, трудоспособных - 296 694; мобилизованных немцев было занято 113 341 человек: мужчин - 61 259, женщин - 59 082 [ГА РФ. Ф. Р. -9479. Оп. 1. Д. 257 Л. 107].

12 октября 1943 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/36, спустя два дня - постановление СНК СССР №1118-342 «совершенно секретно» под названием «Вопросы НКВД СССР» о выселении национальностей из Карачаевской автономии. Вместо предполагавшихся к переселению в Киргизскую ССР 22 900 карачаевцев туда направлялись в 10 районов 26 432 человека, остальные - в Казахскую ССР, куда к январю 1944 г. было заселено 12 342 семьи карачаевцев (45 тыс. чел.), из них в Южно-Казахстанской обл. - 6643 семьи (25 216 чел.), в Джамбульской обл. - 5669 семей (20 285 человек) [41, с. 119].

С учетом проживавших граждан-карачаевцев в других городах, в том числе и Москве, было выселено чуть более 70 тыс. человек.

По данным Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР И. Серова, на середину 1950-х годов в названных республиках оставалось карачаевцев и членов их семей в Казахской ССР - около 21 тыс. чел., в Киргизии - 16 тыс., в других республиках, краях и областях - 500 человек. Они были заняты на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах [ГА РФ. Ф. Р. -9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 106 - 107].

На основании Указа Президиума Верховного Совета и постановлением СНК СССР от 28 октября 1943 г. НКВД СССР занялся осуществлением операции по переселению лиц калмыцкой национальности, главным образом в регио-

ны РСФСР и частично Казахской АССР. Переселенцы направлялись в Новосибирскую, Омскую области, Красноярский край, национальные округа Севера.

28-29 декабря 1943 г. на территории автономии проводилась операция «Улусы». В конечном итоге калмыки оказались в Алтайском крае - 6606 семей (20 858 чел.), в Красноярском крае - 6649 семей (21 614 чел.), в Новосибирской обл. - 6659 семей (18 333 чел.), в Омской области - 7954 семьи (24 325 человек). Эти данные не были окончательными. В последующем продолжалось прибытие групп калмыков. На начало февраля 1944 г. калмыки были рассредоточены и по другим областям, частично также в Казахской ССР - 648 семей (2268 чел.), в Ямало-Ненецком НО - 2769 семей (8548 чел.), в Хаты-Мансийском - 1760 семей (5961 человек) и по другим регионам [6].

Самыми существенными проблемами и для калмыков оставались жилье, организация питания, отсутствие работы. Из колхоза Рубцовского района сообщалось: «Колхоз никакой помощи оказать не может, так как в нашем колхозе своих 18 колхозников сидят без продуктов...».

Контингент калмыков пополнялся и за счет калмыков, принудительно переселенных из Сталинградской области; калмыков, мобилизованных из рядов Красной Армии (5943 офицера, 20 209 сержантов, 130 691 человек рядового состава); калмыков, выселяемых из Москвы, и других.

Начиная с 1945 г. 185 семей (538 чел.) калмыков прибыли на поселение в пос. Муйнак в Аральском районе Казахской ССР. Тяжелые условия расселения, нехватка продовольствия приводили к возрастанию смертности, которая колебалась от 0,4 до 20 %. Калмыки трудились в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях, в рыбной промышленности, лесоразработках.

На местах изыскивались возможности улучшения положения калмыков. В Красноярском крае в 1944 г. калмыкам было выдано муки 535 т, крупы - 160 т, картофеля - 535 т. Постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. им же было направлено 459 т зерна, 5702 голов крупного рогатого скота. Трех тысячам калмыков для обустройства жилья предоставлено 3 тыс. м³ круглого леса.

Принимались меры по созданию условий для обеспечения питания детскому населению. Эти же меры проводились и в других регионах расселения калмыков - в Омской, Новосибирской областях. В частности, Ференц Надь в своих воспоминаниях писал: «Как относились к переселенцам-калмыкам? Я могу говорить только о рабочем поселке Исиль-Куль. Какой-либо вражды, чтобы кто-то упрекал, издевался, презирал - не помню. Оказывали посильную помощь топливом, продуктами, особенно жалели детей...» [27].

И в этой сложной обстановке военного времени калмыки мужественно переносили все невзгоды. Даже глава спецотдела НКВД СССР М. Кузнецов признавал: «Многие из калмыков, несмотря на переселение и связанные с этим переживания и трудности, сохранили патриотические чувства...». Калмыки-спецпереселенцы, работавшие на рыбных промыслах в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа, выполняли дневные нормы на 130%. В Ишимском районе Омской области трудились 12 стахановцев.

Высоких показателей в работе достигли и спецпереселенцы-калмыки, занятые на слюдяной фабрике в Якутской АССР: 23 рабочих из калмыков выполняли норму выработки на 180%.

В 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР было выселено в Казахстан и Киргизию 37 400 чел. (3330 семей) балкарцев, по другим данным - более 40 тыс. человек [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 215. Л. 119; Оп. 2. Д. 291. Л. 127-130].

К середине 1950-х годов на спецпоселении в 54 районах и городах 11 областей Казахстана и Киргизии проживали 30 446 чел. (7990 семей) балкарцев, из них в Казахской ССР - 16 912 чел. (4332 семьи) и в Киргизской ССР - 13 534 человека (3603 семьи) [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118].

Балкарское население к этому времени было трудоустроено и в Казахской, и в Киргизской ССР. Из 19 000 трудоспособных были заняты в народном хозяйстве 12 700 человек. Основная масса балкарского населения работала в сельском хозяйстве. В колхозах, совхозах и МТС трудились 9300 чел. (73%); в промышленности - 1960 чел. (15%); в различных организациях и учреждениях - 1595 человек (12%) от общего количества работающих. В официальных партийных документах, СМИ республик отмечалось, что «местные руководители и население (казахи, киргизы. - Н.Б.) очень хорошо отзываются о балкарцах, как о трудолюбивом и добросовестном народе. Многие балкарцы, особенно работающие в животноводстве, имеют высокие производственные показатели».

На новых местах жительства балкарцы обустроили хозяйство. Из многочисленных бесед с ними, с руководителями колхозов, партийными и советскими работниками, а также путем ознакомления были сделаны выводы, что «балкарцы живут не хуже местного населения, а некоторые лучше. Благодаря своей добросовестной работе они, как правило, хорошо зарабатывают, получают значительное количество денег, хлеба и других продуктов на трудодни. Подавляющее большинство балкарских семей построили себе дома, имеют приусадебные участки, крупный рогатый скот, овец, коз, птицу. Так, из 6148 балкарских семей, проживающих в сельской местности, 4900 построили себе дома, а часть работающих в совхозах и МТС живут в ведомственных квартирах; 4657 семей имели коров. Многие обзавелись ценными вещами - мотоциклами, велосипедами, швейными машинами» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118].

Несомненно, противоправные акции, предпринимавшиеся со стороны государства, которые были направлены на стабилизацию обстановки в глубоком тылу, в прифронтной полосе, пограничных зонах, обосновывались необходимостью, чисто государственными интересами, исходя как из состояния военно-политической обстановки, так и мировой ситуации. Но одновременно подобные действия как раз и привели «к дезорганизации в системе сформировавшихся отношений в государстве накануне войны, определенной потере управления национальными процессами, потере инициативы в государстве, возникновению нервозности и страха».

Демобилизовавшиеся фронтовики по этому поводу выражали явное недоумение, испытывая определенную ущемленность своих прав, пренебрежение их гражданским долгом, который они с достоинством исполняли. Так, балкарец, студент Алма-Атинского пединститута С.К. Абаев писал В.М. Молотову: «Суровые испытания Великой Отечественной войны я выдержал с честью (в сентябре 1941 г. он был призван в Красную Армию), так же, как и миллионы советских людей, служил и боролся с врагами (около 5 лет), после окончания войны я не знаю, за что я несу это половинчатое, компрометирующее меня наказание» [4, с. 172].

И эти деяния вершились в тех условиях, когда часть представителей репрессированных граждан отчаянно сражались на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., не помышляя о тех непредвиденных наказаниях, которые терпели их родные в тылу.

В 1944 г. из районов Северного Кавказа было выселено чеченцев и ингушей 105 676 семей (496 460 человек), в том числе в Казахскую ССР - 85 063 семьи (410 955 чел.), в Киргизскую ССР - 20 613 семей (85 505 человек) [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

В середине 1950-х годов, после первого возвращения в места прежнего обитания, чеченцы и ингуши оставались еще в 204 сельских районах и городах 14 областей Казахстана и 4 областей Киргизии. По республикам они были расселены следующим образом:

Наименование республик	Чеченцев		Ингушей		Всего		% к общему населению республики
	семей	населения	семей	населения	семей	населения	
Казахская ССР	52 943	237 813	17 183	77 112	70 126	314 925	3,7
Киргизская ССР	19 033	75 873	695	3915	19 728	79 788	4,2
Итого:	71 976	313 686	17 878	81 027	89 854	394 713	3,9

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник.

Вследствие плохих жилищно-бытовых и материальных условий в первые годы проживания чеченцев и ингушей в Казахстане и Киргизии отмечалась высокая смертность и низкая рождаемость. За четыре года (с 1944 по 1947 г.) родилось 15,7 тыс. человек, а умерло 93,5 тыс. человек.

В последующее время, начиная с 1948 г., рождаемость стала превышать смертность. Так, в 1953 г. родилось 16,6 тыс. человек, умерло 6 тыс. человек. В середине 1950-х годов смертность среди бывших спецпоселенцев была такой же, как и среди местных жителей, а рождаемость - даже несколько выше [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

Основная масса чечено-ингушского населения была трудоустроена. Из 244 тыс. взрослых (от 16 лет и старше) принимали участие в общественно-полезном труде 155 тыс. чел. (63,55%), в том числе были заняты в промышленности 38,3 тыс. чел., в сельском хозяйстве - 91;6 тыс. чел. (из них 7,5 тыс. чел. - механизаторов), в различных организациях и учреждениях - 25 тыс. человек.

На ряде предприятий, в некоторых колхозах чеченцы и ингуши составляли значительный удельный вес среди имевшихся рабочих и колхозников. В Карагандинской области, например, на шахте № 42-43 чеченцев и ингушей работало 260 чел. (37% от общего количества работающих); на шахте № 12 - 250 чел. (24%), в г. Темир-Тау на металлургическом заводе - 465 чел. (15%). Всего в промышленности Карагандинской области их было занято свыше 3 тыс. человек [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

Во Фрунзенской области Киргизской ССР в колхозе «Серп и Молот» чеченцы и ингуши составляли 67% от общего числа колхозников, в колхозе «Красный восток» - 48%. Всего в колхозах Киргизской ССР работало 16,7 тыс. чеченцев и ингушей (5,5% к наличию всех трудоспособных); в совхозах - 2,3 тыс. (9,7%), в МТС - 587 (2,1%); в промышленности - 5,5 тыс. (6,9% к общему количеству работающих) [РГАНИ. Ф.5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

В большинстве своем «чеченцы и ингуши относились к труду добросовестно». Многие из них стали кадровыми рабочими, приобрели новые специальности - забойщиков, бурильщиков, машинистов угольных комбайнов, слесарей, токарей, трактористов, шоферов и др.

«Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И.В.

4 июля 1944 г.

НКВД СССР докладывал, что выселение из Крыма - *крымских татар, болгар, греков, армян* закончено. Всего было выселено 225 009 чел., в том числе татар - 183 155 чел., болгар - 12 422, греков - 15 040, армян - 9621, немцев - 1119, а также иноподданных - 3652.

Все татары к местам расселения прибыли и расселены в областях Узбекской ССР - 151 604 человек. В областях РСФСР согласно постановлению ГКО от 21 мая 1944 г. - 31 551 человек.

Болгары, греки, армяне и немцы в количестве 38 802 человека находятся в пути в Башкирскую АССР, Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области и Гурьевскую область Казахской ССР Л. Берия» [ГА РФ. Ф.Р. -9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 275].

Тем не менее обобщающие данные о крымских татарах были озвучены несколько позднее, а именно на заседаниях Крымского бюро ВКП(б) от 14 октября 1944 г. В протоколе № 59 читаем: «Большая работа проведена по спецпереселенцам. В мае 1944 г. выселено татар - 194 111 человек, и в начале уборки урожая выселено болгар, греков и армян - 36 349 человек» [11, с. 119].

Одним словом, численность населения республики сократилась на 230 460 человек. Вряд ли было справедливым наказывать весь народ. Ведь все сторонники нового режима были на учете.

В период 1945-1946 гг. было взято на учет спецпоселенцев и вернувшихся с фронтов крымских татар: 524 офицера, 1392 сержанта и 7079 чел. рядового состава. И это не включая тех, кто еще продолжал службу в армии или демобилизовался вдали от мест спецпоселения. По данным А. Велнева, насчитывалось 900 офицеров из крымских татар с точным указанием места рождения. В их числе два генерала, 60 полковников и офицеров других воинских званий.

По сведениям о численности взрослых переселенцев, на начало 1953 г. *греков* числилось на спецпереселении 40 590 человек. В 1955 г. на режиме спецпоселений оставались 10 368 греков, переселенных из Крымской АССР в 1944 г.

До 1796 г. на территории Крыма было всего 600 армян. К началу XX в. численность *армян* возросла до 8 тыс. человек (1,6%). После окончания Первой мировой войны и массового притока беженцев численность армян стабилизировалась на уровне 12 тыс. чел., в 1934 г. - 14 тыс. чел. (1,7%), в 1939 г. - 13,9 тыс. чел. (1,1%). 28 июля 1944 г. завершилось принудительное переселение их с территории Крыма. Их контингент составил 9621 чел., по другим данным - 9189 человек. В это время несли службу из крымских армян 19 офицеров, 70 сержантов,

485 солдат. На 1953 г. на спецпоселении находились 8570 граждан армянской национальности [1, с. 38-39].

27 марта 1956 г. ограничение по спецпоселению с армян было снято. Однако им не разрешалось вернуться в Крымскую область. В 2001 г. в Крыму насчитывалось 8700 армян.

На 10 июля 1944 г. были также учтены 6357 крымских караимов. Как отмечалось, выселению они подверглись лишь частично. По данным В.Н. Земскова, на март 1949 г. на спецпоселении было 170 караимов [13, с. 223]. Караимы были оставлены в Крыму, составляя органичную часть его населения [1, с. 38-39]

Последовали в места, столь отдаленные, с территории Крыма в 1942 г. итальянцы, проживавшие в районе г. Керчь. Они частично переселялись в 1942 и 1944 гг. За пять месяцев (по май 1942 г.) из Керчи, главным образом с территории итальянцев (колхоз им. Сакко и Ванцетти), были выселены около 700 человек, включая членов семей.

Принудительному переселению подлежали также местные граждане турецкой национальности, 51 венгр, незначительная часть караимов (170 чел.), 1109 цыган, 427 немцев, 272 турка, 257 украинцев, 283 представителя других национальностей. Одним словом, еще более 2 тыс. человек покинули Крымскую АССР.

В целях улучшения условий охраны государственной границы Грузинской ССР были переселены в ноябре 1944 г. в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР все проживавшие в Грузии *курды, хемшилы и турки-мехетинцы* - граждане СССР.

С момента выселения все эти лица вместе с семьями находились на спецпоселении под административным надзором органов МВД. По состоянию на январь 1956 г., на учете спецпоселения их состояло 188 454 чел., в том числе: крымских татар - 117 052, турок - граждан СССР - 45 995, балкарцев - 19 907, курдов - 4755, хемшилов - 745 человек.

Преобладающее большинство из них было трудоустроено в колхозах и совхозах Казахской, Узбекской, Киргизской и Таджикской республик, а также на предприятиях министерств путей сообщения, цветной металлургии, угольной, лесной и местной промышленности.

За время пребывания на спецпоселении крымские татары, балкарцы, турки - граждане СССР, курды и хемшилы, работая в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях и стройках, приобрели трудовую квалификацию. Многие из них хозяйственно обосновались в местах нового жительства, имели собственные дома, приусадебные участки или проживали в коммунальных квартирах местных Советов.

В общей сложности в итоге принудительного переселения в столь отдаленных местах начиная с середины 1930-х годов оказалось около 3,5 млн граждан Союза ССР. Их необходимо было устроить в местах нового расселения, решить проблему трудовой занятости, то есть трудоустройства, обеспечить продовольствием, организовать обучение детей переселенцев. Одним словом, решить сложный комплекс социальных проблем, порожденных проводимыми мерами со стороны органов государственной власти.

В этой обстановке необходимо было учитывать тот фактор, что подобные контингенты населения направлялись не только в обжитые регионы с проживавшим там населением, с созданными коммуникациями для обитания, но в

большинстве случаев и на совершенно необжитые территории. Учитывая то, каким образом протекал процесс переселения с западноевропейской территории страны, Дальнего Востока, отсутствие возможности взять с собой хотя бы все необходимое, а также спонтанный характер самой акции, осуществляемой путем выполнения приказа, трудностей и неразберихи в этом плане было более чем достаточно.

Исследование проблемы как раз показывает, что в большинстве случаев никто переселенцев особо не ждал, не готовилось ни жилье, ни другие условия для них. Многие прибывшие высаживались просто в поле, зачастую в полуразрушенных хозяйственных постройках (фермы, заброшенные полевые станы, хозблоки, старые здания, клубы, школы, непригодные для проживания). Применялась форма размещения прибывших на территорию республики в жилые заброшенные дома и путем подселения.

В связи с этим возникал еще и чисто психологический фактор совместимости, адаптации к местным условиям, интеграции в социум в новой обстановке.

В этом случае следует обратить внимание и на такие факторы, как принадлежность к национальности, вероисповедание, язык, традиции, обычаи, уровень самосознания и национального сознания, которые проявлялись в повседневности в отношениях. На эти стороны бытия в исторической литературе пока мало обращается внимания, за редким случаем приводятся лишь отдельные примеры. Тем не менее, учет их в повседневности проживания этнических общностей приобретал особое значение и отражался на уровне изначального продвижения репрессированных граждан в любых регионах страны.

В настоящем повествовании автор обращает внимание на состояние названной проблемы в большей мере применительно к Казахской ССР. Эта республика как бы открывала дверь не только на свою территорию, но и в другие среднеазиатские республики. Проводилось переселение и в Узбекистан, и в Таджикистан, и в Киргизию. Хотя составляющие отношений были характерными для всех регионов страны, но уровень их зависел и от менталитета, уровня самосознания местного населения, и от экономического положения. В статье предпринята попытка проследить, каким образом выстраивались отношения между спецпереселенцами и местным населением, выявить тенденцию в этой сфере, дать оценку обстановки.

Начиная с конца 1935 г. и в 1936-1937 гг. 45 тыс. немцев и поляков оказались в Казахстане. Переселение немцев и поляков в ту пору проводилось в основном с территории Житомирской области. Это были очередные «посланцы», начиная с середины 1930-х. Об этом и свидетельствуют воспоминания многих из них. Так, *Викентий Мартынович Баумбах*, немец, принудительно переселявшийся вместе родителями из Ворошиловградской области (Украина), рассказывает: прибыли они в Чкаловский район (был образован в 1936 г.). В поселке уже были поляки, поступившие сюда в 1936 г.

Общий язык - украинский, не русский. В основном же все были с Украины. Поляки также с Украины. Здесь уже были отмечены и смешанные браки: украинцы с поляками. Некоторые семьи казахов даже общались на украинском языке.

Но не всегда расселение было совместным с уже проживавшими полякам или немцами. *Думанская Леонтина Вауловна*, переселявшаяся из села под г. Жи-

томиром в 1936 г., оказалась в г. Кокчетау, на станции Таинча, а далее в Чкаловском районе. Прибывшим семьям было трудно. Как сами они вспоминают, «спасали люди добрые. Знаете, когда нас привезли, мы же дети, много голодных. Обращались к местным жителям за помощью. Некоторые сами приходили - казахи, и нам приносили лепешки, хлеб не пекли раньше, лепешки. Нам всегда помогали. Благодарны им, потому что мы помирали бы. Неизвестно, что было бы, если б не казахи. Нас спасали. В общем, очень нам помогали» [26, с. 483].

Конечно, ситуация в местах расселения переселенцев заметно изменилась после войны по мере обустройства и трудовой занятости. Зарплата первое время бала мизерной. В связи с этим Леонтина подчеркивает, что «каждый тогда в деревне жил, немножко свое что-то сеял, выращивал, в общем, тут жили так, не роскошно, вволю хлебы не ели, но не голодовали».

Бунакова (Сосинская) Мария Францевна, полька, также переселялась из Житомирской обл. (Украина) в 1937 г. Ее родители были расселены в пос. Марьяновка [26, с. 497]. Прибыли они в Казахстан, в Акмолинскую область. В итоге Мария констатировала: «Человек привыкает к месту. Уже, вот если я родилась в Казахстане, никогда не была на Украине, то, как я могу ехать туда. Если мой дом здесь. Я здесь родилась, мои дети здесь родились. Здесь окончила школу, институт, работаю. Естественно, все мне здесь родное» [29, с. 501].

Мария не может забыть и тех трудных времен, которые пришлось пережить ее родителям, отношения, которые проявляли к ее семье. Они «были нормальными, дружескими. Люди понимали, что прибывшие высланные, находятся в таком положении тяжелом, они как могли, так помогали».

«Проживали здесь же немцы и поляки совместно с коренным населением». На вопрос «Изменилось ли отношение местного населения к переселенцам?» был ответ: «Отношение не менялось, на протяжении скольких лет они жили, после реабилитации были нормальными. Люди жили дружно, были одной семьей. Занимались выращиванием хлеба».

Вавровская Мария Вячеславовна, полька, принудительно переселенная в 1936 г. из хут. Лабунский Полонского района, Подольской области (Украина) в Таинча Кокчетавской области Казахской ССР свидетельствует, что условия для расселения были удручающими. Переселенцы сообщали в Центр о повышенной смертности детей. «Выстроенные землянки не успели высохнуть, они все сырые. Старики и дети умирают». В ответ была оказана помощь.

Эти события происходили в Зеленом Гае, где как раз и расселялись частично поляки и немцы. Немцы также прибывали с названных территорий Украины [26, с. 511].

Выручало в такой ситуации, конечно же, местное население. Вавровские были благодарны местному жителю казаху Сулейменову, который оказывал их семье помощь - привозил камыш, солому для топки. Для матери с пятью детьми это была заметная помощь.

Полька *Белявская Деонизия Павловна* (Житомирская обл.) также оказалась на переселении в 1936 г. Их группу расселили в Талдыкорган Казахской ССР, а затем в сел. Ейтай. Кто из коренных жил в деревне, имели свои дома. Совет провел с местными жителями переговоры. Семья Белявской (шестеро детей) была приглашена на жительство русской семьей. «Надо сказать, что народ в Казахстане доброжелательный. Сами принимали, сами приглашали, как кто мог. Кто большую семью, кто меньшую. Вот мы и жили».

На вопрос «А как вы считаете, благодаря чему вы выжили вот в таких сложных условиях?» Дионизия Павловна ответила: «Вы знаете, выжить выжили, ну, и, наверное, Господь помогал. Наверное, основное - это труд. Они (ее родители. - *Н.Б.*) ведь все истинные "трудяги". Несмотря на свой возраст, родители трудились на земле, для них это родное занятие, приносящее благо. Благодаря этому детей всех своих подняли и воспитали. Основное, вот, конечно же, *труд, труд, усилие*» (Международный проект «Память во имя будущего») [26, с. 554].

Исследование вопроса позволяет сделать вывод, что в условиях мощного притока переселенцев, который наблюдался в Казахской ССР, казахи выдержали прочный экзамен. Нет отзывов, где не звучала бы благодарность казахскому народу, который в то время делил свою судьбу с представителями всех народов, прибывавших на территорию республики со статусом «спецпереселенец», а ими были корейцы, турки-месхетинцы, курды, калмыки и карачаевцы, народы Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Крымской АССР и др.

И казахи уже в самом начале проявляли чувство солидарности и дружбы, делились последним куском хлеба. Да и сами видели, кто и как относится к труду, выстраивает отношения со своими соседями.

Преподаватель кафедры философии Казахского государственного университета *П. Пак-Ир* оставил свои заметки «Новая жизнь - новые запросы», направленные им 9 мая 1955 г. в редакцию газеты «Правда». Их автор ратовал за необходимость поднятия уровня культуры корейцев, проживавших на казахской земле. Пак-Ир в названных заметках анализировал недостатки в сфере культурно-просветительной работы среди колхозников-корейцев, проживавших в Казахской ССР [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 547. Л. 39-49. Подлинник].

Казахи сразу выделили главную черту менталитета корейцев - их трудолюбие. И, следует заметить, не ошиблись в этом. Корейцы с Дальнего Востока пользовались доверием народов, с которыми они проживали в Казахстане, Узбекистане, других регионах Советского Союза. Корейцы самоотверженно трудились в народном хозяйстве, во многих сферах экономики, проявляя подлинный патриотизм. Известны примеры поистине героического труда талантливого организатора сельхозпроизводства, дважды Героя соцтруда Ким Пен Хва и др.

Более того, они были положительно воспринимаемы и в других регионах СССР. Позднее (февраль 1952 г.) начальник Переселенческого отдела при Ставропольском крайисполкоме, направляя отчет на имя начальника Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР В.В. Волочкова, сообщал о благополучном ходе задуманной идеи. Конечно, этот документ для исследователя представляет интерес, он раскрывает одну из малоизвестных страниц истории российских корейцев, переселившихся на территорию Ставропольского края в 1951 г.

За короткое время в Невинномысском районе были хозяйственно обустроены 198 граждан корейской национальности, прибывшие из республик Средней Азии. Они и здесь стали полноправными членами таких колхозных хозяйств, как колхоз им. В.И. Ленина и колхоз «Чонгар». Конечно, ожидало приезд корейцев и местное население. Колхоз им. В.И. Ленина принял 172 корейца, а колхоз «Чонгар» - 26.

Спустя некоторое время, эти преобразования приносили и заметные результаты труда. Они позволяли прежде всего увеличить оплату труда членов сельхозартели. Корейцы отличались особым трудолюбием, что отражалось как в расширении производственной базы хозяйств, так и на улучшенной динамике

доходов самих колхозников. Хозяйства становились рентабельными. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся в архивах сведения «сухой» статистики. Увеличение посевных площадей наблюдалось год от года. По колхозу им. В.И. Ленина они составили в 1949 - 1951 годах: в 1949 г. - 1483 га, в 1950 г. - 1580 га, в 1951 г. - 1850 га. Улучшалась материальная база колхозных хозяйств. Несомненно, на успехах сказывались и опыт корейцев как организаторов сельскохозяйственного производства, и трудовая дисциплина, и законопослушание.

Беседуя с *Беккаевым Исмаилом Чапановичем* (балкарец), проживавшем в Казахстане (Алмаатинская обл., село Шамалган), корреспондент пыталась выяснить развитие отношений в ту пору между представителями этнических общностей. Исмаил в ответ констатировал: «Комендант приходил, проверял. Комендант тоже хороший, уважал я его, русский парень. Один казах тоже был комендант, тоже хороший парень...». В Чемолгане жили немцы, корейцы, турки, казахи, балкарцы. И здесь как бы «не было заметных разделений (по национальностям. - Н.Б.). И, действительно, жили все в мире [26, с. 29-32, 35].

У нас соседи были корейцы, один был управляющий, такой хороший мужик...». И тут корреспондент сама заявляет в беседе: «Я же кореянка, корейцы же тоже были депортированы. И я разговаривала с азербайджанцами, с корейцами, вот, благодаря все-таки казахскому народу выжили мы ... Просто у каждого своя история» [26, с. 29-32, 35].

Пак Иван Тимофеевич, кореец, 80 лет. Был переселен с Дальнего Востока в 1937 г. На открытом грузовике от Гурьева на расстоянии 45 км их доставили до с. Сарайчик - столицу Малого жуза, которая заселена была в основном русскими. И. Пак был подселен в русскую семью. Пак замечает: «Нам было там неплохо, потому что очень были хозяева добрые, они нас жалели, что нас переселили, назвали нас переселенцами-корейцами, давали нам кушать то, что у них есть. Мы очень дружно жили с этой семьей [26].

Более того, и колхоз многое давал, когда еще было очень тяжело, только начали трудиться, жизнь пошла...» [26, с. 157].

У корейцев и казахи также пользовались популярностью. Судя по всему, «казахским» корейцам, наверное, повезло. «Все-таки, мы же не зря говорим "казахская гостеприимность", это не отнимешь у казахов, казахская гостеприимность в целом, все-таки, менталитет казахов - это гостеприимность. Культура, да. Вот это сыграло, все-таки, тоже большую роль, - заключает Иван Пак. - Чтобы нам, здесь быстрее адаптироваться в совершенно других условиях».

И далее Иван Пак приходит к интересному заключению: «Вот возьмите Узбекистан и Казахстан, вот число корейцев в Узбекистане почти в два раза больше, чем в Казахстане. Почему? Ученых, с учеными степенями и званиями, у них в два раза меньше, чем у нас? Вот показатели еще. Понимаете, да?»

И не случайно то, что менталитет «узбекских» и «казахских» корейцев очень сильно разнится. Казахи по своему характеру все-таки отличаются простодушием. Они всегда готовы делиться, так сказать, тем, что есть. У узбеков же нет такого отличия. Более того, в Казахстане сосредоточена значительная часть корейской интеллигенции. Несомненно, это «связано с Дальневосточным Корейским институтом, это первый очаг, газетой - очаг, а также театр, тоже интеллектуальный очаг, вот эти три составляющие...» [26, с. 168].

В ответ на вопрос о встречающейся реплике, что якобы «Казахстан обязан нести ответственность за принудительное переселение», И. Пак полагает: «Казахстан не должен отвечать. К Казахстану мы только должны относиться с бла-

годарностью. К Казахстану никаких претензий у нас (корейцев. - *Н.Б.*) не должно быть [26, с. 168].

Казахстан не виноват. Казахстан вместе с нами пострадал, правильно?»

Вывод принудительно переселенного гражданина И. Пака сводился к тому, что «в этой ситуации важным фактором оставался их собственный труд и отношение к труду» [26, с. 170].

О совместном проживании народов на территории Казахской ССР поведал и кореец *Ким Рафаил Николаевич*. Он переселялся из Приморского края, села Синельниково, в 1937 г. И группа корейцев расселялась совместно в Таинче. В округе Таинча была известна тем, что сюда еще с царских времен переселялись украинцы. Это были не украинцы, прибывавшие в советское время. Здесь проживало в основном украинское население.

Что касается отношений с местным населением, то они «были нормальными ... никаких притеснений не было. Никаких косых взглядов, все было нормально ... По-видимому, народ привык к этому, знает не понаслышке ... То есть проблемы общения с казаками не было? Казахи всегда мирно сосуществовали, наоборот, с ними легче было общаться, чем с европейцами ... и в школе, и везде» [26, с. 191]. «У корейцев отношения с местным населением были очень добрыми. Сказывалась на этом и совместная работа на ферме. Кореянки - доярками, казахи - пастухами. Они каждую весну, в марте, уходили на пастбища...» [26, с. 270].

Подобные сведения передал и переселенец *Ким Моисей Юнович*. Он был также принудительно переселен из Ольгинского района Приморского края в 1937 г.

В основу выстраивания отношений с местным населением был положен принцип уважительного отношения. И им строго руководствовались принудительно переселенные советские немцы. *Краутер Нелли Александровна*, немка, переселялась в 1941 г. из села Ольгино Запорожской области

Ее группа переселенцев прибыла на станцию Шортанды Акмолинской области в конце ноября, когда в Казахстане уже наступили холода. Надо было и обустроиться с жильем, и найти работу. Местные граждане располагали в хозяйстве множеством овец. Нелли Александровна брала у них подряд - вязала носки, получая тем самым вознаграждение за свою работу: то молоко, то пару картофелин. Вот таким образом и «выходили из этой ситуации» [26, с. 287].

Рейтенбах Виктор Фридрихович, немец, переселялся в 1941 г. из города Ханлара Азербайджанской ССР. Прибыли они семьей на станцию Колутон Акмолинской области. А уже потом были доставлены в село Жанатурмыс, где располагался колхоз «Жанатурмыс». И Виктор Фридрихович утверждал, что, таким образом, им очень повезло в этом колхозе. Они быстро адаптировались к местным условиям. «Благодаря помощи, которую оказывало местное население, всем, чем могли, а самое главное - питанием, мы же приехали без какого бы то ни было питания, нам удалось выжить. Помогали и мы им потом в работе, по хозяйству. Прошли и добротную жизненную школу. Помощь нам оказали и одеждой. Научили, каким образом надо шить из кожи - овчинки, теплые сапоги. Такая помощь была своевременной. Большое спасибо тем, кто оказывал нам бескорыстную помощь. Иначе в ту пору мало бы кто выжил».

Было также и после переезда семьи в *Журавку*, где проживали в основном переселенные немцы с Поволжья, белорусы, украинцы, молдаване, поляки, че-

ченцы и др., в целом же представители 17 наций. В хозяйстве трудилось и много казахов. Работало целое отделение чабанов.

Следует отметить, что немцы и сами старались много работать. При этом они очень качественно выполняли свою работу, относились к ней со всей ответственностью, как правило, старались быть в рабочем коллективе, не навязывая своих идей, не вмешиваясь в чужие обычаи, не нарушая выработанных поколениями традиций. Они всегда помнили ту помощь, которую оказывало им местное население.

На спецпоселение был направлен со своей матерью из хутора Александровский (назывался в ту пору немецким селом Александр Гейн) Запорожской области и *Ауман Владимир Андреевич*. Они были расселены в Федоровский район, село Банновка Кустанайской области (Казахская ССР).

По прибытии в процессе размещения они (9 детей, мать и бабушка) были подселены к женщине по фамилии Горковенко. У нее же было двое своих детей, но и дом большой. Муж воевал на фронте. Это трудно было представить: насильно немцев вселили в дом (!), хозяин которого воевал на фронте. «Но хозяйка приняла нас, она не выгнала, она делилась не только своим жильем, но и чем могла. Затем по доносу была привлечена к ответственности в судебном порядке. Семья Ауман с оставшимися ее детьми жили вместе. «Они 10 лет мою мать называли мамой», - констатировал в своих воспоминаниях Владимир Андреевич [26, с. 318].

Бепле Марта Григорьевна, немка, прибыла на место переселения из Азербайджанской ССР в 1941 г. На разных видах транспорта группа переселенцев 7 ноября прибыли в Лебяжье, а после перебрались в Бескарагай - совхоз. Несколько семей оставались там, а остальные отправились в Подпуск. Там сразу же занимались обустройством с преодолением всевозможных трудностей. Правда, делали все самостоятельно.

Гальстер Римма Кондратьевна, немка, была доставлена эшеленом в 1942 г. из с. Красногорское Симферопольского района Крымской области. Они проживали в Марьяновке Шкербактовского района. Там же проживали русские и казахи. «Ну, конечно, встретили нас сначала неважно. Затем была поддержка», - вспоминает Римма Кондратьевна. В Шкербакты с обустройством повезло. Жили в собственном доме. Ни к кому не подсеялись. «Здесь нас встретили хорошо» [26, с. 423], немцев в непростых условиях периода Великой Отечественной войны. Однако эти немцы с достоинством исполняли свой гражданский долг как на фронте, так и в тылу, взяв на себя решение такой задачи, как создание условий для обеспечения безопасности государства.

Работая в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (г. Краснодар) с документами о деятельности районных партийных организаций в послевоенный период, в частности справками, информационными заметками секретарей райкомов ВКП(б) о восстановлении и развитии сельского хозяйства в колхозах края за 1947 год, автору настоящей статьи удалось обнаружить интересные документы, проливающие свет и на волнующий вопрос.

В данном случае речь пойдет о проживании немцев на территории Крыловского района. Каким было отношение местного и партийного, и советского аппарата власти, как и населения, дает ответ докладная записка секретаря Крыловского райкома РКП(б) Г. Симоняка, направлявшаяся на имя секретаря крайкома ВКП(б) В. Зинченко 12 февраля 1947 г. Думается, она отличается объективностью по своему содержанию. Казалось бы, фактически переселение немцев

из района произошло шесть лет тому назад, и можно было бы в водовороте тех бурных событий все забыть.

Однако о немцах помнили, помнили об их работе в Розентальской МТС, обслуживавшей одновременно несколько колхозов района. Сложилась ситуация, когда дело в колхозах на продолжительное время разладилось. Ранее немцы занимали земельные площади и обрабатывали их. Теперь же ощущалась острая потребность не только в рабочей силе, но и в решении вопроса, каким образом распределять оставшиеся необработанными земельные массивы в колхозах прежнего проживания советских немцев.

Секретарь райкома Г. Симоняк неоднократно вспоминал немцев, проживавших в Крыловском районе. В качестве выхода из затруднительной ситуации ничего другого предложить не смогли, кроме как «поставить вопрос перед Правительством СССР о передаче этой земли в Госфонд» [26].

Типичным было положение и на территории многих других регионов страны с проживавшими там советскими немцами. Так, в Коми АССР на 1 июля 1949 г. на учете состояло 27 538 спецпоселенцев, в том числе 7714 власовцев, 10 756 немцев, 3092 оуновца, 6021 бывший кулак, 553 литовца.

Значительная часть спецпереселенцев, несмотря на тяжелые условия труда, за высокие показатели в работе неоднократно в 1940-х - первой половине 1950-х годов награждались правительственными наградами и почетными грамотами. Так, например, в Челябинской области около 20% работающих в промышленности советских немцев являлись передовиками производства. Только в Алма-Атинской, Павлодарской и Акмолинской областях Казахской ССР из числа спецпоселенцев-немцев за высокие производственные показатели было награждено за отмеченный период 835 человек; 556 человек являлись участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. По тем временам это была высокая поощрительная награда.

Всего было расселено 1 204 678 немцев. Из них: в Казахской ССР - 462 694; Таджикской ССР - 28 943; Киргизской ССР - 16 894; Узбекской ССР - 8584; в РСФСР - 733 149, в том числе: в Коми АССР - 20 780; Красноярском крае - 66 430; Архангельской обл. - 13 029; Кемеровской обл. - 66 615; Молотовской обл. - 52 939; Новосибирской обл. - 80 020; Омской обл. - 43 620; Свердловской обл. - 54 247; Томской обл. - 26 641; Тюменской обл. - 28 863; Челябинской обл. - 48 322 [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 139]. Преобладающее большинство немцев - уроженцы местностей, откуда выселение не производилось, на учет спецпоселений не состояли. Так, в Омской области из 46 386 немцев на учет было взято 1142 человека, в Алтайском крае из 17 567 человек - 1130, а в Чкаловской области из 14 300 - всего 399 человек и т.д. [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 136. Л. 2-3. Копия].

По распоряжению СНК СССР после войны были направлены на спецпоселение 208 462 репатриированных немца, и в 1948 г. МВД СССР были взяты на учет как спецпоселенцы 159 906 немцев - местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других районов. Таким образом, всего находилось на поселениях в 1940-1950-е годы вместе с детьми 1 225 005 немцев [АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 182. Л. 17-24. Подлинник]. Согласно «Справке о количестве выселенцев и спецпоселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение, о количестве выселенных и спецпоселенцев, прошедших переучет в 1949 г.», немцев на спецпоселении находилось 1 024 722 чел., прошли переучет 1 069 041

человек. В числе переселенных немцев 210 600 чел. репатриированных, взятых на учет в 1945 г. [ГА РФ. Ф. - 9479. Оп. 1. Д.436. Л. 19-20. Подлинник].

Из общего числа спецпоселенцев-немцев было занято на работе в различных отраслях народного хозяйства 562 тыс. человек. Из них: в сельском хозяйстве трудились 300 тыс. человек., в угольной промышленности - 65 тыс. человек, в строительных организациях - 40 тыс. чел., в лесной промышленности - 35 тыс. человек, в местной промышленности - 29 тыс. человек, в металлургической промышленности - 21 тыс. человек, в нефтяной промышленности - 15 тыс. человек, на предприятиях и в учреждениях Министерства путей сообщения - 9 тыс. человек., в бумажной и деревообрабатывающей промышленности - 8 тыс. человек, на предприятиях других министерств и ведомств - 60 тыс. человек.

В Кокчетавской области шесть колхозов, которые в основном состояли из спецпоселенцев-немцев, были миллионерами. В Павлодарской области таких колхозов насчитывается более десяти. В Кемеровской области за высокие производственные показатели в угольной и металлургической промышленности было награждено орденами и медалями Советского Союза 166 спецпоселенцев-немцев, в сельском хозяйстве – 37 человек. В Новосибирской области за высокие показатели в работе награждались орденами и медалями Советского Союза 160 человек и 223 человека являлись участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В совхозах, колхозах, МТС и леспромхозах спецпоселенцы-немцы, как правило, были заняты в ведущих профессиях, которые они приобрели за время пребывания на спецпоселении. В Новосибирской области работали председателями колхозов, бригадирами, агрономами, прорабами и мастерами 293 немца, трактористами и комбайнерами - 2231. В Молотовской области из числа спецпоселенцев-немцев 4290 человек работали инженерами, механиками, мастерами, технологами, 593 человека - врачами, агрономами, зоотехниками и преподавателями.

Подавляющее большинство спецпоселенцев-немцев в местах поселения находились более 10 лет. За это время они, будучи трудоустроены в сельском хозяйстве и промышленности, прочно обосновывались в местах нового жительства, имели собственные дома, скот и приусадебные участки.

Из 62 835 спецпоселенцев-немцев, расселенных на территории Алтайского края, более 50% приобрели собственные дома. В Красноярском крае свыше 50% спецпоселенцев-немцев были заняты в сельском хозяйстве, из них большинство имело собственные дома с надворными постройками и приусадебными участками, в Манском районе этого края из 330 семей спецпоселенцев-немцев 179 семей проживали в собственных домах, 230 семей имели крупный и мелкий рогатый скот. В Больше-Муртинском районе, где было расселено 426 семей немцев, 261 семья проживала в собственных домах, спецпоселенцы-немцы имели 316 коров, 496 коз, 269 свиней и домашнюю птицу.

В Новосибирской области на территории 23 районов, где было расселено подавляющее большинство немцев, в собственных домах проживали 19 520 человек, в коммунальных и ведомственных домах - 17 923 человека.

Согласно Справке о находящихся на спецпоселении лицах немецкой национальности на территории Томской области, в 1948 г. всех спецпоселенцев было 21 694. В 1951 г. из всех 64 290 спецпоселенцев в области немцев было 24 964 человека, в июле 1954 г. находилось на спецпоселении 15 978 немцев [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 435. Л. 54-56, 75-76 и др.].

«Из общего числа проживающих в Туркменской ССР немцев трудоспособных было 1435 человек, а из них занято в промышленных предприятиях республики 731 человек и в сельском хозяйстве - 446 человек.

Граждане немецкой национальности были расселены и на территории Туркменской ССР в следующих регионах:

Ашхабадская область - всего 1653 человека, из них проживали непосредственно в гор. Ашхабаде - 188 человек. В районах области: в поселке рахс - 374 человека, в г. Красноводске - 437 человек, в г. Небит-Даге - 464 человека, в поселке Вышка (район Небит-Дага) - 60 человек;

Марийская область - всего 940 советских немцев, в т.ч. в районе и городе Байрам-Али - 514 человек, в Колотанском районе - 151 человек, в Туркмен-Калинском районе - 109 человек, в Ташаузской области находились 52 немца и Чарджоуской области - 20 советских немцев.

Прибывших немцев в республику после окончания Великой Отечественной войны насчитывалось 267 человек», - докладывал секретарь ЦК КП Туркменистана С. Бабаев [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 213-215. Подлинник].

Полагаю, что также ценно обратиться и к вопросу о формировании отношений карачаевцев с местным населением тех регионов, на территории которых им пришлось обитать более 13 лет. Важную роль в жизни карачаевцев играла сфера общения как с теми, кто на таких же основаниях принудительным порядком был переселен в республики Средней Азии и Казахстан, так и с местным населением особенно. Об этом повествуют сами карачаевцы - непосредственные участники этих событий.

Отношение к переселенцам в республиках оценивал позднее коммунист М. Гаджаев в своем обращении (1956 г.) в Президиум ЦК КПСС о необходимости восстановления конституционных прав карачаевского народа. По этому поводу он констатировал: «Карачаевцы, как трудолюбивые колхозники и как прекрасные скотоводы, пришлось, как говорят, ко двору некоторым руководителям нацкомпартий этих республик, и они не прочь были "кое-что" из пережитков культа личности в вопросе о "спецпоселенцах" сохранить, смягчив только их формулировку» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Основная масса населения на этот период была трудоустроена в колхозах, совхозах, МТС и в промышленности республик. Из 34,1 тыс. человек взрослого населения 23,5 тыс. было занято в сельском хозяйстве, 600 чел. - в промышленности и 5,7 тыс. работали в различных учреждениях и организациях. Остальные 4,3 тыс. не работали. К ним относятся многодетные матери, престарелые, инвалиды и некоторая часть трудоспособной интеллигенции, проживающая главным образом в городах. Как сообщалось в обзоре ситуации, «к общественному труду подавляющее большинство карачаевцев относится вполне добросовестно. Местное население, партийно-советский актив и хозяйственные руководители положительно отзываются об их работе и поведении».

За высокие показатели в труде многие карачаевцы были отмечены правительственными наградами и поощрениями, являлись участниками Всесоюзной и республиканской сельскохозяйственных выставок. Некоторые из передовиков-карачаевцев - бригадир тракторной бригады Чуйской МТС Джамбульской области Балаев Богодур, звеньевая свекловичница колхоза «Бельбасар» этой же области Мамедова Джамим и другие - удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Коркиазов Иосиф Магомедович, карачаевец, переселен из поселка Канджага Карачаево-Черкесской автономии. В 1943 г. был расселен с другими карачаевцами в сел. Кардай Джамбулской области.

Об отношениях в многонациональной семье Казахстана сообщает: «Мы все живем дружно, аким района у нас - казах, зам. акима - русский, главный архитектор - кореец, в милиции у нас все национальности трудятся, в больнице главный врач - азербайджанец, аким округа - чеченец, я - карачаевец - бизнесмен. Мы все живем, трудимся, дай Аллах так и дальше жить. В радости и в горе мы вместе с казахским народом» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Узденов Ахмат Халимович, карачаевец. В 1943 г. также переселялся из села Учкулан Карачаево-Черкесской автономной области.

Сперва отца, бабушку и Ахмата с младшим братом доставили в Бишкек, а после - в с. Чайкурук. Распределили группами по колхозам и совхозам. Как отмечает с неуверенностью Ахмат Халимович, брат Маленкова руководил сельсоветом.

«Поначалу мы знакомились с округой. Мы понимали, что говорят, язык наш был схож. Встретили нас настороженно... Подходить, не подходить... Первый день смотрели так... А потом последовало предложение от местного жителя - пасти баранов. На третий день мы уже были в работе. По весне и коров, и барашек пасли» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Спустя некоторое время семья переехала в Гродеково. Отец находился в Дунгановке, где устроился на работу инспектором. Он был грамотным специалистом. Первое время, конечно же, семье было трудно, но в ту пору всем ведь было трудно. «Но мы к этому привыкли», - заметил Ахмат.

После окончания курсов по тракторному делу Ахмат Халимович работал трактористом на выделенном ему участке размером в 130 га, выполнял весь цикл полевых работ, выращивал свеклу.

Семья (жена, шестеро детей, уже все взрослые), несмотря на трудности того времени, старались преодолевать все неудобства. Добрыми были отношения и с соседями-казахами, никаких ссор, полное взаимопонимание. Хи - золотые люди, - констатировал Ахмат Халимович. - Мы нашли с ними общий язык, ладили во всем, живем и в согласии, и в мире. Вот чеченцы не всегда поступали порядочно...»

Наверное, чтобы нормально жить, как это положено в обществе, надо трудиться, и твой труд, как говорят в народе, воздастся. Вот, и «мы работали, несмотря ни на что, шел снег, дождь, град, работали с утра и до позднего времени, не останавливаясь...».

Балкарец Беккаев Исмаил Чапанович переселялся из Нальчика в марте 1944 г. в возрасте 15 лет совместно с младшим братом в село Шамалган Алма-Атинской области. По приезде непросто было. Мать потеряли во время переезда. Затем ребят приняла казашка, которая жила со своей внучкой в собственном доме. В хозяйстве у нее были также две коровы. Ребята помогали по уходу за ними, были обеспечены молоком. Часто были у других соседей на праздниках, где могли пообедать. «Бог видит, хорошая женщина» [29, с. 34].

Население было главным образом турки, чеченцы, но балкарцы в большем количестве.

Затем ребята были переправлены в с. Чемолган, туда, где «был толковый управляющий». Там жили немцы, корейцы, турки, казахи, балкарцы. Жили все мирно, действительно, в мире.

В Госстрое, где пришлось трудиться, были в большинстве русские, они всем руководили. Здесь деньги не платили. Поэтому Чемолган был более удобным для проживания.

Конечно, в колхозе проще. Имелась лучшая возможность с питанием и особенно осенью во время урожая.

Месиров Хаджимурат Даутович, балкарец, со своими отцом и матерью также прибыли из Кабардино-Балкарии в конце марта 1944 г. Первой их станцией была Чалдала в Жамбылской области. Местные жители встретили их с благожелательностью. Помогли сразу же с питанием и в последующем поддерживали как можно. «Есть литр молока - нам половину. Булка хлеба есть - половину нам дают. Тогда муки не было. Лепешки - нам половину. Душевно встретили нас. И жили мы дружно». Спустя некоторое время и свадьбы пошли. И свадьбы совместные пошли между балкарцами и казахами. Жили мирно, очень мирно жили», - вспоминал Исмаил Беккаев [26, с. 43].

Кулиев Радес Хаджи-Мусаевич, балкарец. Прибыл на поселение также из Кабардино-Балкарии (г. Нальчик) в марте 1944 г. Очередная группа была направлена в Кенбулу. Там расселялись украинцы, русские, поляки, немцы. Прожили в селе два года, до 1947 г. Затем проживали в с. Новопокровка, в которой было очень много немцев.

Одна половина улицы была заселена немцами, вторая - балкарцами.

Наша семья в Кенбулу состояла из пяти человек, моему брату было 5 лет. Отец сражался на фронте. Семью поселили в русский дом, хозяин дома был на фронте, у хозяйки - трое детей. А потом, через некоторое время, Беккаевым предоставили помещение в бывшей кузне, без окон, земляной пол, крыша покрыта камышом. Они жили с бабушкой. Тяжко было этой семье...

Возник вопрос, как можно было им выжить? Их трудолюбие явилось спасением. Они выполняли разные сельхозработы. Дети также привлекались к труду в колхозе «Кызылту» («Красное Знамя»). Многие люди сочувственно относились к переселенцам. Их было гораздо больше.

Но была и другая категория людей, которые отличались агрессивностью в отношении переселенцев. Судя по всему, была проведена предварительная обработка населения в идеологическом плане: «К вам привезут врагов народа, которые немцам помогали».

Однако эта агитация не делала погоды. В основном местное население, как могло, так и помогало. В летне-осенний период становилось относительно полегче. В Чуйской долине летом и осенью можно было прокормиться с огорода. В семье трудилась мать, будучи медиком по профессии (фельдшер). «Только, только поэтому мы выжили, - констатирует Исмаил Чапанович, - а в целом у нас была очень сложная ситуация».

Жамангозова Люба Асхаткызы, балкарка, принудительно выселенная из Кабардино-Балкарской АССР в 1944 г. в возрасте 14-16 лет. Они с братом попали в Алма-Ату. Далее были направлены в совхоз № 5 Октябрьского района. Учеба была приостановлена и принято решение идти работать. В совхозе Люба Асхаткызы занималась выращиванием овощей: помидоры, огурцы, виноград, собирали яблоки. А брат трудился извозчиком. Одновременно искали родственников. Пришлось отправиться в Щербакты, где и разыскали свою родственницу.

И далее Люба Асхаткызы замечает: «Я очень горжусь, что мы попали в Казахстан, те, кто были расселены в Кыргызстан, Узбекистан, они мучительно это переживали, а мы благодарны казахам. Здесь можно вспоминать о своей исторической родине, Казахстан для нас - вторая родина, здесь выросли, состарились, дети стали взрослыми в нашем светлом Казахстане» [29, с. 54].

По-разному выстраивались отношения между чеченцами и ингушами (конечно, не «виповскими»), с местным населением, в процессе общения с представителями других этнических общностей, претерпевших притеснения со стороны органов власти. На эту проблему обратили внимание и исследователи истории пребывания чеченцев и ингушей в Казахской ССР Ж.А. Ермекбаев и С.Ш. Казиев. Ими даны как общая оценки ситуации, так и применительно к разным регионам [44; 21, с. 337, 394; 15, с. 198-207].

С.Ш. Казиев отмечает, что, к сожалению, такие органичные понятия, как «надежное партнерство», «сотрудничество (соработничество)», «доверие» применительно ко многим этническим общностям, еще слабо изучены наукой, но постепенно обретают истинную реальность. С.Ш. Казиев предпринял попытку продемонстрировать это именно посредством такого социального понятия, как *доверие*. Ученым предстоит многое сделать, чтобы дать ответы на пока еще существующие вопросы сложного периода в истории страны.

Как известно, *межэтническое доверие* - это часть социального доверия. Учеными, представляющими в исследованиях не только психологические установки населения, но и основной социальный ресурс многонационального сообщества, *доверие* рассматривается как средство более глубокой консолидации и сплоченности общества. Оно сочетается со строгим учетом таких норм, как поведение в обществе, отношение к этнической общности и на индивидуальном уровне отношение к труду. Это остается пока в числе важных составляющих нашего многонационального сообщества в государстве.

В определенной мере ответ на этот вопрос применительно к чеченцам представляет исследователь С.Ш. Казиев. Сравнивая положение этнических общностей в условиях принудительного переселения, их отношение к каждой из них, он замечает следующее: «Вайнахи сознательно самоисключали себя из местного полиэтничного сообщества, *отвергая путь завоевания доверия у местных жителей, как это сделали немцы, корейцы, турки*» [как этой позиции придерживались и курды-езиды. - Н.Б.].

И далее С. Казиев отмечает, что «в противостоянии с властью и окружающими народами вайнахи выработали гибкие коллективные стратегии поведения. В чем их суть? Ими предполагалось временное подчинение сложившимся обстоятельствам; умелое использование и подкуп местных руководителей, сотрудников правоохранительных органов в своих целях; насилие и притеснения в отношении более слабых соседей; сотрудничество и подчеркивание своего религиозного единства с более сильными соседями» [21, с. 198-207].

Каким же было в условиях принудительного переселения отношение чеченцев и ингушей к местному населению в повседневности? Эту сторону жизни частично раскрывает содержание их воспоминаний об том периоде жизни.

Докаев Ахмед Алиевич, ингуш, *Тимурзаев Мурад Хакяшевич*, чеченец. Были переселены из села Аккиик Чечено-Ингушской АССР в 1944 г.

15-20 семей чеченцев и ингушей прибыли ночью на станцию Колутон. В общем, все были раздетые. Встретил их мороз и буран. Сразу же была ощутимой проведенная на месте агитпропаганда, настроенная против чеченцев и ингу-

шей. - Изменники! «Тем не менее, - вспоминал Ахмед Алиевич Дакаев, - благодаря местному народу, благодаря мягкости его характера, они ощутили совсем иное. И мы остались живы, благодаря им. Они приняли нас».

Действительно, всех переселенцев приняли в свой дом. Потом, летом уже, совместно создавали условия: кто землянку копал, чтобы теплее было, а кто достраивал дом, Там, где были стены, привели все в должный порядок, сделали укрытия. Повезло переселенцам, как сами вспоминают, с председателем колхоза - русский, демобилизованный по причине увечья. Решал многие хозяйственные вопросы.

Местное население жило не очень богато. И жители приняли прибывших, поделились куском хлеба. Две зимы прожили там, в Колутоне. Постоянно были заняты: летом на посевной, на сенокосе, на уборке, получая за этот труд скудное пропитание.

Внимательными были к нашим нуждам переселенцев и учителя, «хорошо относились. Не обижали наших детей и с сочувствием относились к ним. "Эти люди обиженные", - говорили учителя» [26, с. 81-85].

Население состояло главным образом из казахов (проживали в юртах, землянках), поляков, немцев. Русские - в г. Акмолинске. По приезде ожидавшие их казахи разбирали семьи и уводили в свои землянки. Иногда расселялись приезжие и в конюшне, где для этого были устроены загоны. Цель одна - не оставить людей на улице.

Тимурзиев Ахмет Исмаилович, ингуш, вместе с родителями прибыл из сел. Базоркино Чечено-Ингушской АССР в феврале 1944 г. Расселялись в селе Алексеевка Темиртауского района Акмолинской области.

Был по-своему обеспокоен враждебно настроенным отношением к переселенцам сел. Алексеевки: «У нас были строго свои. ... На нас смотрели все как на волков... Работы нет, ничего нет. Воровали, понимаете. Кто не воровал, тот уходил в мир иной... Мой отец был врожденный интеллигент, он выступал против всего этого».

Что же было опорой для выхода из такой ситуации? «А спасало нас в такой обстановке в первую очередь - это вера, надежда». Жили очень дружно, помогая друг другу, делились последним куском хлеба. Так по-братски жили и жили», - замечал Ахмет Тимурзиев [26, с. 98].

Дзауров Иса Аббасович, ингуш, прибыл с родителями из г. Владикавказа на станцию Жалтыр. Это было, наверное, 9 марта. Казахи ждали. Потом увозили за 70 км на санях в село Камышенка Новочеркасского района Акмолинской области. Сразу же ощущалось отсутствие теплой одежды.

После сбора зерна и выполнения плана выдали по 3 кг зерна. И снова работа: сначала бороновали, а потом вспашка. Чуть свет - подъем, работали до окончания светового дня и обедали. До 1948 г. зимой-летом находились на полевом стане.

«Недалеко располагался поселок, в котором проживали казахи. Мы их навещали. Очень помогали нам. Казахи к нам относились дружелюбно. Мы подходили к р. Ишим, а они уже ждали нас. И так до 1947 года. Я не уходил от полевого стана далее чем за 20 км. Зимой и летом никто так старательно не работал, как я и мой отец», - вспоминает Исса Аббасович.

Как и в других районах республики, жители Камышенки также дружили с местными мусульманами. Имели своих друзей из казахов и в г. Караганда.

Конечно, на бытовом уровне имели место в пределах рынка и случаи выражения недовольства. Один из казахов своим покупателям из чеченцев заявлял: «Это наша земля, уезжайте отсюда...». Но в целом же отношения были нормальные. И в школе, где учились дети чеченцев, и в институтах, и по-соседски. «Казах, если барана зарежет, то половину соседям из переселенцев отдавал, а половину - себе оставляет». «Нам очень казахи помогли, и работали вместе. Я в колхозе трудилась на сеялке, затем, летом в саду работала и 12 коров доила. Мать у нас, когда болела, я вместо нее работала, а у кого трудодней не было, в Иркутск на 8 лет отправляли», - дополнила разговор жена [29, с. 103].

Такие отношения говорят сами за себя. Люди оказывали помощь. Без нее вряд ли можно было бы обойтись спецпереселенцам в тех условиях, в которые они были поставлены. Чеченцы и ингуши старались работать, как это положено. Конечно, со временем жизненные условия улучшались.

Бекбузаров Багалдин Усманович, ингуш, прибыл из села Орджоникидзе. 86 сельских хозяйств были оставлены на станции Колутон.

Глубокой полночью поезд прибыл на станцию. Переселенцев ждала сотня подвод. Пассажиров доставляли по трем селам. Бекбузаров Багалдин остался в сел. Новый Колутон, обстановка была не совсем здоровой. К этому времени местные русские распространили слухи, что «людоедов привезли». Молва, конечно же, быстро «разлетелась» [26, с. 106].

Затем семья переселилась в Лазаревку. И здесь с местными трудились в хозяйстве.

Родители Яндиевой Марьям Джемалдиновны, ингушки, переселялись из Чечено-Ингушской АССР в Казахскую ССР, а затем в Киргизскую ССР в 1944 г. Сама же она родилась в г. Фрунзе, в благополучной обстановке, в интеллигентской среде уже после того, как родители переселились окончательно в Киргизскую ССР.

Вообще в Киргизию было мало направлено ингушей (всего 20 тыс. от общего их числа), а остальная часть были в Казахстане, в основном в Северном Казахстане. Мать Марьям Яндиевой переселялась в группе чеченцев-горцев и оказалась в колхозе вблизи Джалалабада [26, с. 130].

Следует отметить, что в опубликованном проекте «Память во имя будущего» среди воспоминаний, связанных с проживанием анклавов спецпереселенцев, которые были созданы принудительным переселением, выселением, ссылкой, отбывавшими наказание по политическим мотивам, воспоминания М.Д. Яндиевой самые насыщенные, содержательные и конструктивные. Чувствуется в них пережитое ею, богатый накопленный опыт преодоления возникавших трудностей. Очевидно, преподавательская деятельность, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по этой же проблеме сыграли свою роль. Но вывод автора не совсем понятен.

Ни в одной стране мира, где происходили подобные акции, не звучал по итогам призыв об изучении темы начиная с 4-го класса школы. И так понятно, что она по своей направленности гнусна со стороны государства. Но ставить это целью учебного процесса, втягивать в эту историю молодых людей будет не совсем правильно. Не это должно быть главным в сознании новых поколений, а воспитание, нацеленное на формирование установок патриотизма, формирование самосознания и национального сознания, любви к своей малой родине, к Отчизне, восприятие общих целей в существовании многонационального государства, следование общей идее государства, заложенной в основе Союза ССР.

Автору не удалось в своих выводах выйти за рамки обобщения, хотя бы в пределах Северного Кавказа. Она находится в состоянии бесконечного клеймения прошлого, режима Сталина. То, что не завершена реабилитация, это уже дело государственных органов власти, а также местных - республиканских органов законодательной и исполнительной власти.

М.Д. Яндиева напоминает о некой скрытой «депортации» в современных условиях республики, о «добровольном исходе». Вряд ли надо поворачивать общество к каким-то покаяниям, когда сразу возникает вопрос: кого и перед кем? За окном совершенно другой мир, общество высокоорганизованных и интеллектуально развитых людей. И мне, как представителю Северного Кавказа, приятно было встретить молодых симпатичных парней из Ингушской республики во Владивостоке. Летели одним и тем же авиарейсом. И я подумал: вот верно. Это их страна - Россия, они имеют право жить и работать там, где полезен их труд, где они востребованы, а не копошиться только в республике, и также в регионе, где будут постоянные проблемы жилья, устройства на работу, неудовлетворенность. Перемещение молодежи не запретишь, ей присущ поиск лучшего обустройства своей жизни, и не только в Ингушетии. Мне было приятно услышать, тем более познакомиться, с курдом Рашидом Фероевичем Шамоном в Петропавловске-Камчатском. Он прибыл по распределению из астраханского вуза. Сделал в городе «переворот» в плане обустройства, к нему прибыли еще 250 его соплеменников - курдов-езидов. Он стал депутатом Камчатского краевого собрания.

Республику надо любить, хранить в своем сердце, сохранять самобытную культуру своего народа, оберегать благородные его традиции, но это можно делать, пребывая во всех уголках нашей страны. После окончания учебы (1968) выпускники-историки Кабардино-Балкарского университета им. Х.М. Бербекова трудились на ниве просвещения в Магаданской области, в г. Топал Красноярского края (Михаил Тахохов, Анатолий Кажаров из с. Чегем -2 Кабардино-Балкарской Республики и др., которые были назначены директорами школ и сохранили теплые воспоминания об этой работе). Это был уже вклад их поколения в духовный потенциал своего государства в широком смысле слова. Этим можно гордиться.

Хамзатов Мода Бекмурзаевич, чеченец, принудительно переселялся в 1944 г. из селения Яхчайн Галашкинского района в Казахскую ССР, г. Талды-Курган. В семье Мода было 11 человек. Их поначалу доставили до г. Грозный, а затем до места расселения. Первая встреча была с казахами, и с ними же устанавливались контакты.

Мода Бекмурзаевич сразу же изложил свою характеристику казахов: «Это степной народ, который не видел, наверное, войны, проживал бедно». Чеченцы купили у казахов пшеницы, молока и тем и питались. Многие из чеченцев переселялись без каких бы то ни было запасов продовольствия. Но и казахи не были богатыми, сами голодали в селениях.

Конечно, выдаваемого хлеба - одна булка на 2-3 дня - не хватало. Потом ситуация несколько улучшилась, выдавалась мука - два мешка.

Заурбекова Ася (Галя) Висаевна, чеченка, была переселена со своей семьей из Чечено-Ингушской АССР в 1944 г. Расселялись в селе Выдриха Верхубинского района Восточно-Казахстанской области. Там же встретились и ее родители. Ася и родилась в июне 1954 г.

Трудились затем в сел. Семакша, в колхозе «Восток», который слыл crane бедным хозяйством.

У чеченцев есть слово «хейтэт», то есть расторопный, смекалистый. Хватким был тот русский человек, который пригласил их. Конечно, бабушки бы не выжили. Дело в том, что Северо-Восточный Казахстан, Северный Казахстан был Богом забытый край. Они попали именно в то место, где зимой снега ветром надувало выше крыши. Но в этих условиях пришлось своим трудом выживать...

Аблаева Заде Шерфе, из крымских татар. Семья переселялась с территории Крымской АССР в 1944 г. Сначала оказались в г. Новая Ляйля, поселок 59 в Свердловской области. Затем - в г. Гурьев, а спустя некоторое время - в Узбекистан. Вначале жили в землянке. Завод построили, улучшились жилищные условия. Получили квартиру.

Все свои житейские проблемы решали вместе. Соседями были казахи, башкиры. Вместе с ними проживали греки, чеченцы. Отмечалось полное взаимопонимание и среди соседей.

Заде Шарфе училась в русской школе, в Гурьеве, но изучала казахский язык. Изучение казахского языка было обязательным. В школе больше общались с казахами. Отец также свободно разговаривал на казахском языке.

«У нас очень добрыми были отношения со всеми другими национальностями, достаточно нормальными. Очень добрые, теплые, ни с кем не враждовали» [29], - подводя итог беседе, заявила Заде Шерфе. С сестрой и бабушкой они были доставлены в сел. Киевка-центр, колхоз им. Жамбыла Нурина района Карагандинской области Казахской ССР.

Честно говоря, «к нам относились очень хорошо. Потому что они эту ситуацию четко представляли» [26, с. 71]. Со слов бабушки, местные жители встретили переселенцев нормально. «Не было такого, чтобы кто-то к чему-то агрессивному призывал против нас».

Правда, переселенцам-грекам, по их сведениям, никто ни продуктами, ни одеждой не помогал, пользовались тем, что у них было: выживали самостоятельно да работали на полную, даже девятилетние дети трудились рядом.

Мамуч-оглы Али Сулейманович, курд. Родители переселялись с территории Санжарии (Грузинская ССР) 25 ноября 1944 г. в Балхашский район Казахской ССР. В пути находились примерно один месяц.

Соплеменникам пришлось немало пережить. Вокруг песок, ни одного деревца, холод, пурга, степь и люди, не привыкшие к такой обстановке. Переселенцы обратились с просьбой поселить их в горной местности, чтобы вода была рядом. Власти пошли навстречу, и курды переселились в Енбекши-Казахский, Талгарский, Илийский и Каскеленский районы республики.

Родители Али остановились в Каскеленском районе, в селе «Прямой путь» Алма-Атинской области. Там же родился и Али Мамуч-оглы. Отец и мать работали сначала на ферме, а затем на птицефабрике. Трудодни начисляли исправно, но они не оплачивались. Условия в этом плане мало чем отличались от прежних мест расселения.

По словам родителей, сложно решался вопрос с питанием. Питались, кто чем мог: в основном кукурузой, отрубями.

Но благодаря трудолюбию, воле к жизни, стойкому преодолению сложных погодных, географических условий, созданию приемлемых отношений

между проживающими общностями, той помощи, которую оказывало казахское население и те, кто уже обжился в этих местах, удавалось выстоять. Одним словом, «жизненные проблемы решались совместно, всем миром».

Помогали друг другу. Примеров такой помощи множество. Так, по поводу трагических событий в Аксайском районе Талды-Курганской области курды собрали 150 тыс. тенге, и в это трудное для местного населения время в знак благодарности они были переданы «кызылагашцам». Им были переданы также 10 овцематок. Это было истинное проявление дружбы народов в сложное время, яркий пример патриотизма. Помощь оказывалась местному населению и со стороны чеченцев, других народов; она была бескорыстной, от души.

Население отличалось дружелюбием. Проявления фактов отрицательного отношения между общностями не наблюдалось. Наоборот, чувствовалось сострадание, милосердие. «Последним куском хлеба питались, но всем делились» [26, с. 245-248].

Конечно, в такой ситуации важную роль играло знание языка, понимание в общении. Курдам в этом плане было проще. Многие старожилы, аксакалы знали турецкий язык, а он весьма схож с казахским языком. И тут не возникало каких-либо проблем.

Что касается трудовых навыков, то учились горцы друг у друга и в изготовлении обуви, и в пошиве одежды. Обувь делали из коровьей кожи, внутри она была с мехом.

Али Сулейманович полагал, что в 1954-1955 гг. жить стало немного лучше [26, с. 248].

Мустафаев Салим Самантович, турок-месхетинец, переселялся также из Грузинской ССР в 1944 г. в Аксайский район Казахской ССР.

«Вся семья трудилась в 1942-43 годах в совхозе, - информирует лим, - работали я бригадиром, отец - председателем колхоза, сестра - заведующей фермой. Пришло время, когда из Грузии всех выселили: армян, азербайджанцев - ни одного не оставалось. За ними последовали азербайджанцы, турки-месхи, курды, некоторые грузины».

Причина выселения объяснялась создавшимся чисто международным положением: «Гитлер сказал Турции, давайте оттуда, с Юга, второй фронт открывать. Грузию, Армению, Азербайджан, Кавказ Турции передам».

В Казахстане проживали в Малой станице. Там были расселены и казахи, и русские. Отец Салима работал на арматурном заводе, а Салим на кондитерской фабрике, а затем охранником на заводе. Охрана сада площадью 1,5 тыс. га (из них 40 га смородины). 32 года проработал в этой должности.

На новых местах проживания отношения с местным населением выстроились за короткое время. Судя по всему, это объяснялось тем, что

с казахами у многих курдов вера была одинаковой, мусульмане казахи оказывали в этой ситуации помощь. Курды также с казахами жили мирно, с уважением.

С казахами вообще не было никаких проблем. «Уважительный народ, - вспоминает Салим Самантович, - они детей очень жалеют. Плачут, голые, босиком приехали!».

Выводы. Подводя общую черту в рамках изучаемого периода в истории Союза ССР, необходимо отметить, что в условиях осуществления подобной политики, когда за короткое время в принудительном порядке перебрасывались около 3.5 млн граждан в другие регионы обитания, всегда возникает задача и адаптации, и интеграции граждан в совершенно новый социум. В этом направлении, судя по всему, приобретает важную роль такой жизненный фактор, как *доверие*. Доверие народов в большей степени зависит от социокультурных факторов - образа жизни, менталитета, исторической памяти, лояльности или враждебности и на бытовом, и на государственном уровне.

Эта социальная категория занимает главенствующее положение. Конечно, играют роль и другие, побочные факторы: роль языка, вероисповедание, общность культур, традиций и нравов, элементы народнохозяйственной деятельности, совместное проживание отдельных народов.

Доверие содействует формированию производственной базы как основы для развития региона проживания, географического пространства на определенной территории, обозначенной в конкретном случае Казахстаном и республиками Средней Азии, а также отдельными регионами РСФСР, самой территории, объединяющей людей, расширения их контактов в социальной сфере.

Доверие - историческая, социально-психологическая и экономическая категория - становится основой для формирования эффективных взаимоотношений между различными экономическими и политическими субъектами, в том числе и в сложных условиях, основанных на балансе интересов, решении задач в отношениях частей единого государства на основе консенсуса, взвешенных компромиссов. Это четко прослеживается и на исследуемом в данной публикации материале.

Общение между этническими общностями, совместная деятельность, проживание не проходили даром. Об этом свидетельствуют и имеющиеся оценки той или иной этнической общности. Возрастала роль применения и такого социального фактора, как консоциальность. Однако это уже самостоятельная тема, в основе которой также находится фактор доверия.

Наверное, вряд ли кто-либо другой может дать лучшую характеристику этнической общности, кроме как представитель иной общности, перенесшей такую же участь и судьбу, пребывающий с ним в одном статусе спецпереселенца в экстремальной обстановке времен войны 1941-1945 гг., как и в последующий период.

Балкарец М. Уянаев, проживавший в условиях спецпереселения в пос. Кировский Талды-Курганской области Казахской ССР, вспоминал: «Наряду с балкарцами проживали представители многих высланных народов - чеченцы, ингуши, курды, корейцы, крымские татары, западные украинцы, немцы... Знакомясь с укладом жизни, бытом, трудовыми навыками разных народов, люди становились ближе друг к другу, проникались уважением к иным обычаям и традициям, перенимая лучшее в них...» [7, с. 40-41].

При этом М. Уянаев особенно выделяет советских немцев, отмечая их приоритетные черты менталитета - «пунктуальность, тщательность, чистоплотность», видя в немцах «высококласных кузнецов, строителей, механиков». И в связи с этим привлекателен вывод М. Уянаева. Он пишет: «В работе мы были не собратями по несчастью, а такими же советскими людьми - любящими свою великую Родину, стремящимися трудом своим облагородить и укрепить ее» [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286; 7, с. 41].

Совместная работа по преодолению трудностей, несомненно, имела свои итоги, которые определяются по разным категориям, изменениям самого общества в подобных условиях. С момента расселения и до 1953 г. на спецпоселении родилось 82 991 чел., в том числе детей бывших кулаков - 12 290 чел., немцев - 22 210 чел., балкарцев, карачаевцев - 26 002 чел., других контингентов - 11 070 человек [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286].

Среди умерших 309110 принудительно выселенных: чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев было 144 704 чел., немцев - 42 823 чел., спецпоселенцев из Крыма - 44 887 чел., калмыков - 16 594 чел., турок-месхетинцев, курдов, хемшилов - 14 895 чел., бывших кулаков - 30 194 человека [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286].

Среди спецпоселенцев было 9 тыс. чел. с высшим образованием, около 66 тыс. чел. со средним образованием, свыше 352 тыс. неграмотных. Эту категорию составляли главным образом дети, выселенные с родителями из Закавказья (турки, курды, хемшилы, иранцы), из Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки).

Было отмечено, что по всей территории расселения спецпоселенцев, не посещавших начальных классов, было около 20% от числа всех детей школьного возраста. Это объяснялось отсутствием зимней одежды, тяжелым материальным положением родителей, отсутствием школ в ряде мест, их отдаленностью от мест обитания. Решением этой проблемы применительно к рассматриваемому региону страны - Казахстану - занимались учителя из казахов, киргизов, русских [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286]. В экономическом секторе из общего количества переданных для использования в хозяйствах было 535 трудоспособных спецпереселенцев [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.570. Л.243].

Более активное решение всех этих проблем приходилось на последующие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бугай Н.Ф. Армяне крымские / Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / Отв. ред. Д. Мешков. - М., 2013. - С. 38-39.
2. Там же. - С. 99.
3. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. - начало XXI в.). - М., 2012. - С. 480.
4. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. - М.: Инсан, 1998. - С. 172.
5. Бугай Н.Ф., Гросул В.Я. Очерки истории Тамани. - М., 1996. См. также: Качество в истории России. - Краснодар, 1993. - С. 125.
6. Все данные о калмыках приведены по работе: Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». - Элиста, 1991. - 88 с.
7. Вспоминает М. Уянаев // Балкария. Депортация. Свидетельствуют очевидцы. Вып. 2 / Сост. М.А. Котлярова и В.К. Котляров. - Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. - С. 40-41.
8. Герман А.А. Психологический и социально-политический портрет трудармейцев времен войны (1941-1945 гг.) // Немцы Сибири: история и культура. - Омск, 1999.

9. Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации народов Северного Кавказа в 20-30-е годы XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. - Ростов н/Д, 1998. - С. 110.
10. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. - М.: Инсан, 2002. - С. 119.
11. Дорогой горьких испытаний. - М.: Инсан, 1997.
12. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Бишкек, 2013.
13. Земсков В. Сталин. Народ. Почему не было восстания. - М.: Алгоритм, 2014. - С. 223.
14. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы. Социологические исследования. - М., 1991. - № 10. - С. 6.
15. Ибрагимов М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение (1940-1950-е годы). - Грозный, 2015 // Рец.: Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - Краснодар, 2016. - № 1-2. - С. 198-207 и др.
16. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) // Сост.: В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. - М., 1993. С. 9.
17. Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2015. - С. 337, 394.
18. Каширин В. Вступление русских войск в Бессарабию и ликвидация Буджакской татарской орды в начале русско-турецкой войны 1806-1812 гг. - URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1529996.html#ixzz1w397hN4f> (дата обращения: 10.05.2020).
19. Ковач Т. Депортации в Венгрии в 1944 году и роль жандармерии и местной администрации // Холокост: история и память. Книга по русистике. XVII. - Будапешт, 2006. - С. 230-252.
20. Коновалова О. Предисловие / Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799-1876. Т. 2. Аннотированная опись дел 1819-1826 гг. - Одесса, 1999.
21. Мемориал» на месте спецлагеря «Топаз». - URL: <http://fishki.net/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-o-st...> (дата обращения: 10.10.2015).
22. Международный проект «Память во имя будущего». Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 годах: общность истории (интервью с пострадавшими от депортации в Казахстан). Ред. Б. Ракишевой. - Алматы, 2013. - С. 29-32, 35.
23. Надь Ф. Помни, Земля сибирская // Комсомолец Калмыкии. - Элиста, 1988. 13 авг.
24. Немцы в истории Республики Коми. Библиографический дайджест / Сост. Л.В. Давыдова, М.Г. Лапина. - Сыктывкар, 2008. - С. 51-52.
25. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. 1552-1917. Сост.: В.Ф. Дизендорф. Ред. совет тома: В.А. Ауман, В.Ф. Баумгертнер, В. Бретт, Н.Ф. Бугай, Н.А. Варденбург, В.Г. Чеботарева. - М.: Материк, 2006. Сер.: Россия, XX век.
26. Немцы-колонисты в Век Екатерины - Deutsche Kolonisten und Katharinas Jahrhundert: Сб. док. Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье / Сост.: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. - М., 2004.
27. О Рурк Шейн. Как обрабатывался механизм репрессий: высылка терских

- казаков в 1920 году // Отечественная история. - 2008. - № 5. - С. 83- 90.
28. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. - М.: Новый хронограф, 2005.
 29. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). - М., 1909.
 30. Разинков С.Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941-1945 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных // С.Л. Разинков: Дис. ... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 2001.
 31. Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х - 1940-е годы // Этнографическое обозрение. - 2006. - № 5.
 32. «Совершенно секретно». Лубянка - Сталину (1922-1934 гг.). - 2008. - Т. 8. Ч. 1. - С. 825.
 33. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе. - Ростов н/Д, 2014.
 34. Хлынина Т.П. «Русский вопрос» и административная практика его разрешения в Адыгейской автономной области 1920-х годов // Мир славян Северного Кавказа. - Краснодар, 2003. - С. 200.
 35. Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя. 20-30-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. ИРИ РАН. - М., 1997. -С. 119.
 36. Хунагов А.С. «Черные доски» - репрессивная мера по отношению крестьянства юга России. 30-е годы // Народы России: проблемы в депортации и реабилитации. - Майкоп, 1997. - С. 188.
 37. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные переселения немцев на советском Дальнем Востоке в 1940-х - начале 1950-х гг. - С. 377. - URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/14829/30.pdf>. (дата обращения: 20 марта 2020 г).
 38. Эрмекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. - Алматы: Дайк-пресс, 2009. - 508 с.

REFERENCES

1. Bugay N.F. Armyane krymskiye [Crimean Armenians]. Entsiklopediya izgnaniy. Deportatsiya, prinuditel'noye vyseleniye i etnicheskaya chistka v Yevrope v КНKH vek. М. 2013. Otv. red. D. Meshkov. М., 2013. P. 38-39.
2. Bugay N.F. Armyane krymskiye... P. 99.
3. Bugay N.F. Problemy repressiy i rehabilitatsii grazhdan: istoriya i istoriografiya 4. (XX v - nachalo XXI v.) [Crimean Armenians ...]. М., 2012. P. 480.
4. Bugay N.F., Gonov A.M. Kavkaz: narody v eshelonakh.[Problems of repression and rehabilitation of citizens: history and historiography(XX century - early XXI century)] М.: Insan, 1998. P. 172.
5. Bugay N.F., Grosul V.YA. Ocherki istorii Taman. [Essays on the history of Taman] М., 1996.:
6. Vse dannyye o kalmykakh privedeny po rabote: Bugay N.F. Operatsiya «Ulusy» [All data on the Kalmyks are given according to the work]. Elista, 1991. 88 p.
7. Vspominayet M. Uyanayev. Balkariya. Deportatsiya. Svidetel'stvuyut ochevidtsy. Vyp. 2. /Sost. M.A. Kotlyarova i V.K. Kotlyarov. [Remembers

- M. Uyanaev. Balkaria. Deportation. Eyewitnesses testify. Issue 2. Comp. M.A. Kotlyarov and V.K. Kotlyarov] Nal'chik: Poligrafservis» i T, 2004. P. 40-41.
8. German A.A. Psikhologicheskii i sotsial'no-politicheskii portret trudarmeytsev vremen voyny (1941-1945 gg.) [Psychological and socio-political portrait of labor army during the war (1941-1945)] Nemtsy Sibiri: istorii i kul'tura. Omsk, 1999.
 9. Gonov A.M. Problemy deportatsii i reabilitatsii narodov Severnogo Kavkaza v 20 - 30-ye gody KHKH v. Dis... d.i.n. [Problems of deportation and rehabilitation of the peoples of the North Caucasus in the 20s-30s of the twentieth century. Dis Doctor of History] Rostov-na-Donu, 1998. P. 110.
 10. Deportatsiya narodov Kryma. Dokumenty, fakty, kommentarii. [Documents, facts, comments] M.: Insan. 2002. P. 119.
 11. Дорогой горьких испытаний. [Documents, facts, comments]. M.: Инсан, 1997.
 12. D'yachenko L.N. Deportirovannyye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii). Avtoref. dis. ...d.i.n. [Dyachenko L.N. Deported peoples on the territory of Kyrgyzstan (problems of adaptation and rehabilitation). Abstract of thesis. dis. ... Doctor of History] Bishkek, 2013.
 13. Zemskov V. Stalin. Narod. Pochemu ne bylo vosstaniya. [People. Why there was no uprising]. M.: Algoritm, 2014. P. 223.
 14. Zemskov V.N. «Kulatskaya ssylka» v 1930-ye gody. Sotsiologicheskiye issledovaniya. [«Kulak exile" in the 1930s. Sociological research]. M., 1991. № 10. P. 6.
 15. Ibragimov M. Chechentsy: vyseleniye, vyzhivaniye, vozvrashcheniye (1940 - 1950-ye gody) - Groznyy, 2015. Rets.: Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal № 1 - 2. [Chechens: eviction, survival, return (1940s-1950s) Grozny, 2015. Speaker: Voice of the Past] Krasnodar, 2016. P. 198-207,
 16. Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763-1992 gg.) [History of Russian Germans in documents (1763-1992)] Sost.: V.A. Auman, V.G. Chebotareva. M., 1993.
 17. Kaziyeu S.SH. Sovetskaya natsional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyakh v Kazakhstane (1917-1991 gg.). Diss. ...d.i.n. [Soviet nationality policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan (1917 - 1991). Diss. ... Doctor of History]. M. 2015. P. 337, 394.
 18. Kashirin V.. Vstupleniye russkikh voysk v Bessarabiyu i likvidatsiya Budzhakskoy tatarskoy ordy v nachale russko-turetskoy voyny 1806-1812 gg. [The entry of Russian troops into Bessarabia and the elimination of the Budzhak Tatar horde at the beginning of the Russian-Turkish war of 1806-1812] URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1529996.html#ixzz1w397hH4f> (data obrashcheniya: 10.05.2020).
 19. Kovach T. Deportatsii v Vengrii v 1944 godu i rol' zhandarmerii i mestnoy administratsii. Kholokost: istoriya i pamyat' Kniga po rusistike. XVII. [Deportations in Hungary in 1944 and the role of the gendarmerie and local administration] Budapesht, 2006. P. 230-252.
 20. Konovalova O. Predisloviye. Popechitel'nyy Komitet ob inostrannykh poselentsakh Yuzhnogo kraya Rossii. 1799-1876 [Board of Trustees for foreign settlers of the southern region of Russia. 1799-1876]. Tom 2. Annotirovannaya opis' del 1819-1826 gg. Odessa, 1999.
 21. Memorial» na meste spetslagerya «Topaz» [Memorial "at the site of the Topaz special camp]. URL: <http://fishki.net/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-ost...> (data obrashcheniya: 10.10.2015).

22. Mezhdunarodnyy proyekt «Pamyat' vo imya budushchego». Deportatsiya narodov v Kazakhstan v 1930 - 1950 godakh: obshchnost' istorii (interv'y u s postradavshimi ot deportatsii v Kazakhstan). Red. B. Rakishevoy [International project "Memory for the Future". Deportation of peoples to Kazakhstan in 1930-1950: common history (interviews with victims of deportation to Kazakhstan). Ed. B. Rakisheva]. Almaty, 013. P. 29-32, 35.
23. Nad' F. Pomni Zemlya sibirskaya [Remember the Siberian Land] - Komsomolets Kalmykii. Elista. 1988. 13 avgusta.
24. Nemtsy v istorii Respubliki Komi. Bibliograficheskiy daydzhest [Germans in the history of the Komi Republic. Bibliographic digest]. Sost. L.V. Davydova, M.G. Lapina. Syktyvkar, 2008. P. 51-52.
25. Nemtsy v istorii Rossii. Dokumenty vysshikh organov vlasti i voyennogo komandovaniya. 1552 - 1917. Sost.: V.F. Dizendorf. Red. sovet toma: V.A. Auman, V.F. Baumgertner, V. Brett, N.F. Bugay, N.A. Vardenburg, V.G. Chebotareva [Germans in the history of Russia. Documents of the highest authorities and military command. 1552-1917] M.: Materik, 2006. Seriya: Rossiya, XX vek.
26. Nemtsy-kolonisty v Vek Yekateriny = Deutsche Kolonisten und Katharinas Jahrhundert. Sb. dok. Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov po istorii organizatsii nemetskiikh koloniy v Povolzh'ye /Sost.: Ye.Ye. Lykova, M.I. Osekina. [German colonists in the Age of Catherine = Deutsche Kolonisten und Katharinas Jahrhundert. Sat. doc. Russian State Archive of Ancient Acts on the History of the Organization of German Colonies in the Volga Region] M., 2004.
27. O Rurk Sheyn. Kak otrabatyvalsya mekhanizm repressiy: vysylka terskiikh kazakov v 1920 godu [ow the mechanism of repression was worked out: the expulsion of the Terek Cossacks in 1920]. Otechestvennaya istoriya. 2008. № 5. P. 83-90.
28. Oni srazhalis' za Rodinu. Predstaviteli repressirovannykh narodov SSSR na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny. [They fought for their homeland. Representatives of the repressed peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War.] M.: Novyy khronograf, 2005.
29. Pisarevskiy G.G. Iz istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii v XVIII v. (Po neizdannym arkhivnym dokumentam). [From the history of foreign colonization in Russia in the 18th century. (Based on unpublished archival documents)]. M., 1909;
30. Razinkov S.L. Sotsial'nyy portret i sud'by sovetskikh nemtsev-trudarmeitsev, mobilizovannykh v lagerya NKVD na territorii Sverdlovskoy oblasti v 1941-1945 gg.: opyt sozdaniya i primeneniya elektronnoy bazy dannykh [Social portrait and the fate of Soviet German labor army members mobilized in the NKVD camps on the territory of the Sverdlovsk region in 1941-1945: experience in creating and using an electronic database]. S.L. Razinkov. Dissertatsiya... k.i.n. Yekaterinburg, 2001.
31. Rakhmankulova A.KH. Ob ispol'zovanii trudovogo potentsiala deportirovannykh narodov v Uzbekistane v kontse 1930-kh - 1940-ye gody [Social portrait and the fate of Soviet German labor army members mobilized in the NKVD camps on the territory of the Sverdlovsk region in 1941-1945: experience in creating and using an electronic database]. Etnograficheskoye obozreniye. 2006. № 5.
32. «Sovershenno sekretno». Lubyanka - Stalinu (1922-1934 gg.) ["Top secret". Lubyanka to Stalin (1922-1934)]. M. 2008. T. 8. CH. 1. P. 825.
33. Khlynina T.P., Krinko Ye.F. Istoriya, politika i natsiyestroitel'stvo na Severnom

- Kavkaze. [History, politics and nation-building in the North Caucasus] Rostov-na-Donu, 2014.
- 34.34. Khlynina T.P. «Russkiy vopros» i administrativnaya praktika yego razresheniya v Adygeyskoy avtonomnoy oblasti 1920-kh godov [History, politics and nation-building in the North Caucasus] Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Krasnodar, 2003. P. 200. Khunagov A.S
35. Khunagov A.S. Deprtatsiya narodov s territorii Krasnodarskogo kraya i Staropol'ya. 20 - 30-ye gody Dis ...k.i.n. IRI RAN. [Deportation of peoples from the territory of the Krasnodar Territory and Staropolye. 20-30s Dis ... Ph.D. IRI RAN]. M., 1997. P. 119.
36. Khunagov A.S. «Chernyye doski» - repressivnaya mera po otnosheniyu krest'yanstva yuga Rossii. 30-ye gody. [Black boards" - a repressive measure against the peasantry of the south of Russia. 30s.]. Narody Rossii: problemy deprtatsii i reabilitatsii. Maykop, 1997. P. 188.
37. Chernolutskaya Ye.N. Prinuditel'nyye pereseleniya nemtsev na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1940-kh - nachale 1950-kh gg. S. 377 [Forced resettlement of Germans in the Soviet Far East in the 1940s - early 1950s. P. 377] - URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/14829/30.pdf>. (data obrashcheniya:
38. Ermekbayev ZH.A. Chechentsy i ingushi v Kazakhstane. Istoriya i sud'by. - [Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and destinies]. Almaty: Dayk-press, 2009. 508 p.

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Bugai Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor of the Russian Federation, Class III
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru

The author have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.10.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.08.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declare no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-59-72

УДК 338.124.4(477.6)"1917/1922"

Экономический кризис в Донбассе (1917-1922 гг..)

Надежда Николаевна Разумная

Донецкий национальный университет

г. Донецк, ДНР

n.razumnaya@donnu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты проявления экономического кризиса на территории Донбасса в период Гражданской войны (1917-1920 гг.) и попытки его преодоления в 1921-1922 г. В научный оборот вводится новый источник - материалы итоговой сплошной подворной переписи населения 1923 г. Используются работы экономистов первой четверти XX века Л. Либермана, Р. Арского [3; 4; 5]. Автор подчеркивает, что в связи с Первой мировой войной к Донецкому бассейну были предъявлены особые требования, поэтому добыча угля усилилась. В ходе событий Гражданской войны на развитие угольной отрасли Донбасса влияли различные факторы. Определенные изменения происходили в кадровом составе рабочих угольной промышленности. В связи с объективными причинами снижаются показатели производительности труда шахтера. Рекордным для Донбасса по падению добычи угля становится 1920 г. В отдельных районах края на работу в шахтах ставятся полки Донтрудармии, которые испытывали сложности в обеспечении одеждой, обувью и продовольствием. Рассматривается положение в отдельных отраслях промышленности Донбасса в период 1917-1922 гг., анализируются основные статистические показатели по целому ряду отраслей промышленности.

Ключевые слова: Донбасс, Донтрудармия, Первая мировая война, Гражданская война, угольная промышленность, рабочие, шахты, предприятия, кризис. 1917-1922гг.

Для цитирования: Разумная Н.Н. Экономический кризис в Донбассе (1917-1922 гг..) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 5. С. 59-72.

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-59-72

Original article

The economic crisis in Donbass (1917-1922)

Nadezhda N. Razumnaya
Donetsk National University
Donetsk, DPR
n.razumnaya@donnu.ru

Abstract. This article is devoted to study of aspects the economic crisis on territory of Donbas in the period of Civil war (1917-1920) and attempt of his overcoming in 1921-1922. A new source is entered in a scientific sphere - materials of final continuous census of population 1923. Author used works of well-known economists of the first fourth of XX of century L. Liberman, R. Arskiy [3, 4, 5]. Author underlines that in connection with World War First, to the Donetsk pool the special requirements were produced, mining increased therefore. During the events of Civil war different factors influenced on development of coal industry of Donbass. Undoubtedly, certain changes took place in skilled composition of workers. In connection with objective reasons, the indexes of the labour of miner productivity go down. The period of 1920 becomes a record for Donbass on falling of mining. In the separate districts of edge on work the shelves of Donbass Labour Army, that tested complications in providing a clothing, shoe, are put in mines.

Keywords: Donbass, Donbass Labour Army, World War First, Civil War, mine industry, workers, mines, enterprises, crisis. 1917-1922

For citation: Razumnaya N.N. *The economic crisis in Donbass (1917-1922)*. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.5. PP. 59-72. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-59-72

Донецкий бассейн в начале XX в. занимал лидирующие позиции среди других промышленных районов России. Этому способствовало, прежде всего, выгодное географическое положение Донбасса, наличие угля и металла, достаточно развитая сеть железнодорожных линий, которая связывала его с центральной Россией и с соседними государствами. Кроме того, и развитие аграрной сферы позволяло обеспечить продовольствием не только население края, но и вывозить определенное количество продуктов питания в центральную часть России.

Целью данного исследования является рассмотрение вопросов, связанных с положением в отдельных отраслях промышленности Донбасса в период 1917-1922 гг.

Актуальность данной темы обусловлена ее малоизученностью. Если политическим событиям, происходившим на территории Донбасса в данный период, современные исследователи В.В. Корнилов [1], Л.А. Скворцова [2], Ю.Р. Федоровский [3;4] и др. [5;6] уделили достаточно внимания, то вопросы, связанные с характеристикой экономического положения в крае в условиях Гражданской

войны, остаются практически не освещенными [7]. Источниковую базу представляют материалы сплошной подворной переписи Донецкой губернии 1923 г. [8], работы известных экономистов первой четверти XX века Л. Либермана [9; 10], Р. Арского [11].

Донбасс, по мнению экономиста Р. Арского [11], характеризовался наличием значительных запасов угля, что подчеркивало первостепенное значение края для всей России. Запасы угля по районам России были следующие: в Донбассе, по подсчетам геологов, – 55,5 млрд тонн угля, в то время как в остальных районах, включая и Донбасс, насчитывалось 70 млрд тонн угля (т.е. на территории края – 60%). В частности, значительные залежи были в Западной Сибири – 13,5 млрд. тонн угля (по подсчетам Л.И. Лутугина, они были значительно больше). Огромное значение также имели и залежи антрацита на территории края, так как только Великобритания обладала такого рода углем. Коксующиеся угли встречались реже всего, но были необходимы для развития металлургической отрасли Юга России [11, с. 4].

В пределах России добыча угля к началу Первой мировой войны производилась только в трех районах: в Донбассе, Подмосковном регионе и в Польше. Однако добыча в Подмосковном регионе была незначительной, и почти никакой роли в развитии промышленности России этот уголь не играл, кроме того, он был непригоден для транспортировки. На территории Польши производилось в среднем 400 млн пудов угля в год, который потреблялся на ее территории. На Урале в то время добыча угля была развита слабо, едва обеспечивала потребности горно-промышленного Урала.

В связи с Первой мировой войной к Донецкому бассейну были предъявлены особые требования, поэтому добыча угля усилилась. Если в 1913 г. она составляла – 1 543 млн пудов, в 1914 г. – 1 683 млн пудов, в 1915 – 1 626 млн пудов, в 1916 г. – 1 743 млн пудов, в 1917 г. – 1 510 млн пудов. Только в 1918 г. она сократилась втрое по сравнению с 1913 г. и составляла – только 530 млн пудов [11, с. 5-6].

С установлением Советской власти в России становится очевидным тот факт, что вновь созданное государство не может существовать без Донецкого бассейна. Это такая бесспорная истина, в которой постепенно убеждался каждый крестьянин, рабочий, проживающий в пределах Советской России. Большинство регионов России еще в ходе Гражданской войны испытывали на себе трудности из-за отсутствия поставок угля, кокса, металла, сельскохозяйственных орудий, соли и т.д. Деревня беднела от недостатка всех этих товаров.

В ходе определенных трудностей, вызванных военными действиями Гражданской войны, когда Донбасс был отрезан от основной части России, целый ряд промышленных предприятий края испытывал недостаток смазочных масел, осветительных продуктов, взрывчатых веществ, крепежного леса и т.д. По приблизительным подсчетам, только для 34 наиболее крупных угольных предприятий требовалось 1,5 млн аршин всевозможных тканей и других изделий [11, с. 18].

Для нормальной работы Донецкого бассейна и добычи 1,5 млрд пудов угля требовалось 70 вагонов крепежного и строительного леса, который возможно было получить только из Советской России. Ощущался недостаток в оборудовании, дефицит 15-17 тысяч пудов динамита, 450 штук канатов весом 25 тыс. пудов. По подсчетам Съезда горнопромышленников Юга России, для работы угольных предприятий Донбасса не хватало 30 тыс. вагонов соснового леса, 20

тыс. вагонов дубового леса и 10 тыс. вагонов леса крупных сортов для Криво-рожского бассейна [11, с. 19].

В условиях Гражданской войны на территории края усиливается безработица, так как закрывается большинство промышленных предприятий. В мирное время на шахтах Донбасса работало около 230-250 тыс. рабочих. На рудниках – 30 тыс. рабочих, на металлургических заводах – около 200 тыс. рабочих. В соляной промышленности и других отраслях не меньше 200-300 рабочих. Беспре-рывная борьба, которая велась на территории Донбасса начиная с осени 1917 г., сильно разорила промышленность, большинство предприятий закрылось, шахты добывали только треть показателей 1917 г., металлургические предприятия - и того меньше. Страна была разорена длительной войной. Чтобы удовлетворить те требования, которые возникли, нужно было увеличить добычу угля и производство металла. В 1918 г. часть рабочих ушла с шахт в деревню, многие остались на местах, после восстановления советской власти рабочие снова вернулись на шахты. Во время присутствия денкинских войск рабочие либо разгонялись, ли-бо истреблялись [11, с. 43]. Так, к примеру, в январе 1918 г. на территории Дон-басса было 246 тыс. рабочих, а в декабре 1918 г. уже только 130 тыс. человек [11, с. 17].

В ходе событий Гражданской войны на развитие угольной отрасли Дон-басса влияли различные факторы. Безусловно, определенные изменения проис-ходили в кадровом составе рабочих. В связи с объективными причинами, сни-жаются показатели производительности труда шахтера в Донбассе. Если в 1913 г. она составляла 764 пуда; в 1914 г. – 755 пудов, в 1915 г. - 751 пуд, в 1916 г. - 622 пуда, в 1917 г. по отдельным месяцам средняя производительность одного рабочего колебалась от 500 до 422 пудов в месяц. А в январе 1919 г. средняя добыча составляла около 460 пудов, то есть падение составляло 40% [11, с. 7].

Донбасс, как один из наиболее промышленных районов, постоянно под-вергался внешним нападениям. Каждая смена власти приносила огромный вред развитию экономики региона. И это в то время, когда шахты, заводы и пред-приятия Советской России испытывали колоссальные затруднения. Часть желез-ных дорог снабжалась каменным углем, поэтому переходили на дрова. Заводы или закрывались, или искали альтернативное топливо. Это также повлияло на возможность ремонта паровозов и вагонов, строительство новых единиц. Поэто-му паровозостроительные и вагоностроительные заводы России в первом полу-годии 1919 г. смогли обеспечить только 35% производства 1917 г. [11, с. 44]. Металлообрабатывающие заводы работали, удовлетворяя лишь часть (20-25%) предъявляемого к ним спроса. Чтобы восстановить промышленность края, тре-бовалось много времени, поэтому было разработано два плана. Первый предпо-лагал электрификацию (используя Днепровские пороги) и постройку Волжско-Донецкого канала с целью обеспечения вывоза угля по Дону, что удешевило бы стоимость доставки [11, с. 44].

В связи с установлением советской власти руководство отдельными от-раслями осуществляют экономические учреждения. Территория Донбасса была разделена первоначально на 4 округа с управлениями на местах, Центральное Правление было расположено в Харькове. Наиболее крупные 55 шахт были национализированы. Остальные принадлежали прежним владельцам (на правах подрядчиков). Весь добытый уголь сдавали Центральному правлению. Позже

были национализированы и остальные шахты, кроме мелких, крестьянских [10, с. 155].

Территорию всего Донбасса разделили на так называемые «кусты», охватывающие по территориальному признаку и по величине копей от 3 до 74 шахт. Таких «кустов» насчитывалось около 60 (объединяющих 956 шахт), из них 338 мелких крестьянских. Затем «кусты» были объединены в 16 районов, во главе с заведующим, ведала ими коллегия «кустовое управление», возглавлял район управляющий. Центральное Правление руководило всеми шахтами Донбасса и находилось в г. Харькове, затем его перенесли в г. Бахмут. В подчинении был аппарат из 12 самостоятельных отделов. Такая система просуществовала до 1921 г. В 1921 г. число районных управлений сокращается с 16 до 9, «кусты» перегруппировываются, их остается только 46.

В середине 1920 г. в Донбассе работает комиссия для изучения ситуации под руководством профессора Б.И. Бокия, поскольку 1920 г. становится рекордным для Донбасса по падению добычи угля [10, с. 157].

Таблица 1 [10, с. 157] Основные показатели угольной промышленности в Донбассе (1917-1922 гг.)

Table 1 [10, с. 157] Basic indexes of coal industry in Donbass (1917-1922)

Год	Добыто в млн пудов	Вывезено
1917	1 510	1 258
1918	541	349
1919	338	197
1920	273	186 (снижение в 6 раз)
1921	355,6	191
1922	408,6	199,9

Как видно по данным таблицы 1, с 1922 г. наблюдается определенное повышение добычи угля в бассейне. Чтобы добиться этого повышения, были предприняты следующие меры. Для пополнения кадров забойщиков их вербовали в глубине России. Не хватало продовольствия, к началу 1921 г. ликвидировали целый ряд менее важных и ценных шахт. В результате на 1 июля 1921 г. в Донбассе значилось 687 шахт. Все они составили четыре группы: А, Б, В, Г. Первая группа «А» снабжалась всем необходимым полностью и вне очереди, вторая группа «Б» - в первую очередь. Группа «В» - во вторую очередь. Группа «Г» снабжалась только после того, как группы «А» и «Б» были снабжены на 100%, а группа «В» - на 75% [10, с. 157].

В 1920 г. в отдельных районах Донбасса на работу в шахтах ставятся полки Донтрудармии, обеспечение которых оставляло желать лучшего, поскольку отсутствовал объединенный армейский орган по снабжению. На 12 006 трудармейцев было 3 458 шинелей, 8 645 гимнастеров, 8 645 шаровар, 1 729 штук обуви. Только 4-й трудполк находился в наиболее благоприятных условиях. Определенные трудности трудармейцы испытывали и в снабжении продовольствием. Так, в мае-июне 1921 г. недополучили муки за 9 дней, сахара - за 9 дней, мяса и рыбы - за 12 дней, жиров - за 35 дней, муки для заправки первых блюд - за 35 дней. Крупа и овощи в питании трудармейцев отсутствовали вообще. Первые блюда тоже отсутствовали, из-за чего трудармейцы, не имея горячей пищи, крайне изнурялись; среди них свирепствовала эпидемия цинги (особенно стра-

дали подъемщики и грузчики). В таких условиях люди работали не за страх, а за совесть. С января по июнь 1921 г. включительно труармейцы добыли 70 700 тонн угля; в вагоны погрузили 326 600 тонн. Причем в некоторых шахтах трудармейцы давали больше добычи, чем рабочие Донбасса [9, с. 86].

Условия работы горнорабочих мало чем отличались от условий работы трудармейцев. Рядовые шахтеры так же голодали, как голодали и трудармейцы. Во многих случаях в 1921 г. имели место длительные и частые перерывы в выдаче хлебного пайка, а если порой он и выдавался, то в очень уменьшенном размере и лишь рабочим, а не их семьям.

Отчеты того времени пестрят жуткими телеграммами. Вот некоторые из них за май-июнь 1921 г.: «Енакиевский горный район в критическом положении в отношении продовольствия. Добыча угля пала наполовину за недостатком продовольствия»... «Положение с продовольствием в Семейковском районе катастрофическое. Наладившаяся добыча пала. Неполучение продовольствия может повлечь остановку добычи и даже частичное затопление шахт». – Марьевка. «В Бахмутском районе положение с хлебом катастрофическое. В связи с этим, добыча сокращается». – Кадиевка. «В Алмазном районе критическое положение с продовольствием. Рудники не работают». – Гришино. «В районе полное отсутствие хлеба. Положение катастрофическое». – Горловка. «В Екатеринославском кусте полное отсутствие хлеба. В связи с этим, добыча падает». – Криндачевка. «В районе полное отсутствие хлеба». – Бахмут. «Сегодня пятые сутки район не получает хлеба. Работы по добыче не производятся. Поддерживается только водоотлив, но и для водоотлива запасы хлеба иссякают. Остаток – на одни сутки. Надежды на получение районом хлеба – нет. Положение грозное» [9, с. 44].

Таких телеграмм со всех концов Донбасса можно было бы привести чрезвычайно много. Но есть одна - полная отчаяния: «Продовольственное положение остается уже третью неделю катастрофическим. Работает водоотлив. Рабочие в отчаянии. Пытаются разобрать продсклады. Масса зарегистрированных случаев смерти от истощения. Неприбытие хлеба в ближайшие три дня может иметь непоправимые последствия» [9, с. 86].

В связи с ухудшением продовольственной ситуации шахтеры и их семьи на территории Донбасса должны были получать паек по установленным нормам. Эти нормы распределялись на четыре категории: для семей рабочих, для рабочих поверхностных, для рабочих подземных и для забойщиков.

Таблица 2 [9, с. 87]. Обеспечение питанием шахтеров в Донбассе летом 1921 г. (в кг. в месяц)

Table 2 [9, с. 87]. Providing the feed of miners in Donbass by a summer 1921(in kg. in a month)

Название продуктов	для семей рабочих	для рабочих поверхностных	для рабочих подземных	для забойщиков
хлеб	12,35	18,5	24,5	30,7
мясо-рыба	0,8	1,6	2,0	3,0
масло	0,2	0,3	0,3	0,6
крупа	1,6	1,0	2,0	3,0
сахар	0,2	0,2	0,4	0,8

Как свидетельствуют данные таблицы, семьи шахтеров обеспечивались отдельно, но нормы были очень низкими. Овощи и первые блюда в питании отсутствовали вообще. Определенным питанием обеспечивались только забойщики, но и они вынуждены были отдавать свой паек семьям, поэтому также находились в полуголодном состоянии.

При этом на июнь 1921 г. в Донбассе было забойщиков 14 144 чел., прочих подземных рабочих – 38 795 чел., поверхностных рабочих – 75 718 человек. Всего 128 657 человек только шахтеров. При них членов семей 366 804 человек (в среднем 3 едока на каждого рабочего). Естественно, что усиленный паек подземного рабочего шел в общий семейный котел и изнуренный каторжным подземным трудом рабочий оставался полуголодным, как и вся семья. В условиях голода в июне 1921 г. по всему бассейну было выдано шахтерам по приведенным выше нормам: хлеба – 61 %, масла – 80%, круп – 9,2% к норме. И только мяса выдали 114%, сахара – 229 %. Но так как сахар в пайке составлял от 200 до 800 гр., он ни в коем случае не компенсировал недостаток хлеба, крупы, масла и полное отсутствие овощей и первых блюд.

Подводя итоги, составители отчета пишут: «Каким мужеством, какой энергией должны обладать все те забойщики, саночники, подрывные и т.д., все горнорабочие вообще, которые, несмотря на голод, истощение, не уходят с шахт, а работают почти исключительно из чувства долга, дабы сохранить свою Рабочую Крестьянскую Республику» [9, с. 87]. Шахты покидались рабочими лишь тогда, когда приходили белые. Тогда работа останавливалась. Но стоило появиться красным частям – и вновь закипала работа. Составители отчета писали: «Одно можно с уверенностью сказать, – что ядро действительных горнорабочих, которое оставалось на рудниках при всяком экономическом положении Донбасса, которое сроднилось с предприятиями, это ядро сохранится, и его будет достаточно, чтобы при улучшившемся продовольственном снабжении Донбасса спасти положение до прибытия извне новых кадров рабочих».

Таковы картины жизни Донбасса первой половины 1921 г. И, однако, несмотря на все ужасы голода, нищеты, вымирания, горнорабочие не сдавали позиций. С перебоями, с упорством они все-таки трудились. С января по июль 1921 г. они добыли по бассейну 2 600 000 тыс. тонн. Они сделали 16 млн 558 тысяч упряжек. Правда, производительность труда на одну упряжку была крайне низка. Забойщик выполнял в среднем 1 949 кг, а вообще на рабочего приходилось 157 кг на упряжку.

Вторая половина 1921 и начало 1922 г. принесли горнорабочим Донбасса некоторое улучшение ситуации. Специальная Полномочная Комиссия, прибывшая по постановлению СТО в сентябре 1921 г., установила новую систему оплаты труда, предусматривавшую в основном оплату труда продовольствием (и только в незначительной части – деньгами). Одновременно в Донбасс было переброшено большое количество продовольствия, которое обеспечило рабочих до января 1922 г. и дало возможность значительно поднять добычу угля.

Было достигнуто соглашение о включении в зарплату пяти основных продуктов питания: хлеба – 30,7 кг, круп – 1,6 кг, мяса – 3 кг, жиров – 0,8 кг и сахара – 1 кг, для первого разряда 17-разрядной тарифной сетки, с соотношением между разрядами 1:5. Стоимость продуктов, по опубликованным Донецстатбюро рыночным ценам на 1 мая, составляла 85% ставки трудящегося 1 разряда [9, с. 88]. С января 1922 г. принцип оплаты был несколько изменен: продовольственная часть оплаты была сокращена на 25%, а денежная – повышена на 50%, в свя-

зи с чем число выходов значительно возросло. Увеличилась и производительность труда, как видно по данным таблицы 3 [9, с. 89].

Таблица 3 [9, с. 89]. Средняя производительность шахтеров на территории Донбасса

Table 3 [9, с. 89]. Middle productivity of miners on Donbass territory

	Годы	январь	февраль	март	апрель	май
Производительность забойщика в кг	1920	157	1 256	1 549	852	1 198
	1921	218	1 682	1 953	1 882	1 646
	1922	-	3 113	3 888	2 760	3 505
Производительность рабочего в кг	1920	139	172	238	131	175
	1921	178	221	244	222	186
	1922	339	365	423	286	358

В июне 1921 г. производительность забойщиков равнялась 20 506 тонн, в июле - 13 235 т, в августе - 17 953 т., но уже в сентябре - 32 646 т, в октябре - 49 518 т, в ноябре - 55 808 т, в декабре - 61 181 т - против 29 403 т. декабря 1920 г. [9, с. 90].

Кроме угольной промышленности, в Донбассе с началом Первой мировой войны наблюдается снижение темпов промышленного производства в целом ряде других не менее важных отраслей. В таблице 4 [8, с. 19] приведены данные, характеризующие основные тенденции закрытия промышленных заведений к январю 1923 г. Промышленные заведения стали закрываться с началом Первой мировой войны. Если в 1914 г. закрывается 14 предприятий металлообрабатывающей промышленности, 8 предприятий, специализирующихся на производстве пищевых продуктов и напитков, 3 - добывающих и обрабатывающих камни и почву и только 1 - принадлежащее к горнозаводской промышленности. Закрываются данные предприятия, поскольку принадлежали иностранному капиталу либо зависели от поставок сырья из-за границы и т.д. За период с 1915 г. по 1 марта 1917 г. наблюдаются аналогичные тенденции: лидирующие позиции по темпам закрытия занимают предприятия, выпускающие пищевые продукты и напитки, - 10; закрываются 4 промышленных предприятия, относящиеся к горной и горнозаводской промышленности. Была приостановлена работа 4 предприятий, специализирующихся на добывании и обработке камней, земель и глин, а также закрывается 3 промышленных предприятия, специализирующиеся на металлообработке [8, с. 19].

В связи с ухудшением общегосударственного кризиса, связанного со сменой власти в 1917 г., наблюдаются следующие негативные тенденции в экономике Донбасса. Только за 1917 г. уже было закрыто 26 предприятий, выпускающих пищевые продукты и напитки, на втором месте по числу закрывшихся - 10 промышленных предприятий, обеспечивающих добычу и обработку камней, земель и глин, закрывается 9 металлообрабатывающих предприятий и 4, принадлежащие к горной и горнозаводской промышленности. Количественные показатели закрывшихся в 1917 г. промышленных предприятий пополняют 1 специализирующееся на выпуске химической продукции, и 1, обрабатывающие бумагу. В целом только в 1917 г. было закрыто 51 промышленное предприятие, что превышает темпы закрытия промышленных предприятий начиная с 1914 г., когда было закрыто 47 предприятий за три года.

В начале 1918 г. на территории Донбасса процесс закрытия промышленных предприятий продолжается. При этом было закрыто 25 из них, выпускающих продукты питания и напитки, практически в 4 раза увеличилось количество предприятий горной и горнозаводской промышленности, что составило уже 15 против 4 в 1917 г.. Ухудшается экономическая ситуация в металлообрабатывающей промышленности, и, как следствие, появляется еще 11 закрытых предприятий [8, с. 19-20].

Данная тенденция является следствием сокращения показателей в металлургической промышленности. О работе металлургических заводов в этот период дают представление следующие цифры, характеризующие выплавку чугуна на заводах: в 1914 г. она составляла – 159 932 388 пуд.; в 1915 г. – 144 622 307 пуд., в 1916 г. – 176 300 000 пуд., в 1917 г. – 125 000 000 пуд. В 1918 г. она составила только – 17 000 000 пуд., т.е. производство чугуна на Юге России снизилось в 10 раз по сравнению с предыдущими годами [11, с. 27].

Также в 1918 г. было закрыто еще 13 предприятий, добывающих и обрабатывающих камни, землю и глину. Оказались закрытыми 2 предприятия, выпускающие химическую продукцию, и по одному предприятию, выпускающему одежду, предметы туалета и полиграфическую продукцию.

В 1919 г. максимальное количество закрывшихся предприятий было в пищевой промышленности – 50, увеличивается число закрывшихся горных и горнозаводских предприятий – 19, в металлообрабатывающей промышленности прогрессирует экономический кризис и, как следствие, появляется еще 9 закрывшихся предприятий. Закрывается 4 предприятия, специализирующиеся на добыче и обработке камней, земель и глин. В химической промышленности было закрыто 1 заведение [8, с. 19].

Нестабильная ситуация в экономике региона ярко представлена количественными показателями закрытия промышленных предприятий нескольких отраслей в 1920 г. Лидирует по-прежнему пищевая промышленность – 184 промышленных заведения. На втором месте - горная и горнозаводская – 33 предприятия. В том же году закрыли производство еще 27 металлообрабатывающих заведений. Впервые именно в этом году закрывается 5 предприятий, специализирующихся на обработке шерсти. В 1920 г. еще 2 предприятия, выпускающие химическую продукцию, останавливают производство. Пополняют список по одному закрытому предприятия, выпускающие предметы одежды и туалета, деревообрабатывающей и строительной промышленности [8, с.19-20].

В 1921 г. в связи с голодом на территории края прекратили свое производство 862 пищевых промышленных предприятия, что в 7 раз превышало показатели 1920 г. Второе место принадлежит металлообрабатывающей промышленности – 87 предприятий. В 7 раз по сравнению с показателями 1916 г. увеличивается количество закрывшихся предприятий горной и горнозаводской промышленности – 36. Дублируется количество закрывшихся предприятий по обработке камней и почвы с показателями 1918 г., снова их число составляет 13. В связи с продовольственным кризисом в этом году на территории Донбасса было закрыто 6 предприятий, выпускающих и обрабатывающих кожу и мех. По 2 предприятия было закрыто в химической промышленности и производящей машины и инструменты. По 1 предприятию закрывается в 1921 г. в полиграфическом производстве, производстве и передаче физических сил и водоснабжении.

Таким образом, на территории Донбасса за период с 1914 г. по 1 января 1923 г. было закрыто 2 173 промышленных предприятия.

Таблица 4 [8, с. 19-20]. Материалы итоговой переписи промышленных предприятий на территории Донбасса

Table 4 [8, с. 19-20]. Materials of final census of industrial enterprises on territory of Donbass

Название группы	Всего бездействующих заведений на 1.01.1923 г.	В том числе заведения, прекратившие свою деятельность							
		1921 г.	1920 г.	1919 г.	1918 г.	1917 г.	1915- по 1.03.1917	1914 г.	Время закрытия неизвестно
Производство пищевых продуктов, напитков	1660	862	184	50	25	26	10	8	495
Металлообрабатывающая промышленность	237	87	27	9	11	9	3	14	77
Горная и горнозаводская промышленность	155	36	33	19	15	4	4	1	43
Добыwanie и обработка камней, земель и глин	63	13	4	4	13	10	4	3	12
Одежда и туалет	12	-	1	-	1	-	-	-	10
Кожевенная и меховая промышленность	11	6	-	-	-	-	-	-	5
Химическая промышленность	9	2	2	1	2	1	-	-	1
Производство по обработке шерсти	7	-	5	-	-	-	-	-	2
Обработка дерева	6	-	1	-	-	-	-	-	5
Производство машин, инструментов и аппаратов	3	2	-	-	-	-	-	-	1
Обработка бумаги	2	-	-	-	-	1	-	-	1
Полиграфическое производство	4	1	-	-	1	-	-	-	2
Художественная и прикладная научная промышленность	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Производство и передача физических сил и водоснабжение	2	1	-	-	-	-	-	-	1
Строительная промышленность	1	-	1	-	-	-	-	-	1
Всего по группам	2173	1010	258	83	68	51	21	26	656

В 1914 г. было закрыто 26 заведений, что составляет 1,2% всего значения числящихся закрытыми на 1 января 1923 г. В период с 1 января 1915 г. по 1 марта 1917 г. – 21 заведение, или 1%; с марта до конца 1917 г. – 51 заведение, или 2%; в 1918 г. – 68 заведений, или 3%; в 1919 г. – 83 заведения, 4 %; в 1920 г. чис-

ло закрывшихся заведений возрастает до 258, или 12 %; а в 1921 г. оно достигает 46%. За один 1921 г. закрывается почти столько заведений, сколько за семь предыдущих лет вместе.

Главными причинами бездействия промышленных заведений на 1921 г. являлись ремонт и недостаток оборудования – 23% всех закрытых заведений, неуплата налогов – 14 % промышленных заведений; оказались не сданными в аренду – 9 % промышленных заведений, чрезмерные налоги – 7 %; недостаточно средств – 5 %; другие причины – 18 %; неизвестные – 15 %. Из всех отраслей промышленности наиболее пострадавшей была пищевая промышленность (76% всех закрывшихся предприятий), промышленные заведения, добывающие и обрабатывающие камни, глину и почву – 45%, специализирующиеся на производстве и обработке шерсти – 33%, затем металлообрабатывающая промышленность – 11%, горная и горнозаводская промышленность – 7%, добывающая – 3%. Со второй половины 1917 г. ряды закрывающихся пополняют предприятия химической промышленности. С 1918 г. негативные тенденции наблюдаются практически во всех отраслях [8, с. 20].

В целом, по данным на январь 1923 г., на территории Донбасса действовало 8 289 промышленных предприятий с общим числом рабочих 206 902 человека. По данным таблицы 5, наибольшее количество действующих предприятий - 67,8 %, или 5 155, специализирующихся на производстве пищевых продуктов и напитков; 82,4%, или 1 349 предприятий металлообрабатывающей промышленности; 98,1%, или 645 предприятий, выпускающих предметы одежды и туалета, 67%, или 470 промзаведений принадлежало горной и горнозаводской промышленности, 95,8%, или 144 - обработке дерева, и т.д.

Таким образом, в связи с Первой мировой войной к Донецкому бассейну были предъявлены особые требования, добыча угля усилилась. На территории Донбасса наблюдаются проявления глубокого экономического кризиса в угольной промышленности края. Как следствие данных тенденций происходит постоянное изменение в кадровом составе рабочих, что влияет на основные показатели добычи угля, снижаются показатели производительности труда шахтера. 1920 г. становится рекордным для Донбасса по падению добычи угля. В отдельных районах края на работу в шахтах ставятся полки Донтрудармии, которые испытывали сложности в обеспечении одеждой, обувью и продовольствием. На основе итогов сплошной подворной переписи Донецкой губернии, проводившейся в 1923 г., следует сказать, что положение в отдельных отраслях промышленности Донбасса в период 1917-1922 гг.. ухудшается, увеличивается процент закрывшихся промышленных предприятий. Первое место среди них занимают предприятия пищевой промышленности. Второе место принадлежит металлообрабатывающей промышленности. В 7 раз по сравнению с показателями 1916 г. увеличивается количество закрывшихся предприятий горной и горнозаводской промышленности. Закрываются предприятия по обработке камней и почвы. Список дополняют предприятия, выпускающие и обрабатывающие кожу и мех, химической и машиностроительной отрасли.

3. Федоровский Ю.Р. Революционные события 1917 года в Алчевске // Журнал исторических, политологических и международных исследований. - 2016. № 3(59), – С.11-20.
4. Федоровский Ю.Р. Областные Съезды Советов Донецко-Криворожского бассейна 1917 года как пролог создания ДКР // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2017. - № 4(63). - С.7-23.
5. История Новороссии. – Москва, 2018. – С.439-518;
6. История: (история Донбасса: от древности до современности) / [С. Н. Абуков и др.; под ред.: Л. Г. Шепко, В. Н. Никольский]; ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". - Донецк: [ГОУ ВПО "ДонНУ"], 2018. – С.358-390;
7. Разумная Н.Н. К вопросу о продовольственном кризисе в Донбассе в 1917 году // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 35-42.
8. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии: (Январь - февраль 1923 г.) / Донецк. губерн. исполнит. комитет Советов раб, крест., красн. и каз. депутатов. - Харьков: 2-я Гос. тип. ; Донбасс, Б.р. Т. 1: Промышленность Донбасса. - 1923. - 390 с.
9. Либерман Л. Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь / Лев Либерман. – [Москва]: Вопросы труда, 1929. – 135 с.
10. Либерман Л. В угольном царстве / Лев Либерман. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Красная новь, 1921. – 165 с.
11. Арский Р. Донецкий бассейн. – Москва. – 1919. – 48 с.

REFERENCES

1. Kornilov V.V. Donetsko-Krivorozhskaya respublika. Rasstrelyannaya mechta. [Donetsk-Krivoy Rog Republic. Shot up dream]. Kharkiv, «Folio» 2011. 601 p. (in Russian)
2. Skvortsova L.A. Revolyutsionnye pravitel'stva v politicheskoy bor'be za Donbass v 1917-1919 gg.. [Revolutionary governments in a political fight for Donbass in 1917-1919 гг.]. Velikaya Oktyabr'skaya revolyutsiya: vzglyad cherez 100 let. Donbasskaya natsional'naya akademiya stroitel'stva i arkhitektury. Makiivka, 2017. PP. 22-33. (in Russian)
[http://donnasa.ru/publish_house/journals/vestnik/2017/vestnik_2017-1\(123\).pdf](http://donnasa.ru/publish_house/journals/vestnik/2017/vestnik_2017-1(123).pdf)
3. Fedorovskij YU.R. Revolyutsionnye sobytiya 1917 goda v Alchevske [Revolutionary events 1917 year in Alchevsk]. Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. no. 3(59), 2016. PP. 11-20. (in Russian)
<http://donnu.ru/public/journals/files/Макет%20№3%20%2859%292016.pdf>
4. Fedorovskij YU.R. Oblastnye S"ezdy Sovetov Donetsko-Krivorozhskogo bassejna 1917 goda kak prolog sozdaniya DKR [Regional Conventions of Advances of the Donetsk-Krivoy Rog region 1917 year as a prologue of creation of DKR]. Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. no. 4(63) 2017. PP. 7-23. (in Russian)
5. Istoriya Novorossii. [History of New Russia]. Moscow, 2018. PP. 439-518;
<http://donnu.ru/public/journals/files/Макет%20№4%20%2863%29%202017.pdf>

6. Istoriya: (istoriya Donbassa: ot drevnosti do sovremennosti) [History: (history of Donbass: from antiquity to contemporaneity)]. [Abukov S. N. i dr.; pod red.: Shepko L. G., Nikol'skij V. N.]; GOU VPO "Donetskij natsional'nyj universitet". Donetsk [SEI HPE "DonNU"], 2018. PP. 358-390. (in Russian)
7. Razumnaya N.N. K voprosu o prodovol'stvennom krizise v Donbasse v 1917 godu [To the question about a food crisis in Donbass in 1917]. Vestnik DonNU. Seriya B. Gumanitarnye nauki. 2019. no. 2. PP. 35-42. (in Russian) http://donnu.ru/public/journals/files/Vestnik_DonNU_SerB_2_2019.pdf
8. Itogi sploshnoj podvornoj perepisi Donetskoj gubernii: (Yanvar' - fevral' 1923 g.) [Results of continuous census of the Donetsk province :(January is February 1923)]. Donetsk. gubern. ispolnit. komitet Sovetov rab, krest., krasn. i kaz. deputatov. Kharkiv: 2-ya Gos. tip. ; Donbass, B.r. T. 1: Promyshlennost' Donbassa. 1923. - 390 p. (in Russian)
9. Liberman, L. Trud i byt gornjakov Donbassa prezhd e i teper' [Labour and way of life of miners of Donbass before and now]. Moscow, Voprosy truda, 1929. 135 p. (in Russian)
10. Liberman L. V ugol'nom tsarstve [In a coal reign] 3-e izd., ispr. i dop. Moscow, Krasnaya nov', 1921. 165 p.
11. Arskij R. Donetskij bassejn [Donetsk Region]. Moscow, 1919. 48 p. (in Russian)

Информация об авторе: Разумная Надежда Николаевна, Донецкий национальный университет,

г. Донецк, ДНР

n.razumnaya@donnu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nadezhda N. Razumnaya, Donetsk National University

Donetsk, DPR

n.razumnaya@donnu.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 03.10.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 23.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Разумная Н.Н.2021

© «ИСОМ». 2021

Социальная структура, социальные институты и процессы *Social Structure, Social Institutions and Processes*

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-73-87

УДК 316.347(470.62)

Установки исламского религиозного поведения в массовом сознании городского населения Дагестана

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

г. Махачкала, Россия

madina2405@mail.ru

Аннотация. Проблема религиозного возрождения, определение типов религиозности, интенсивность культового поведения, соответствие типа религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, убежденно неверующий) ритуальному поведению, формирование в массовом сознании принципов веротерпимости и межрелигиозной толерантности являются актуальными для современного поликонфессионального и полиэтнического российского социума. В рамках данного исследования ключевым является установление соответствия и несоответствия типа религиозности человека (отношение к религии) его нормативной религиозной практике. Заметно научный интерес к изучению именно данного аспекта религиозной проблематики вырос на волне активизации деятельности духовных институтов, появления религиозных учебных заведений. Авторское исследование религиозности и религиозного поведения городского населения Дагестана показывает, что в общественном сознании опрошенных превалирует самоидентификация с типами религиозности - убежденно верующий и верующий. Доля респондентов, которая по мировоззренческим убеждениям относится к другим типам религиозности (колеблющиеся, неверующие, убежденно неверующие) в сравнении заметно меньше, но при этом выявлены существенные отличия по социально-демографическим параметрам. Кроме того, по данным исследования установлено, что декларирование определенного типа религиозности не соответствует интенсивности религиозной практики опрошенного городского населения Дагестана: самоидентификация с определенным типом религиозности подразумевает специфическое культовое поведение, но верификация эмпирического материала констатирует иное нормативное поведение респондентов.

Ключевые слова: религия, ислам, городское пространство, городское население, культовое поведение, религиозное сознание

Для цитирования: Шахбанова М.М. Установки исламского религиозного поведения в массовом сознании городского населения Дагестана // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 5. С. 73-87.

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-73-87:

Original article

Institutions of islamic religious behavior in the mass consciousness of the urban population of Dagestan

Madina M. Shakhbanova,

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science,

<https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

Makhachkala, Russia

madina2405@mail.ru

Abstract. The problem of religious revival, the definition of the types of religiosity, the intensity of cult behavior, the correspondence of the type of religiosity (convinced believer, believer, hesitant, convincingly nonbeliever) to ritual behavior, the formation of the principles of religious tolerance and interreligious tolerance in the mass consciousness are relevant for the modern poly-confessional and multi-ethnic Russian society. Within the framework of this study, the key is to establish the correspondence and inconsistency of the type of religiosity of a person (attitude to religion) with his normative religious practice. A noticeable scientific interest in the study of this particular aspect of religious problems has grown in the wake of the revitalization of the activity of spiritual institutions, the emergence of religious educational institutions. The author's study of the religiosity and religious behavior of the urban population of Dagestan shows that self-identification with the types of religiosity prevails in the public consciousness of the respondents - a convinced believer and a believer. The share of respondents who, according to their ideological convictions, belong to other types of religiosity (vacillating, unbelievers, convincingly unbelievers), in comparison, is noticeably smaller, but significant differences in socio-demographic parameters were revealed. In addition, according to the research, it was found that the declaration of a certain type of religiosity does not correspond to the intensity of religious practice of the surveyed urban population of Dagestan: self-identification with a certain type of religiosity implies specific cult behavior, but verification of empirical material indicates a different normative behavior of the respondents.

Keywords: religion, Islam, urban space, urban population, cult behavior, religious consciousness

For citation: Shakhbanova M.M. Institutions of islamic religious behavior in the mass consciousness of the urban population of Dagestan.// *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.5. PP. 73-87. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-73-87

Введение

Проблема религиозности и выраженность ее типов в массовом сознании населения, соответственно, изучение культового поведения, характерного каждому конкретно взятому типу религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий) заметно актуализировалась в постсоветский период. Так, «массовая религиозность россиян активно заявила о себе в 1990-х годах, в период острых социально-экономических и политических трансформаций, размывания устоявшихся представлений о жизни, кризиса государственной идентичности. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности "советского человека", равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы» [1, с. 46].

Однако ради справедливости следует отметить, что в науке внимание к этому аспекту религиозной сферы всегда присутствовало, соответственно, религиозность и ритуальное поведение были предметом научного интереса специалистов, причем для этого имелись веские основания. В.П. Баранников и Л.Ф. Матронина, обозначив религиозность как социально-психологическую характеристику личности, способ социальной самоидентификации и социальной адаптации, выделяют два основных ее типа: «традиционная религиозность неразрывно связана с этнопсихологической самоидентификацией личности и этноисторической самоидентификацией народа, несмотря на изначально надэтнический характер религий (буддизма, христианства, ислама). Традиционная религиозность, как единственно доступная всем форма самосознания и мировоззрения, интегрирует не только собственно религиозные, но и нравственные, эстетические, природоведческие представления в их неразрывной связи с годовыми трудовыми циклами. Она непосредственно связана с традициями и обычаями народов и укоренена в исторически сложившемся народном быте. Традиционную религиозность отличает искренность и в то же время весьма поверхностное проникновение в сущность веры, которая интуитивно воспринимается как истинная... Формальная религиозность есть проявление глубокого равнодушия к вопросам религии и веры при демонстративном соблюдении обрядовой стороны религиозного бытия. Формальная религиозность - это форма внешней религиозности, не облагороженной ни религиозным чувством, ни стремлением к реализации религиозных переживаний» [2, с. 103].

Таким образом, можно утверждать, что постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией исследований религиозной сферы, различных ее аспектов: процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает» [3, с.

95]. Более того, взаимоотношения вероучения и культуры являются очень сложными, ибо «они составляют одну из наиболее значимых составляющих турбулентности в современном обществе» [4, с. 108]. Исследование вероисповедания предполагает, что «на протяжении практически всего XX столетия господствующие механизмы управления ... воспроизводили либерально-светское мировоззрение ... Однако социальные реалии конца XX - начала XXI вв. "вытащили" религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав не востребуемые долгое время ее социальные роли...» [5, с. 110].

Иными словами, усиление религиозного компонента в современном обществе сопровождается необходимостью исследования религиозности населения - кого можно считать верующим человеком? каковы индикаторы измерения степени и уровня религиозности человека? Кроме того, в данном аспекте актуально изучение соответствия типа религиозности и культового поведения. Не вызывает сомнения, что роль вероучения настолько выросла, что религиозная тематика освещается на разного рода уровнях как представителями властных структур, так и средствами массовой информации, то есть «инвариантной характеристикой российского общества ... является религиозный и культурный плюрализм, использование различными социальными общностями и политическими силами этнических и религиозных идентичностей как в качестве интегрирующих социальных механизмов, так и в качестве маркеров различия, чему способствует государственная политика поддержки культурного многообразия» [6, с. 114].

Ряд российских исследователей отмечает, что социология религии в отечественной науке не является «теорией среднего уровня, обладающей научным весом, опирающейся на богатую традицию и научные школы, которые были бы способны достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества» [7, с. 135]. Однако с таким суждением в полной мере нельзя согласиться, потому что в отечественной (советской) науке проблема религиозного сознания и религиозного поведения, определение места религии в обществе были предметом исследования (может быть не всегда объективного с учетом господствовавшей идеологии) в русле научных разработок этнографов, философов, социологов и т.д.

В постсоветское время атеизм и атеистическое мировоззрение советского периода подмяли мощные процессы религиозного возрождения, тем самым актуализировав проблему религиозности и религиозного поведения. Для повышения интереса к религиозной проблематике имелись существенные причины, среди которых ключевую роль выполняло религиозное духовенство, стремившееся поставить под полный контроль социальную жизнь индивида. Если обратиться к идеям К. Юнга, то он видел основу религиозности как стремление и поклонение чему-то высшему, в самой природе человека [8]; по мнению Э. Фромма, человек «нуждается в объекте почитания и преданности, подчинения и любви» и религиозность выступает как его (человека. - *Авт.*) потребность определить смысл жизни, стремление разрешить «вечные» истины в процессе своей жизненной самореализации [9, с. 304]. По мысли П. Тиллиха, человек изначально религиозен, соответственно, как аспект человеческого духа религиозность присутствует во всех проявлениях культуры, указывая на «предельное, бесконечное и безусловное в человеческой духовной жизни» [10, с. 11].

Анализ основных понятий показывает, что религиозность есть «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп», в содержательном плане его можно рассматривать как «определенное состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [11, с. 127]. По утверждению И.Н. Яблокова, религиозность - это «социальное качество индивида и группы, выражающее в совокупности их религиозных свойств», и измерение религиозности осуществляется с использованием комплекса критериев, так как «некоторые авторы считают, что о религиозности следует судить по наличию в сознании определенных религиозных идей (например, понятие о Боге). Другие придают первостепенное значение религиозным признакам поведения дей - отправлению религиозных обрядов и праздников, членству в религиозных группах и т.д.» [12, с. 123].

В русле социологии религии распространение получили новые подходы и теории, целью которых является изучение религиозности, специфики ее проявления, структурных элементов, соответствия культовому поведению и т.д. Примером является теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности. Наиболее полную концепцию депривации сформулировал Ч. Глок в работе «Роль депривации в происхождении и эволюции религиозных групп», а также в совместной с Р. Старком монографии «Религия и общество в динамике». Депривацию Ч. Глок считает многосторонним явлением, которое выполняет важную роль в процессе становления типов религиозности: «состояние ущемленности, переживаемое индивидом или группой при сравнении с другими индивидами или группами или по отношению к некому набору представлений о том, какими ресурсами этот индивид или группа должны обладать, но не обладают» [13, с. 40].

В концепции депривации религии Х. Казановы «публичные религии занимают свое место во всех сферах политического пространства: 1) государственная испанская католическая церковь, или национальная церковь Польши; 2) политического общества, когда религии, мобилизующие свои ресурсы в целях политической конкуренции, участвуют в политических партиях, общественных движениях, сопротивляются разделению церкви и государства и дифференциации светских сфер, выступают в защиту религиозной свободы (католическая церковь в коммунистической Польше) или в поддержку демократических режимов (католические церкви в Испании, Польше, Бразилии); 3) гражданского общества (когда религиозные группы участвуют в публичных движениях и дебатах различного свойства - против аборт, за мораль и т. д.)» [14, с. 142].

Если обратиться к истории изучения положения религии в нашем обществе, то еще в социалистический период отечественные исследователи пытались найти наиболее приемлемый метод изучения религиозности населения, который позволил бы объективно охарактеризовать состояние их религиозного сознания и специфику религиозного поведения: «для измерения религиозности применялся показатель "участие в религиозных обрядах", который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности - "вера в сверхъестественное" - суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины» [15, с. 51].

Не менее важным в процессе исследования религиозности населения представляется установление критериев принадлежности к определенной рели-

гиозной группе, каковыми считают, во-первых, этнический принцип, суть которого заключается в обозначении определенного вероисповедания национальной религией той или иной этнической общности (православие для русского народа, ислам для дагестанских народов, иудаизм для евреев и т.д.); во-вторых, культурная религиозность - отождествление человеком себя с конкретной религией, даже если он не придерживается ее предписаний, основных положений и не соблюдает соответствующее конкретному вероучению культовое поведение. Иными словами, «сам факт утверждения принадлежности к определенному религиозному течению важен для мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации гражданина. Соответствующая религия имеет для человека, называющего себя православным, мусульманином или лютеранином, особую, по сравнению с другими религиями, ценность» [16, с. 36]. В научном сообществе критически относятся к исследованиям, которые за основу религиозности берут самоидентификацию человека с определенным вероучением независимо от его отношения к вере (верующий / неверующий) и активности культового поведения. В.Ф. Чеснокова полемизирует с исследователями, придерживающимися позиции, что православие есть всего лишь самоназвание, с аргументацией, что «никто не в праве ставить под сомнение ответ человека, признающего себя верующим, - поскольку вера, то есть отношения человека с Богом, это весьма сложный и деликатный феномен, проверить который невозможно современными научными средствами» [17, с. 6].

Несмотря на наличие огромного научного пласта в области изучения религиозности и религиозного поведения россиян, в среде отечественных религиоведов, впрочем, как и социологов, серьезные нарекания вызывает методика исследования религиозности - «В-индекс». Если одни социологи в своих исследованиях религиозности широко его применяют (М.С. Алексеева, О.А. Богатова, в модифицированном виде - Ю.Ю. Синелина), то другие с качественной и количественной позиций критикуют: «В-индекс в его "классическом" варианте инвалиден...» [18, с. 126].

Огромное влияние, как показывают исследования дагестанских авторов, исламский фактор оказывает на образовательную и семейно-брачную сферы. Так, Р.О. Рамазановым показана роль примечетских школ (мактабов) в формировании религиозного сознания подрастающего поколения [19; 20; 21]; Э.М. Загировой сделан вывод о том, что возрождение ислама имело далеко не всегда позитивные последствия для семейно-брачной сферы [22; 23; 24], но эти вопросы находятся за рамками данного исследования, поэтому не представляется необходимым на них подробно останавливаться.

В данной статье рассматриваются типы религиозности городского населения Дагестана, обозначены позиции, которые позволяют классифицировать опрошенных как «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих».

Методы исследования.

Эмпирическую базу исследования составляет социологическое исследование, проведенное в 2020 г. в рамках изучения религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана. Основным методом исследования - стандартизированный массовый опрос. В 2020 г. было опрошено население Дагестана в г. Дербенте, Каспийске, Махачкале, Хасавюрте (N = 563). Махачкала

(N = 236) в возрасте от 16 лет и старше, Хасавюрт N = 157, Дербент N = 91, Каспийск N = 79.

Результаты исследования

В полной мере можно согласиться с мнением отечественных исследователей, что «светскую культуру, высвободившуюся из тенет коммунистической идеологии, весьма настойчиво стремится подменить религия ... Население, особенно молодежь, приобщается к изучению арабского языка, чтению Корана и других религиозных книг. Интенсивно распространяется специальная литература с комментариями и разъяснениями догматики исламской религии...» [25, с. 55]. Согласно Т. Сиверцевой, «на Северном Кавказе ислам всегда был не только религией или формой личного поведения, но также образом жизни, фактором, организующим сельскую общину, реальной политической силой» [26, с. 168].

В связи со сказанным выше возникает необходимость установления отношения опрошенных к вероисповеданию (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Ваше отношение к религии?» (%)

Table 1. Distribution of answers to the question "What is your attitude to religion?" (%)

Варианты ответов / Пол	Мужской	Женский	Всего:
Убежденно верующий	38,3	34,3	35,9
Верующий	43,0	52,6	48,7
Колеблющийся	8,3	6,7	7,4
Неверующий	6,1	1,5	3,4
Убежденно неверующий	3,9	2,4	3,1

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Эмпирический материал показывает, что одна треть респондентов самоидентифицируется как убежденно верующие, каждый второй относит себя к подгруппе верующих и статистически небольшая доля респондентов свое отношение к религии обозначает как колеблющиеся или придерживающиеся атеистического мировоззрения. При этом можно констатировать наличие различий по гендерной принадлежности в обозначении отношения к вероучению. А как распределились ответы по возрастному признаку и уровню образования опрошенного городского населения? Эмпирический материал показывает, что себя к когорте убежденно верующих причисляют 42,7% опрошенных в возрасте до 20 лет, 35,8% - от 20 до 30 лет, 38,0% - от 30 до 40 лет, 31,3% - от 40 до 50 лет, 31,4% - от 50 до 60 лет, 33,3% - от 60 лет и выше, 38,9% - с базовым средним, 36,2% - средним, 44,5% - средним специальным и 33,6% - высшим образовани-

ем. То есть можно утверждать, что с повышением возраста и образовательного статуса респондентов уменьшается доля относящихся по типу религиозности к подгруппе «убежденно верующие». Далее 44,4% опрошенных в когорте до 20 лет, 49,6% - от 20 до 30 лет, 45,0% - от 30 до 40 лет, 55,4% - от 40 до 50 лет, 50,7% - от 50 до 60 лет, 43,3% - от 60 лет и выше, 36,1% - с базовым средним, 50,4% - средним, 42,0% - средним специальным, 50,9% - высшим образованием самоидентифицируются как верующие. При этом можно отметить, что по мировоззренческим убеждениям себя к подгруппе атеистов относят опрошенные в пределах 3%, но их больше в возрастном интервале от 60 лет и выше (6,7%), то есть это поколение, выросшее при системе с доминированием идеологии атеизма.

С целью глубокого изучения соответствия декларируемого и реального религиозного поведения опрошенного городского населения Дагестана были сопоставлены следующие вопросы (см. табл. 2.)

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» и «Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?» (%)

Table 2. Distribution of answers to the questions "Do you consider yourself a believer?" and "What do you think a believer should do?" (%)

Считаете ли Вы себя верующим человеком?	Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?								
	Регулярно посещать мечеть	Соблюдать пост	Читать религиозные тексты	Совершать намаз	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	Выплачивать религиозный налог	Совершить паломничество
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	48,0	70,4	30,6	83,2	17,3	29,1	3,1	39,3	37,8
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	28,2	64,7	24,3	80,4	9,4	33,7	11,8	40,4	36,5

Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	18,0	42,0	22,0	54,0	12,0	20,0	28,0	24,0	20,0
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	20,0	28,0	24,0	40,0	20,0	36,0	16,0	16,0	24,0
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	11,1	11,1	11,1	33,3	11,1	33,3	22,2	11,1	11,1
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха (Бога)	18,8	12,5	0	25,0	0	12,5	43,8	0	0
Всего:	33,4	60,6	25,4	74,8	12,7	30,3	11,4	35,8	33,4

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Данные исследования показывают, что для респондентов, которые по типу религиозности относятся к убежденно верующим и верующим, в культовом поведении важным является обязательное в мусульманстве предписание - совершение 5-кратной молитвы. Однако на важность следования данному исламскому постулату указывает одна вторая часть из подгруппы колеблющихся, каждый третий из подмассива самоидентифицирующихся как неверующие и одна четвертая часть убежденно неверующих. Второе ранговое место занимает вариант ответа «соблюдение поста», и по всему массиву на него указывает больше половины опрошенных и закономерно разделяющих данный тезис, в сравнении, больше в подмассиве убежденно верующих и верующих. Для одной трети респондентов важным предписанием является выплата религиозного налога, и придерживающихся данной позиции больше среди респондентов, которые по типу религиозности относятся к убежденно верующим и верующим. В нашем исследовании обращают на себя внимание показатели по вариантам ответов «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха (Бога)», но при этом «не соблюдает ни одно из предписаний религии, но считает себя убежденно верующим человеком» каждый второй респондент. Поэтому возникает вполне обоснованный вопрос: к какой категории населения их причислять - верующие или неверующие? С одной стороны, для исследователей важным должна быть самоидентификация самого человека (верующий - неверующий), но, с дру-

гой - обозначение своего отношения к вероисповеданию закономерно требует соблюдения пастью определенных религиозных правил и предписаний в разных социальных сферах.

Далее в нашем исследовании были сопоставлены между собой следующие вопросы, которые показывают отношение к религии и обязанности верующего человека (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком?», «Как часто вы посещаете мечеть?», «Как часто Вы молитесь?», «Как часто Вы читаете религиозные тексты?», «Как часто Вы соблюдаете пост?», «Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?» (%)

Table 3. Distribution of answers to the questions "Do you consider yourself a believer?", "How often do you visit the mosque?", "How often do you pray?", "How often do you read religious texts?", "How often do you fast?", "How often do you pay religious tax (zakat)?" (%)

	Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?								
	Регулярно посещать мечеть	Соблюдать пост	Читать религиозные тексты	Совершать намаз	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	Выплачивать религиозный налог	Совершить паломничество
Как часто вы посещаете мечеть?									
Постоянно	67,3	71,4	36,7	75,5	34,7	34,7	0	32,7	26,5
Часто	52,9	72,1	30,8	85,6	12,5	27,9	3,8	36,5	32,7
Редко	33,9	64,3	32,1	78,0	13,1	29,2	5,4	42,3	41,7
Вообще не посещаю	17,8	53,1	15,0	69,5	8,9	31,5	23,9	32,9	31,0
Как часто Вы молитесь?									
Постоянно	41,3	75,5	31,7	88,8	16,1	33,5	2,5	45,0	44,4
От случая к случаю	27,3	52,3	21,6	68,2	12,5	31,8	12,5	28,4	26,1
Вообще не молюсь	17,9	33,9	14,3	49,1	7,1	25,0	39,3	17,0	12,5
Как часто Вы читаете религиозные тексты?									
Постоянно	49,0	69,0	37,2	82,8	24,8	32,4	4,1	40,0	39,3
Редко	33,8	68,4	25,1	81,8	9,8	34,2	6,2	39,3	37,5
Вообще не читаю религиозные тексты	16,8	37,8	14,3	55,5	8,4	22,7	33,6	21,8	17,6
Как часто Вы соблюдаете пост?									
Постоянно	45,8	78,4	35,5	88,3	15,4	35,9	46,5	2,6	46,9
Иногда	25,4	55,2	17,4	75,1	11,4	28,9	11,9	29,4	25,9
Вообще не соблюдаю пост	14,1	14,1	12,7	26,8	8,5	16,9	45,1	11,3	5,6

Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?									
Постоянно	44,4	70,6	35,0	82,2	16,8	35,5	3,7	51,9	43,0
Редко	33,3	66,7	22,7	80,1	10,6	33,3	9,2	35,5	34,0
Вообще не выплачиваю религиозный налог (закят)	21,5	48,3	16,8	64,4	8,1	24,2	23,5	16,8	24,2
Всего:	34,2	62,1	25,9	76,1	13,2	31,1	11,7	36,2	34,2

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Полученные данные показывают, что между обязанностями верующего человека и реальным его ритуальным поведением существует несоответствие. Так, регулярность посещения мечети занимает третье ранговое место по значимости, пропустив вперед важность совершения молитвы и соблюдения поста. При этом постоянство в совершении молитвы существенно выше, но при этом одна вторая часть респондентов ее делают «от случая к случаю». Далее такая же картина наблюдается в отношении соответствия регулярности соблюдения поста и обязанности верующего человека: заметно большая часть респондентов обозначает важность молитвы при заметно сниженном весе параметра «соблюдение поста». Лишь немногим более половины опрошенных постоянно выплачивают религиозный налог, несмотря на подчеркивание важности данного признака для верующего человека.

Таким образом, эмпирический материал показывает, что опрошенное городское население обозначает важность совершения молитвы и поста как индикаторов измерения отношения человека к религии (верующий / неверующий), но реальная религиозная практика кардинально отличается от провозглашаемых исламских правил, которые обязательны для верующего человека. То есть в реальности опрошенные горожане демонстрируют пассивное религиозное поведение и частотность соблюдения базовых мусульманских постулатов заметно ниже. Полученный материал позволяет сделать вывод о несогласованности и несоответствии типа религиозности ритуальному поведению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. - 2017. - Т. 23. - № 3. - С. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. - 2004. - № 9. - С. 102-107.
3. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. - 1990. № 5. - С. 95-103.
4. Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. - 2013. - № 6. - С. 108-115.
5. Там же.
6. Богатова О.А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. - 2011. - № 8. - С. 114-122.

7. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. - 2013. - № 1. - С. 135-146.
8. Юнг К.Г. Психология и религия. Избранные работы / Пер. и сост. А.М. Руткевича. - СПб.: Изд-во РХГА, 2014. - 287 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. - М.: АСТ-ЛТД, 1998. - 672 с.
10. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / Пер. с англ. и сост. С.Я. Левит, С.В. Лезов. - СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. - 479 с.
11. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. - М.: Мысль, 1985. - 127 с.
12. Яблоков И.Н. Социология религии. - М.: Мысль, 1979. - 182 с.
13. Исаева В.Б. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. - 2019. - № 9. - С. 31-50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
14. Там же.
15. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. - 1987. - № 3. - С. 50-55.
16. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. - 2005. - № 6. - С. 35-46.
17. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. - М.: Академический Проект, 2005. - 304 с.
18. Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. - 2013. - № 1. - С. 118-126.
19. Рамазанов Р.О., Алишаева П.К., Ильясова Б.К. Религиозно-политический терроризм на Северном Кавказе в постсоветский период. Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России: Мат-лы междунауч.-практ. конф. Адыгейский государственный университет. - Майкоп, 2019. - С. 177-187.
20. Рамазанов Р.О. Мусульманское образование и его роль в формировании религиозной идентичности // Диалог культур в глобализирующемся мире: Мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). - Махачкала, 2020. - С. 53-56.
21. Рамазанов Р.О., Акимова А.А., Нурилова А.З. Проблема начального мусульманского образования в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 1. - С. 39-42.
22. Загирова Э.М. Роль религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: культурное проектирование и формирование нравственного облика молодежи: Сб. ст. по мат-лам VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. - Махачкала, 2015. - С. 205-212.
23. Загирова Э.М. Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования // The Caucasus and the World. - 2015. - № 20. - С. 158-165.
24. Загирова Э.М. Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние

- и тенденции // Вестник Института истории, археологии и фии. - 2016. - № 4 (48). - С. 163-170.
25. Задворнов И.А. Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. - 2000. - № 10. - С. 52-57.
26. Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичности (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. ст. / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. - М.: Московский Центр Карнеги, 1997. - С. 168-183.

REFERENCES

1. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust] Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2017. Vol. 23. No. 3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363. (In Russ.)
2. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.)
3. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.)
4. Kargina I.G. Klyuchevye trendy v izuchenii sovremennyh proyavlenij religioznosti [Key trends in the study of contemporary manifestations of religiosity] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No. 6. Pp. 108-115. (in Russ.)
5. Ibid.
6. Bogatova O.A. Religioznaya identichnost' i religioznye praktiki v Mordovii [Religious identity and religious practices in Mordovia] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2011. No. 8. Pp. 114-122. (in Russ.)
7. Anurin V.F. Religiya kak factor social'noj integracii [Religion as a factor of social integration] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No. 1. Pp. 135-46. (in Russ.)
8. Yung K.G. Psihologiya i religiya. Izbrannye raboty [Psychology and religion. The best works]. Per. isost. A.M. Rutkevicha. SPb.: Izd-vo RHGA, 2014. 287 p. (in Russ.)
9. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti [Anatomy of human distraction]. Per. s nem. E.M. Telyatnikovoj. M.: OOO «Izdatel'stvo AST-LTD», 1998. 672 p. (in Russ.)
10. Tillih P. Izbrannoe. Teologiya kul'tury [The best works. Theology of culture]. Per. s angl.isost. S.Ya. Levit, S.V. Lezov. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 479 p. (in Russ.)
11. Ugrinovich D.M. Vvedenie v religiovedenie [Introduction to religion science]. M.: Mysl', 1985. 127 p. (in Russ.)
12. Yablokov I.N. Sociologiya religii [Sociology of religion]. M.: Mysl', 1979. 182 p. (in Russ.)

13. Isaeva V.B. Teoriya deprivacii kak instrument izucheniya netradicionnoj religioznosti [Theory of deprivation as instrument of research of nontraditional religiosity] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2019. No. 9. Pp. 31-50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4. (in Russ.)
14. Ibid.
15. Il'yasov F.N. Religioznoe soznanie i povedenie [Religious consciousness and behavior] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1987. No. 3. Pp. 50-55. (in Russ.)
16. Filatov S.B., Lunkin R.N. Statistika rossijskoj religioznosti: magiya cifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2005. No. 6. Pp. 35-45. (In Russ.)
17. Chesnokova V.F. Tesnym putem: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX veka [Thin path: process of church orientation of people of Russia in the end of XX century]. M.: Akademicheskij Proekt, 2005. 304 p. (in Russ.)
18. Lebedev S.D., Suhorukov V.V. Tesnyj put' ne tuda? [Thin path is wrong way] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No. 1. Pp. 118-126. (in Russ.)
19. Ramazanov R.O., Alishaeva P.K., Il'yasova B.K. Religiozno-politicheskij terrorizm na Severnom Kavkaze v postsovetskij period [Religious and political terrorism in the North Caucasus in the post-Soviet period] Pozitivnyj potencial islama kak factor etnosocial'noj konsolidacii Rossii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [The positive potential of Islam as a factor in the ethnosocial consolidation of Russia. materials of the international scientific and practical conference]. Majkop: AGU, 2019. Pp. 177-187. (in Russ.)
20. Ramazanov R.O. Musul'manskoe obrazovanie i ego rol' v formirovanii religioznoj identichnosti [Muslim education and its role in the formation of religious identity] Dialog kul'tur v globaliziruyushchemsya mire. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) [Dialogue of cultures in a globalizing world. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]. Makhachkala. 2020. Pp. 53-56. (in Russ.)
21. Ramazanov R.O., Akimova A.A., Nurilova A.Z. Problema nachal'nogo musul'manskogo obrazovaniya v sovremennom rossijskom obshchestve [The problem of primary Muslim education in modern Russian society] Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2020. No. 1. Pp. 39-42. (in Russ.)
22. Zagirova E.M. Rol' religioznogo komponenta v semejno-brachnyh ustanovkah dagestanskih narodov [The role of the religious component in the family and marriage attitudes of the Dagestan peoples] Dialog kul'tur i dialog v polikul'turnom prostranstve: kul'turnoe proektirovanie i formirovanie nravstvennogo oblika molodezhi. Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Dialogue of cultures and dialogue in a multicultural space: cultural design and shaping the moral character of youth. Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Makhachkala, 2015. Pp. 205-212. (in Russ.)

23. Zagirova E.M. Tradicionnaya sem'ya: teoreticheskie aspekty sociologicheskogo issledovaniya [Traditional family: theoretical aspects of sociological research] The Caucasus and the World. 2015. No. 20. Pp. 158-165. (in Russ.)
24. Zagirova E.M. Demograficheskoe povedenie dagestanskoj sem'i: sostoyanie i tendencii [Demographic behavior of the Dagestan family: state and trends] Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. 2016. No. 4 (48). Pp. 163-170. (in Russ.)
25. Zadvornov I.A. Severnyj Kavkaz: etnopoliticheskie i religioznye osobennosti sociokul'turnoj identichnosti [North Caucasus: Ethnopolitical and Religious Features of Sociocultural Identity] Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2000. No. 10. Pp. 52-57. (in Russ.)
26. Siverceva T. Kul'turnaya transformaciya i smena identichnosti (Dagestan, Csumadinskij rajon) [Cultural transformation and change of identity (Dagestan, Tsumadinsk y district)] Identichnost' ikonflikt v postsovetskih gosudarstvah [Identity and conflict in post-Soviet states]. Sb. Statej. Pod red. M.B. Olcott, V. Tishkova, A. Malashenko. M.: Moskovskij Centr Karnegi, 1997. Pp. 168-183. (in Russ.)

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Science Researcher ID: ABA-2690-2020,

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

г. Махачкала, Россия

madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova, Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science

Science Researcher ID: ABA-2690-2020,

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 06.10.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests.

Социальная структура, социальные институты и процессы *Social Structure, Social Institutions and Processes*

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-88-106

УДК: 316.3

Сущность экстремизма: социальный и криминологический аспекты

Алёна Владимировна Штефан

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Россия

Al.schtefan2011@yandex.ru

Аннотация. Введение. В статье анализируются социальный и криминологический аспекты сущности экстремизма, рассматриваются мнения ученых о понятии экстремизма, а также вырабатываются основные направления профилактики и предупреждения экстремизма как социального явления. В научную статью вносятся рекомендации по совершенствованию деятельности государственных и общественных организаций, направленной на предупреждение и профилактику экстремизма. Автор делает вывод о понятии экстремизма как антисоциального явления в обществе и предлагает выработать комплексный подход, который позволит повысить эффективность противодействия распространению экстремизма, а также выработать меры по его предупреждению и профилактике.

Материалы и методы. Методологической основой научного исследования является диалектический подход, требующий рассматривать любые процессы в их развитии, динамике, многообразии связей, выявляя их устойчивые и изменчивые свойства, что позволило всесторонне изучить настоящее исследование. При проведении исследования применялись следующие методы: историко-правовой, статистический, системно-сопоставительный, системно-структурный, метод сравнительного анализа, формально-логический, метод экспертных оценок.

Результаты исследования. Новизной публикации является то, что, рассмотрев понятие экстремизма, его динамику, а также меры по его предупреждению, полагается, что экстремизм представляет сложное, многоаспектное и негативное антисоциальное явление, опирающееся на идеологию, направленную на отрицание любых иных взглядов в попытке утвердить свою систему принципов, идей и навязывание обществу любыми противоречащими способами осуществления экстремистских действий, а также на создание в нём обстановки нетерпимости к представителям определенных социальных групп. Экстремизм продолжает сохранять негативные тенденции по всей стране, динамика увеличивается с каждым годом, повышается степень общественной опасности за счет новых форм проявлений, а также сохраняется высокий уровень латентности. Анализ проводимых мероприятий в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в стране складывается государственная политика активного противодей-

ствия экстремизму во всех формах. Все активнее используются идеологические, социально-экономические, правовые и административные методы противодействия экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, негативное социальное явление, противодействие экстремизму, экстремистское сообщество, социальная сущность экстремизма

Для цитирования: Штефан А.В. Сущность экстремизма: социальный и криминологический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 5. С. 88-106.

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-88-106:

Original article

On the question of the essence of extremism as a social phenomenon

Alyona V. Stefan

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russia

Al.schtefan2011@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article analyzes the social and criminological aspects of the essence of extremism, examines the opinions of scientists on the concept of extremism, and also develops the main directions of prevention and prevention of extremism as a social phenomenon. The scientific article contains recommendations on improving the activities of state and public organizations aimed at preventing and preventing extremism. The author draws a conclusion about the concept of extremism as an antisocial phenomenon in society and suggests developing a comprehensive approach that will increase the effectiveness of countering the spread of extremism, as well as develop measures to prevent and prevent it.

Materials and methods. The methodological basis of scientific research is a dialectical approach that requires considering any processes in their development, dynamics, diversity of connections, identifying their stable and changeable properties, which allowed a comprehensive study of the present study. During the research, the following methods were used: historical-legal, statistical, system-comparative, system-structural, comparative analysis method, formal-logical, expert evaluation method.

Research results. The novelty of the publication is that, having considered the concept of extremism, its dynamics, as well as measures to prevent them, it is believed that extremism is a complex, multidimensional and negative antisocial phenomenon based on an ideology aimed at denying any other views in an attempt to assert its system of principles, ideas and imposing by any contradictory means on other opponents, as well as creating an environment of intolerance in society towards representatives of certain social groups. Extremism continues to maintain negative trends throughout the country, the dynamics increases every year, the degree of public danger increases due to new forms of manifestations, and a high level of latency remains. An analysis of the activities carried out in the Russian Federation allows us to conclude that the country is developing a state policy of actively countering extremism in all forms. Increasingly uses ideological.

Keywords: extremism; negative social phenomenon; countering extremism; extremist community; social essence of extremism

For citation: Stefan A.V. On the question of the essence of extremism as a social phenomenon // Historical and Social-Educational Idea. 2021 Vol. 13, No.5. PP. 88-106. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-88-106:

Введение

В последние годы экстремизм привлекает к себе все больше внимания со стороны мирового сообщества и представляет большую угрозу для государства и общества, усугубляется способность созидать, развиваться, взаимодействовать в условиях поликультурного, многонационального общества, как необходимое условие успешной социализации подрастающего поколения.

В связи с активным включением в современную жизнь сети Интернет резко активизировалось насаждение террористической и экстремистской идеологии, которые используют данный контент для распространения, призывов, вербовки и финансирования экстремистской деятельности.

Актуальность темы исследования обусловлена неблагоприятной динамикой преступлений экстремистской направленности. По данным статистической отчетности Министерства внутренних дел России (далее - МВД России) в январе - сентябре 2021 г. в России зарегистрировано 854 преступления экстремистской направленности, что составляет прирост данных преступлений на 31,2% за аналогичный период 2020 г. [1].

В 2020 г. в России число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за год выросло на 42,4% и составило 833 преступления. Отдельное внимание было уделено числу зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По ст. 280 Уголовного кодекса (далее - УК) (публичные призывы к экстремистской деятельности) таких было 340 (на 32,3% больше, чем в 2019 г.), 187 из них выявили в Министерстве внутренних дел, 133 - в Федеральной службе безопасности [2]. На современном этапе отмечается тенденция к дальнейшему распространению радикализма среди отдельных групп населения и обострению внешних и внутренних экстремистских угроз.

Внешними экстремистскими угрозами являются поддержка и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, включая инспирирование «цветных революций», на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, в частности распространению экстремистской идеологии и радикализма в обществе.

Внутренними экстремистскими угрозами являются попытки осуществления националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, отдельными лицами экс-

тренистской деятельности для реализации своих целей, распространение идеологии насилия, склонение, вербовка или иное вовлечение российских граждан и находящихся на территории страны иностранных граждан в деятельность экстремистских сообществ и иную противоправную деятельность, а также формирование замкнутых этнических и религиозных анклавов.

К внутренним угрозам также относятся межнациональные (межэтнические) и территориальные противоречия и конфликты в отдельных субъектах Российской Федерации, обусловленные историческими и социально-экономическими особенностями и приводящие к сепаратистским проявлениям, заключающимся в попытках нарушения территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отделения части ее территории) или дезинтеграции государства, а также в организации и подготовке таких действий, пособничестве в их совершении, подстрекательстве к их осуществлению.

Экстремизм распространяется за пределы отдельных государств и представляет глобальную угрозу безопасности всего мирового сообщества. Некоторыми государствами экстремизм используется в качестве средства для достижения таких геополитических целей, как нарушение территориальной целостности государств - геополитических противников или развязывание в них гражданских войн, а также для инспирирования «цветных революций» в этих государствах.

Реальную угрозу представляют участвовавшие в иностранных государствах случаи умышленного искажения истории, возрождения идей нацизма и фашизма.

Значительное негативное влияние на ситуацию в стране оказывает деструктивная деятельность некоторых иностранных организаций и подконтрольных им российских объединений, осуществляемая в том числе под видом гуманитарных, образовательных, культурных, национальных и религиозных проектов, включая инспирирование протестной активности населения с использованием социально-экономического, экологического и других факторов.

Прямые или косвенные последствия экстремизма затрагивают все основные сферы общественной жизни: политическую, экономическую и социальную. Это выдвигает новые требования к организации деятельности по противодействию экстремизму на всех уровнях, а также по минимизации его последствий.

Обсуждение

Экстремизм представляет собой сложное, многоаспектное и негативное явление, угрожающее национальной безопасности во всем мире. Уровень преступлений экстремистской направленности с каждым годом повышается, в связи с этим государство должно выработать определенные меры противодействия данной угрозе, выявить причины и изучить личность преступника, однако сначала надо определить, что понимается под экстремизмом.

Итак, слово «экстремизм» с латинского переводится как «крайний». В различных словарях и справочниках термин используется как приверженность к крайним взглядам, мерам или крайнее проявление действий и взглядов и т. п. [3]. Рассматриваемый термин получил развитие в XVIII-XX вв. и использовался в политической прессе разных стран, где обозначал крайние левые и крайние правые политические силы.

В 1994 г. Организация Объединенных Наций приняла «Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма» [4], где термин «экстремизм» был использован для указания связи между терроризмом и экстремизмом, одна-

ко само определение ООН так и не сформулировала, а в ряде других международных актов термин использовался как синоним иных понятий: «расизм» [5], «ксенофобия» [6], «нацизм» [7] и пр.

В Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года под термином «экстремизм» подразумевается деяние, направленное на захват власти с помощью насилия, в том числе изменение конституционного строя страны, посягательство на общественную безопасность, в том числе организация незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [8].

Данное определение является не совсем удачным, так как не раскрывает социальную сущность экстремизма, поэтому стоит добавить в понятие уголовно-правовую форму.

В предыдущем понятии экстремизма из Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года раскрывается политическая сущность, то есть это «форма политической деятельности, отвергающая принцип парламентской демократии» [9].

Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» не содержит понятия экстремизма, но дает социальную сущность данного явления через понятие проявления экстремизма (экстремистские проявления) и раскрывает их как общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации [10].

Таким образом, в нормативно-правовых актах не совсем четко отражено понятие экстремизма как социального явления, в связи с чем считается необходимым более подробно изучить понятия экстремизма, предлагаемые различными учеными - криминологами, философами, правоведами.

Изучая научную литературу, автор отмечает, что однозначное понятие экстремизма отсутствует, а существуют лишь различные его толкования.

Например, А.С. Ржевский под экстремизмом понимает «насильственные действия, совершаемые общественными или религиозными организациями и объединениями, направленные на достижение своих целей и отрицающие общечеловеческие ценности» [11].

Данное понятие кажется более узким, так как отсутствуют основные признаки экстремизма, приведенное определение можно применить и к терроризму, и другим формам преступного проявления.

Е.И. Григорьева и А.В. Кузьмин рассматривают экстремизм именно как идеологию, распространяющую свои принципы ксенофобии с помощью насилия, а также толкующую религиозные и идеологические учения на своих истинных пониманиях и действующую на сознание людей в процессе пропаганды идеологии экстремизма [12].

Вышеуказанные авторы данного понятия исходят от того, что основным признаком является внедрение идеологических и религиозных воззрений с помощью агрессии и применения насилия.

А.Г. Хлебушкин считает, что «экстремизм - это противоправная деятельность, причиняющая существенный вред основам конституционного строя или межличностных отношений» [13].

В данном случае А.Г. Хлебушкин, рассматривает понятие экстремизма с точки зрения уголовно-правового характера и упускает основной знак - идеологию.

По мнению Л.В. Савинова, экстремизмом является негативное социально-правовое явление, выраженное социально патологическими крайними взглядами, опровергающее различные убеждения, целью которого являются изменения сложившихся и устоявшихся общественных отношений путем противоправных и насильственных мер [14].

Исходя из изложенного, большинство авторов акцентируют внимание на экстремизм как общественно опасное явление, охватывающее все сферы общественной жизни и обладающее специфической целью для подрыва как государственных, так и общественных устоев с помощью насильственных методов, которые навязываются крайними взглядами и идеями.

Также в ходе анализа юридической литературы для автора дискуссионным остается вопрос о соотношении понятий «экстремизм» и «терроризм».

В частности, Ю.И. Авдеев, представляя «экстремизм как социально-политический феномен, объединяющий различные крайние формы политической борьбы, одной из таких форм считает терроризм» [15]. В.В. Устинов конкретизирует данную точку зрения, полагая, что «экстремизм - это стратегия, а терроризм - тактика» [16].

Следует согласиться с мнением С.Н. Фридинского о том, что «экстремизм предполагает наличие какой-либо идеологии, теоретического обоснования применения насилия. Терроризм же в большинстве случаев выступает как система действий, опирающихся, как правило, на экстремистскую идеологию» [17].

В свою очередь С.М. Кочан отмечает «невключение преступлений террористического характера в прямой постановке (согласно примечанию 2 к ст. 282¹ УК РФ) в состав преступлений экстремистской направленности, хотя террористическая деятельность, как и ряд других общественно опасных деяний, рассматривается в качестве интегративного элемента экстремистской деятельности» [18].

Кроме этого, следует различать понятия «преступления экстремистской направленности» и «преступления, связанные с экстремистской деятельностью», однако российское законодательство рассматривает данные термины равнозначно, что является не совсем верным, так как предполагается, что второе понятие шире предыдущего.

По мнению С.Н. Фридинского, «"преступление, связанное с экстремистской деятельностью", - это виновное общественно опасное деяние, которое посягает на объекты, охраняемые законом, совершаемое по идеологическим, политическим, расовым мотивам или религиозной ненависти или вражды. Обязательным его признаком является наличие действий экстремистского характера» [17, с. 46.]. «Преступлениями экстремистской направленности

считаются те, которые перечислены в ст. 148, 149, ч. 1 и 2 ст. 213, 214, 234, 244, 280 и 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации, включающих экстремистские мотивы» [17, с. 46.].

Р.М. Узденов к последнему понятию добавляет «незаконное присвоение, захват или изменения власти, а также воздействия на принятие решений органами власти в интересах экстремистов» [19].

Большинство ученых придерживаются мнения о том, что экстремистский мотив - это единственный критерий, позволяющий отнести то или иное преступление к группе преступлений экстремистской направленности.

Однако, проанализировав законодательное понятие, заметим, что экстремистские преступления могут совершаться по иным мотивам, указанным в ст.ст. 280 («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), 282 («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), 282.1 («Организация экстремистского сообщества»), 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации»), 282.3 («Финансирование экстремистской деятельности»). Исходя из этого, экстремистский мотив не является тем критерием, который характеризует любое деяние, относящееся к уголовно-наказуемой экстремистской деятельности.

Таким образом, в прим. 2 ст. 281.1 УК РФ можно выделить «экстремистские преступления», которые перечислены в главе 29 УК РФ, и «преступления экстремистской направленности», перечисленные в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Отличительной особенностью являются объекты преступного посягательства. Так, для экстремистских преступлений объектом будут являться общественные отношения, направленные на охрану основ конституционного строя и безопасности государства.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, на основе положений, закрепленных в УК РФ, можно сделать вывод о том, что преступлениями экстремистской направленности будут следующие противоправные деяния:

1. Преступные деяния, при совершении которых экстремистские мотивы входят в основной состав преступления.

К данному виду экстремистских преступлений следует отнести: ст. 280 УК РФ; ст. 280.1 УК РФ; ст. 282 УК РФ; ст. 282.1 УК РФ; ст. 282.2 УК РФ; ст. 282.3 УК РФ.

2. Преступные деяния, в которых экстремистские мотивы фигурируют в качестве квалифицирующего признака и содержатся в диспозиции соответствующей статьи. К ним, например, имеют отношение п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство»; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и т.д.

3. Любые другие противоправные уголовно наказуемые деяния, при совершении которых имеет место экстремистский мотив, фигурирующий в качестве отягчающего обстоятельства, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Подобный подход к классификации может позволить произвести отграничение составов экстремистских деяний от иных уголовно наказуемых преступлений и сосредоточить усилия правоохранительных и судебных органов на доказывании соответствующих мотивов.

Соответственно, выделяя преступления экстремистской направленности, мы тем самым подтверждаем: с помощью данных уголовно-правовых явлений

происходит устрашение и угнетение общества, что является неотъемлемой частью отражения сущности экстремизма и должно раскрываться в понятийном аппарате.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что под экстремизмом понимается сложное, многоаспектное и негативное антисоциальное явление, опирающееся на идеологию, направленную на отрицание иных взглядов в попытке утвердить свою систему принципов, идей и навязывание обществу любыми противоправными действиями совершения экстремистами преступных действий, а также на создание в нём обстановки нетерпимости с помощью уголовно-правовых проявлений к представителям определенных социальных групп.

Далее рассматривая социальную сущность экстремизма, кроме выделенных в уголовно-правовом значении экстремистских преступлений в главе 29 УК РФ, проанализируем существующие различные формы проявления экстремизма.

Политический экстремизм как наиболее известный, очевидный для восприятия вид разрушительной деятельности зарождается, пускает свои корни в момент политического кризиса, когда властные институты теряют легитимность, доверие, возрастает уровень коррупции. В такой ситуации обостряется борьба за власть политических лидеров, партий, движений, звучат популистские лозунги, выходят на политическую арену харизматические лидеры, повышается роль грязных политтехнологий.

Политический экстремизм способен проявляться на различных уровнях, охватывая все общество в целом (революция, гражданская война, деятельность партий, движений, отдельные политические акции), то есть носить общегосударственный, региональный (национально-этнические конфликты, столкновения, отражающие противоречия в отдельно взятом городе, области) либо локальный характер (уличные акции, сопровождающиеся, к примеру, поджогом автомобилей, погромами на рынках). Такие проявления экстремизма могут носить стихийный характер, возникать спонтанно в виде отдельных конфликтов, а могут быть и заранее спланированными, продуманными, хорошо организованными.

Важная особенность политического экстремизма - это мотивы, в основе которых лежит идеология исключительности по расовому, национальному или социальному признаку, либо определенные события, значимые для жизни общества или его части, пусть даже малочисленной. В итоге неизменно следуют действия, акции в виде преследования, беспорядков, избиений, погромов или даже убийств. Под политическим экстремизмом следует понимать исключительно действия, направленные на свержение существующего политического и конституционного строя, на запугивание, террор и насилие. Но порой уличный экстремизм, проявленный в нападении на представителей иных рас, национальностей, социальных слоев, политических оппонентов, не менее опасен и преступен.

В экстремизме правомерно обвинять только тех лиц, мотивом поведения которых служит агрессия, незаконность, сопровождаемое насилием, то есть действия с тяжкими последствиями, вредом для морального или физического здоровья людей, и призывы к осуществлению подобных действий, их оправдание.

Пропаганда крайних идеологий, противостоящих толерантности, опасна и деструктивна, так как она может стать всплеском, толчком к экстремистским действиям и потому должна подвергаться осуждению. Беспристрастный, объективный анализ социальных проблем, мониторинг настроений в обществе долж-

ны стать прививкой от распространения опасной болезни экстремистского политического поведения.

Национальный экстремизм тесно связан с политическим. Корни данной формы экстремизма лежат в поиске национальной самоидентификации, национальной идеи - совершенно мирных и необходимых этапов развития любого народа. Национальная идея сочетает в себе набор ценностей, присущих и сформировавшихся в ходе становления народа, его менталитет, культуру - то есть все то, что объединяет общество, отличает его от других, делает его уникальным. Сам по себе поиск национальной идеи не относится к девиантному поведению, он просто дает возможность каждому народу понять свою самозначимость, исключительность, которая понимается только как способ идентификации, «поиска себя» по аналогии с человеческой личностью, но не говорит о подавлении, унижении человеческого достоинства других народов. Но в определенных исторических условиях, особенно в период социальных потрясений, войн, кризисов, сопровождаемых подавлением интересов того или иного этноса, рост национального самосознания приобретает крайние формы, формирует проявления национального экстремизма.

Государственный экстремизм можно отнести к разновидностям политического экстремизма, но стоит выделить его в отдельную категорию, поскольку в нем можно четко выделить субъект действия, в качестве которого выступает государство в лице властных институтов, действующих через органы правопорядка, подконтрольные государству средства массовой информации, и объект - общество, население, социальные группы, люди, действующие через общественные организации, объединения гражданских активистов, равнодушных граждан. Предлоги, под которыми осуществляются такие действия, представляются весьма благовидными - сохранение государственности, порядка, предотвращение конфликтов, стабилизация общественной и политической жизни.

Одной из весьма опасных разновидностей экстремизма, как справедливо отмечается в науке, является религиозный экстремизм, проявляющийся в сфере верований, культов, отношений между сторонниками, представителями разных конфессий [20]. Под религиозным экстремизмом понимается стойкая нетерпимость по религиозному критерию [20]. Религиозный экстремизм отличается тем, что использует религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, мобилизуя их на бескомпромиссную борьбу за торжество, главенство одного из учений вопреки другим.

Одной из главных причин религиозно-экстремистской деятельности служит отсутствие полноценного, качественного познания целостного мира ощущений и действий, места религии, ее сущности, миссии, доктринальной и содержательной направленности. Другая причина - кардинальная, стремительная смена мировоззренческой парадигмы, крах прежней устоявшейся системы ценностей и установок, что вызывает психологический дискомфорт в обществе, связанный с поиском истины, объекта для выражения религиозных чувств. Нередко подобным объектом становятся тоталитарные секты, агрессивно привлекающие в свои сети новых адептов, или другие экстремистские религиозные сообщества.

С.В. Пилявец выражает мнение о том, что религиозный экстремизм неразрывно связан с иными видами экстремизма - с экстремизмом политическим и национальным [21]. Так, национальный экстремизм часто содержит в себе эле-

менты религиозного экстремизма, а политический экстремизм имеет в своей основе либо религиозную идею, либо псевдорелигиозную [21].

В данном случае, под «экстремизмом» следует понимать деятельность по агрессивной борьбе с существующими государственными и общественными устоями, конституционным строем, нацеленную на подрыв существующих государственных, правовых, демократических достижений в своих целях.

Также следует выделить основные особенности экстремизма в молодежной среде: во-первых, экстремизм формируется преимущественно в маргинальной среде. Он постоянно подпитывается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее; во-вторых, экстремизм чаще всего проявляется в системах и ситуациях, характерных отсутствием действующих нормативов, установок, ориентирующих на законопослушность, консенсус с государственными институтами; в-третьих, экстремизм проявляется чаще в тех обществах и группах, где проявляется низкий уровень самоуважения или же условия способствуют игнорированию прав личности; в-четвертых, данный феномен характерен для общностей не столько с так называемым низким уровнем культуры, сколько с культурой разорванной, деформированной, не являющей собой целостности; в-пятых, экстремизм соответствует обществам и группам, принявшим идеологию насилия и проповедующим нравственную неразборчивость, особенно в средствах достижения целей.

Внедрение экстремизма в молодежную среду в настоящее время приобрело очень большие масштабы и имеет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение - это ресурс национальной безопасности, гарант поступательного развития общества и социальных инноваций. Молодежь в силу природных и социальных особенностей своего возраста способна не только адаптироваться, но и активно воздействовать на его позитивное изменение.

Анализ всех форм проявления экстремизма показывает, что это крайне опасное явление в жизни общества создает угрозу общественной безопасности.

Таким образом, рассмотрев сущность и понятие экстремизма, далее необходимо подвергнуть анализу вопрос о профилактике и предупреждении экстремизма.

Исследуя вопрос о предупреждении экстремизма, меры общей профилактики, такие авторы, как Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян, предлагают рассматривать его как: а) устранение криминогенных условий мерами социально-экономического характера; б) формирование и стимулирование патриотизма у граждан; в) ликвидацию лидеров преступных организации [22].

Другой исследователь данной проблематики, С.А. Ещенко, считает, что наиболее действенными мерами предупреждения экстремизма являются меры финансового воздействия. Также автор предлагает создать массовые объединения для молодежи под управлением государства, целью которых подразумевает воспитание общества, использование досуга молодого поколения для занятия более полезной деятельностью [23], так как именно невостребованность и незанятость людей порождает экстремистские деяния в обществе.

Как и многие авторы, А.В. Ростокинский для общей социальной профилактики преступлений экстремистской направленности предлагает реализовать молодежную политику с определенным кругом субъектов, которые будут отвечать за ее

исполнение на различных уровнях. Такая политика должна опираться на отечественный и зарубежный опыт, традиции народов России. Следующая общесоциальная мера, по мнению автора, это взаимное уважение, патриотическое воспитание и толерантность граждан, культурная открытость обучения молодого поколения в школах, колледжах, институтах и других учебных заведениях [24].

Таким образом, большинство авторов склоняются к созданию эффективной молодежной политики и продуманной социальной программы с вовлечением молодежи в процессы воспитания толерантности.

Обще социальные меры характеризуются комплексом различных мероприятий, таких как социально-экономические, правовые, политические, идеологические, создающие благоприятную обстановку для государства и общества, влекущие ограничения в совершении преступления. Данные меры профилактики нейтрализуют общие причины и условия преступности, а также укрепляют общие позитивные начала развития для всего общества. Из этого следует, что основными мероприятиями являются прогрессивное состояние экономики, стабилизация общественно-политической ситуации в стране, увеличение материального уровня жизни граждан, повышение культуры и сознательности общества [25].

Для предупреждения экстремизма в стране необходимо бороться с экономическими проблемами, правовым нигилизмом, слабой обеспеченностью семей и другими социальными проблемами. Данные действия могут устранить правовые и экономические причины совершения преступлений экстремистской направленности.

Важной мерой для предупреждения экстремизма является общегосударственная идеология, которая способна сплотить общество и государство в нетерпимости к преступлениям, в том числе к экстремизму.

В связи с этим государство возрождает общегосударственную идеологию через призму реализуемых политико-социальных проектов. И для этого было создано общественное движение «Общероссийский народный фронт» [26]. Предполагается, что данное движение в дальнейшем еще больше укрепит позиции созданной организации, будет являться эффективным инструментом решения общегосударственных задач, позитивно влиять на рост доверия между обществом и государством.

Также, государству и обществу необходима сплоченность нации, укрепление патриотизма, продуктивного диалога с существующей властью при условии осознания совместной востребованности. И для выполнения перечисленных задач Правительство РФ утвердило Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014-2020 годы [27]. Основными целями и задачами данной программы являются: укрепление единства многонационального народа Российской Федерации; содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России.

В вышеназванной программе определены ожидаемые результаты. В частности, доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, составит 65%, а также будет достигнуто повышение уровня толерантности до 85% [27].

Культура также может противостоять идеологии экстремизма, так как духовные начала, заложенные в культуре, способны вести общество к гражданскому согласию и разрешению любых противоречий ненасильственным путем к толерантному человечеству. Например, проведение фестивалей культур, создание детских культурно-оздоровительных лагерей с детьми разных национальностей и религий, обмен студентами, организация телерадиопрограмм, пропагандирующих единство и дружбу народов, а также воспитание патриотизма.

Известные деятели культуры, ученые, идеологи должны активно включиться в такую работу; надо привлекать к ней людей, которые имеют высокую идейную мотивацию. Чем выше будет уровень культуры наших граждан, тем ярче будут проявляться ее духовно-нравственные ценности.

Стабильность и жизнеспособность любого государства определяется, прежде всего, нравственным и духовным уровнем его населения. Это предполагает формирование у граждан, особенно у подрастающего поколения, высоких духовно-нравственных и социально значимых ценностей.

Так как происходящие в современной России процессы породили разрушение единого культурного и информационного пространства страны, агрессивное распространение западных морально-нравственных и культурных ценностей становится реальной угрозой. В настоящее время определенная часть информационного пространства, формирующего систему нравственных ориентиров, способствует размыванию и подмене нравственных идеалов, ускоряя запущенный однажды процесс падения нравов, осквернения многих общечеловеческих, гуманистических идеалов и ценностей, тиражируя унижение человеческого достоинства, насилие над личностью, стремление манипулировать ею, нивелируя ее ценность [28].

Поэтому предлагается повысить уровень культуры и духовно-нравственного развития личности. Основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации являются базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях. Признаком высокого уровня воспитанности является наличие высокой и положительной самостоятельности в деятельности и поведении наряду с проявлением активной общественной позиции.

Ориентируясь на военно-патриотическое воспитание граждан и использование образовательного ресурса в решении проблем экстремистских преступлений, Правительство РФ приняло постановление от 24 июля 2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях», одна из задач которых заключается в противодействии проявлениям политического и религиозного экстремизма в молодежной среде.

Также в связи с развитием национального, религиозного и политического экстремизма следует отметить то, что для России характерен недостаточный уровень общего состояния всей системы культуры межнационального общения. Данная ситуация является благодатной почвой для культивирования ксенофобии, роста различного рода предрассудков, предубеждений, в результате которых возникает причина конфликтов в сфере отношений между народами.

В целях противодействия вышеназванным формам проявления экстремизма, для налаживания дружеских отношений между различными этническими и национальными группами и чтобы уберечь отдельные личности от попадания в ситуацию конфликта, следует: относиться с уважением к чужой культуре; не судить о ценностях, убеждениях и традициях других культур; никогда не исходить из превосходства своей религии над чужой и демонстративно не проявлять ее [29].

Залогом успешного общесоциального предупреждения экстремизма является семья. Воспитание детей и формирование у них ценностей толерантного взаимодействия, уважения других и общественно-полезных ориентиров прежде всего осуществляются родителями, родственниками. Семейное неблагополучие, асоциальное поведение родителей и отсутствие контроля за поведением детей приводят к их ранней криминализации [30]. Поэтому необходима активизация превентивной деятельности с педагогически несостоятельными семьями, с лицами, имеющими искажение нравственно-правового сознания, с иными субъектами, которым присуще преступное поведение в связи с криминогенным типом личности и ее микросреды; предоставление бесплатной психологической помощи жертвам насилия в семье.

Так как экстремистская деятельность больше подвержена влиянию в молодежной среде, то значительную роль для профилактики экстремизма играют образовательные учреждения: школы, колледжи, высшие учебные заведения. Ведь именно в период школьного обучения происходит сознание и развитие личности, тем самым имеется возможность положительным образом повлиять на формирование личности индивида.

Важным средством в процессе воспитания толерантности и культуры межнационального общения должны выступать досуговые организации, клубы по интересам и прежде всего спортивные секции [30].

Кроме того, существует необходимость института психологической помощи при школе, где психологи должны объективно изучить среду, в которой они работают, консультировать не только детей, но и координировать действия преподавательского состава в вопросах преодоления барьеров в общении с детьми.

Думается, надо включать в содержание учебных планов, учебников, учебных материалов и занятий темы и вопросы, которые будут направлены на воспитание толерантности у граждан, открытости восприятия других культур, которые способны уважать человеческое достоинство и индивидуальность, предупреждать конфликты или разрешать их ненасильственными средствами.

Также стоит развивать волонтерские движения с привлечением представителей гражданского общества и молодежи. Следует проводить совместную пропагандистско-разъяснительную работу правоохранительных органов и общественных институтов в высших и общеобразовательных организациях о недопустимости совершения противоправных деяний, предусмотренных нормами уголовного и административного законодательства.

Считаем, что для предупреждения преступления необходимо повышать уровень педагогической подготовки, разработать и внедрить новые образовательные технологии, которые будут направлены на противодействие экстремистской деятельности в мировом сообществе.

Немаловажным субъектом профилактики экстремизма являются средства массовой информации (далее - СМИ) для достижения политических, национальных, экономических целей.

Поэтому основными направлениями профилактики и предупреждения экстремизма через СМИ следует считать: активную пропаганду в СМИ ценностей гражданского общества, идеалов гуманизма, добра и справедливости; активную информационную деятельность по разрушению негативных стереотипов о той или иной национальности; противодействие распространению экстремистских печатных изданий, листовок, блокирование сайтов, пропагандирующих национальную, расовую, религиозную или социальную вражду.

Особое внимание необходимо уделять надзору в сети Интернет, поскольку благодаря информационно-коммуникационным технологиям экстремисты получили возможность вести пропаганду, вербовать новых сторонников. Именно Интернет - идеальное поле деятельности для экстремистских организаций, что обусловлено свободным доступом, ослаблением государственного контроля, большой аудиторией и международным уровнем, анонимностью, а также удаленным доступом к огромной аудитории пользователей.

В связи с этим следует противодействовать свободному доступу несовершеннолетних к информационным материалам экстремистского характера [31].

Также представляется целесообразным шире использовать активность гражданского общества на данном направлении путем создания «горячей линии» для сообщений о фактах и адресах размещения информации экстремистского характера [32], так как ограничение доступа к конкретным сайтам не гарантирует того, что эти экстремистские материалы не появятся на других ресурсах с частично измененным названием [33]. Все вышеизложенное предполагает принятие специального законодательства, регламентирующего ответственность за размещение экстремистских материалов в сети Интернет.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, автор резюмирует, что теоретическая значимость исследования заключается в комплексной научной разработке социальных и криминологических аспектов преступности, связанной с экстремистской деятельностью. Выводы, сформулированные в научной статье, могут способствовать дальнейшему исследованию указанного вида преступности.

Практическая значимость исследования состоит в раскрытии общественной опасности экстремизма как антисоциального явления, во внесении конкретных предложений, направленных на предупреждение экстремизма.

Итак, автор делает вывод о понятии экстремизма как антисоциального явления в обществе и предлагает выработать комплексный подход, который позволит повысить эффективность противодействия распространению экстремизма.

Под экстремизмом автор понимает сложное, многоаспектное и негативное антисоциальное явление, опирающееся на идеологию, направленную на отрицание любых иных взглядов в попытке утвердить свою систему принципов, идей и навязывание обществу любыми противоправными действиями совершения экстремистами преступных действий, а также на создание в нём обстановки нетерпимости с помощью уголовно-правовых проявлений к представителям определенных социальных групп.

Рассмотрев общесоциальные меры предупреждения преступлений экстремистской направленности, можно сделать вывод, что данные меры являются более эффективными в противодействии преступлениям, в том числе и экстремизму. Исходя из этого, своевременное предупреждение и пресечение противоправных экстремистских действий в значительной степени зависит от качественной работы, прежде всего специализированных субъектов предупредительной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. МВД опубликовало данные о преступлениях экстремистского и террористического характера в 2021 году // URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/10/d45136/> (дата обращения: 22.10.2021).
2. Данные МВД и ВС: в 2020 году число зарегистрированных «экстремистских» преступлений выросло, число приговоров сократилось // URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/02/d43634/> (дата обращения: 22.10.2021).
3. Петров А.В. Экстремизм: понятие и виды в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 4. - С. 162-168.
4. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: принята Резолюцией 49/60 на 84-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. // Действующее международное во. - М. - 1997. - Т. 3.
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2000 г. № 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 22.10.2021).
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. № 55/59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 22.10.2021).
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1967 г. № 2331 // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 22.10.2021).
8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / СЗ РФ. - 2003. - № 41. - Ст. 3947.
9. Рекомендация ПАСЕ от 4 октября 2005 г. № 10705 «European Muslim communities confronted with extremism» // Council of Europe Parliamentary Assembly. Официальный интернет-портал ПАСЕ. URL: <http://assembly.coe.int/> (дата обращения: 22.10.2021).
10. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения: 22.10.2021).
11. Ржевский А.С. Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук:

- 12.00.08. - Ростов н/Д, 2004. - 213 с.
12. Григорьева Е.И., Кузьмин А.В. Историко-культурный генезис профилактики экстремистского поведения // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. - 2012. - Вып. 11 (115). - С. 177-123.
 13. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Саратов, 2007. - С. 18-19.
 14. Исследование и экспертиза экстремистских материалов / под ред. Л.В. Савинова. - 2-е изд., доп. и перераб. - Новосибирск: Изд-во СиБАГС, 2011. - 198 с.
 15. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. - М., 2000. - 203 с.
 16. Устинов В.В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. - 2002. - № 5. - С. 34-41.
 17. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Ростов н/Д, 2003. - 27 с.
 18. Кочан С.М. Терроризм и экстремизм. Уголовно-правовая характеристика / Кочан С.М. - М.: ТК Велби; Проспект, 2005. - С. 41-42.
 19. Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - 28 с.
 20. Жусупова Г.Б. Актуальные проблемы религиозного экстремизма // Проблемы права. - 2013. - № 1. - С. 69.
 21. Пилявец С.В., Старостина С.А. Актуальные проблемы противодействия религиозному экстремизму в России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2014. - №1 (35). - С. 106-107.
 22. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. - М., 2005. - 246 с.
 23. Ещенко С.А. Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // Общество и право. - 2009. - № 2. - С. 12-18.
 24. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Московский государственный лингвистический университет. - М., 2008. - С. 16-21.
 25. Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних, экстремистской направленности: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Н. Новгород, 2008. - 298 с.
 26. Официальный сайт «Общероссийского народного фронта» // URL: <http://narodfront.ru/docs/about/goals.html> (дата обращения: 20.10.2021).
 27. Официальный сайт Российского правительства // URL: <http://government.ru/docs/4022> (дата обращения: 20.10.2021).
 28. Дульнева Т.М. Аспекты духовно-нравственного развития личности гражданина России // Национальные приоритеты России. - 2018. - № 1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-lichnosti-grazhdanina-rossii> (дата обращения: 20.10.2021).

29. Кубякин Е.О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. - 2011. - № 1. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 20.10.2021).
30. Сухаренко А. Безопасность в приоритете // ЭЖ-Юрист. - 2013. - № 49. - С. 14-25.
31. Кесарева Т.П. Экстремизм в сети Интернет и проблемы противодействия ему // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. - М., 2010. - С. 263-268.
32. Авдеев Д.Е. Практика прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму в сети Интернет // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. - М., 2010. - С. 277-312.

REFERENCES

1. The interior Ministry has published data on crimes of extremist and terrorist nature in 2021 // URL : <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/10/d45136/> (date of access: 22.10.2021).
2. The data of the interior Ministry and the armed forces: in 2020, the number was "extremist" crimes has risen, the number of convictions fell // URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/02/d43634/> (date of access: 22.10.2021).
3. Petrov A.V. Extremism: the concept and types in modern Russia // Humanities, socio-economic and social sciences. -2015. - No. 4. - Pp. 162-168.
4. The Declaration on measures to eliminate international terrorism adopted by Resolution 49/60 at the 84th plenary session of the UN General Assembly on 9 December 1994 // Existing international law. M., 1997. T. 3.
5. Resolution of the UN General Assembly on 8 September 2000, No. 55/2 "the Millennium Declaration of the United Nations" / the Official website of the United Nations. URL: <http://www.un.org> (accessed: 22.10.2021).
6. UN General Assembly Resolution No. 55/59 of December 4, 2000 "Vienna Declaration on Crime and Justice: Meeting the Challenges of the XXI Century" // Official website of the United Nations. URL: <http://www.un.org> (accessed: 10/22/2021).
7. UN General Assembly Resolution No. 2331 of December 18, 1967 // Official website of the United Nations. URL: <http://www.un.org> (date of application: 22.10.2021).
8. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism / NW of the Russian Federation. - 2003. - No. 41. - St. 3947.
9. PACE Recommendation No. 10705 of October 4, 2005 "European Muslim communities confronted with extremism" // Council of Europe Parliamentary Assembly. The official PACE Internet portal. URL: <http://assembly.coe.int> / (date of appeal: 22.10.2021).
10. Decree of the President of the Russian Federation No. 344 dated May 29, 2020 "On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (accessed: 22.10.2021).

11. Rzhevsky A.S. Extremism and its manifestation in the Criminal Code of Russia (criminal law characteristics). Dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Rostov N./D., 2004. - 213 p.
12. Grigorieva E. I., Kuzmin A.V. Historical and cultural genesis of prevention of extremist behavior // Bulletin of the Tambov University. Humanities series. - 2012. - Issue 11 (115). - Pp. 177-123.
13. Khlebushkin A.G. Criminal extremism: the concept, types, problems of criminalization and penalization. Dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Saratov., 2007. - pp. 18-19.
14. Research and examination of extremist materials / edited by L.V. Savinov. 2nd ed., supplement and revision. Novosibirsk: SiBAGS Publishing House, 2011. - 198 p.
15. Avdeev Yu.I. Terrorism as a socio-political phenomenon // Modern terrorism: state and prospects / Edited by E.I. Stepanov. M., 2000. - 203 p.
16. Ustinov V.V. Extremism and terrorism: Problems of differentiation and classification // Russian justice. - 2002. - No. 5. - pp. 34-41.
17. Fridinsky S.N. The fight against extremism (criminal law and criminological aspects). Autoref. dis. ... doct. jurid. sciences'. Rostov n/A, 2003. 27 p.
18. Kochan S.M. Terrorism and extremism. Criminal-legal characteristics / Kochoi S.M. M., TK Velbi, Prospect Publishing House, 2005. pp. 41-42.
19. Uzdеноv R.M. Extremism: criminological and criminal-legal problems of counteraction. Autoref. dis. ... cand. jurid. M., 2008. 28 p.
20. Zhupupova G.B. Actual problems of religious extremism // Problems of law. 2013. No. 1. p. 69.
21. Pilyavets S.V., Starostina S.A. Actual problems of countering religious extremism in Russia // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. №1 (35). Pp. 106-107.
22. Aminov D.I., Ohanyan R.E. Youth extremism. M., 2005. 246 p.
23. Eshchenko S.A. Measures to counter the manifestation of extremism in Russia: statement of the problem // Society and Law. 2009. No. 2. pp. 12-18.
24. Rostokinsky A.V. Extremist crimes as manifestations of subcultural conflicts of youth associations: criminal law and criminological problems. Abstract of dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Moscow State Linguistic University. M., 2008. pp. 16-21.
25. Markova Yu.V. Prevention of crimes committed by groups of minors of extremist orientation. Dis. ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. N. Novgorod, 2008. 298 p.
26. Official website of the All-Russian Popular Front // URL: <http://narodfront.ru/docs/about/goals.html> (accessed: 10/20/2021).
27. Official website of the Russian government // URL: <http://government.ru/docs/4022> (date of address: 10/20/2021).
28. Dulneva T.M. Aspects of the spiritual and moral development of the personality of a citizen of Russia // National priorities of Russia. 2018. No. 1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-lichnosti-grazhdanina-rossii> (accessed: 20.10.2021).
29. Kubyakin E.O. Features of prevention of youth extremism in modern Russia // Society: politics, economics, law. 2011. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru>

(date of appeal: 10/20/2021).

30. Sukhareno A. Security in priority // EZH-Yurist. 2013. No. 49. pp. 14-25.
31. Cesareva T.P. Extremism on the Internet and the problems of countering it // Extremism: social, legal and criminological problems / edited by A.I. Dolgova. M., 2010. pp. 263-268.
32. Avdeev D.E. The practice of prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremism on the Internet // Extremism: social, legal and criminological problems / edited by A.I. Dolgova. - M., 2010. - pp. 277-312.

Информация об авторе: Штефан Алёна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия
Al.schtefan2011@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Stefan Alyona Vladimirovna, PhD in law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
Al.schtefan2011@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 01.10.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 25.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests.

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-107-116

УДК 378

**Выразительные средства рисунка и скульптуры
в экспериментальной модели интегрированного обучения**

Иван Александрович Башкатов

Липецкий государственный технический университет

г. Липецк, Россия

bashkatov_ivan@mail.ru

Светлана Олеговна Алексеева

МОУ СОШ № 4 им. Л.А. Смык г. Липецка

г. Липецк, Россия

svetalekska@mail.ru

Виктор Дмитриевич Мещеряков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

г. Липецк, Россия

Dobrynia48@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье описан один из многочисленных аспектов экспериментальной модели интегрированного обучения в подготовке учителя изобразительного искусства, дизайнеров и специалистов по художественной обработке материалов, заключающийся в изучении выразительных средств рисунка и скульптуры.

Материалы и методы. Данное исследование проходило на основе проведенной работы в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» на кафедре дизайна и художественной обработки материалов, в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, в МБОУ СОШ № 4 им. Л.А. Смык г. Липецка. Интегрируя пластические дисциплины, основываясь на точках их соприкосновения, особое внимание уделяется сохранению их специфических особенностей, связанных с практикой соответствующих видов изобразительного искусства, у каждого из которых свой набор выразительных средств, наиболее ярко характеризующий его.

Результаты исследования. Эксперимент выявил, что понимание и оперирование всем арсеналом выразительных средств положительно влияет на качество подготовки специалистов в сфере дизайна, художественной обработки материалов и учителей изобразительного искусства, в разных аспектах их деятельности.

Обсуждение и заключения. В результате проведенного эксперимента было выявлено, что студенты на основе интегративного подхода к изучению рисунка и скульптуры научились экстраполировать полученные знания, умения и навыки на свой учебно-творческий процесс художественной и проектной деятельности. Это позволило более широко и многогранно подходить к выполнению творческих задач проектирования, макетирования, обработки художественных материалов, гротескного выявления художественного образа, к более содержательному анализу произведений изобразительного искусства, их образному осмыслению. На практике интеграционный подход способствует более разностороннему проникновению в стилистическое и образное воплощение художественного образа. Данное исследование не исчерпывает темы интегративного подхода к процессу обучения художественным дисциплинам. Оно показало эффективность и целесообразность ведения дальнейших разработок в данном направлении.

Ключевые слова: рисунок, скульптура, интеграция, выразительные средства, экспериментальная модель

Для цитирования: Башкатов И.А., Алексеева С.О., Мещеряков В. Д. Выразительные средства рисунка и скульптуры в экспериментальной модели интегрированного обучения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 5. С. 107-116.
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-107-116

Original article

Expressive means of drawing and sculpture in the experimental model of integrated learning

Ivan A. Bashkatov

Lipetsk State Technical University
Lipetsk, Russia
bashkatov_ivan@mail.ru

Svetlana O. Alekseeva

Secondary School No. 4 named after L.A. Smyk,
Lipetsk, Russia
svetalekska@mail.ru

Viktor D. Meshcheryakov

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation
Lipetsk, Russia
Dobrynia48@mail.ru

Abstract: Introduction. The article describes one of the many aspects of the experimental model of integrated learning in the training of teachers of fine arts, designers and specialists in the artistic processing of materials. this aspect consists in the study of the expressive means of drawing and sculpture.

Materials and methods. This study was based on the work carried out at the Lipetsk State Technical University at the Department of Design and Artistic Processing of Materials, at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, at the L.A. Smyk Secondary School No. 4 in Lipetsk. Integrating plastic disciplines based on their points of contact, special attention is paid to the preservation of their specific features associated with the practice of the corresponding types of fine art. Each of the types of fine art has its own set of characteristic expressive means.

Results. The experiment revealed that understanding and operating the entire arsenal of expressive means positively affects the quality of training of specialists in the field of design, artistic processing of material and teachers of fine arts, in various aspects of their activities.

Discussion and Conclusions. As a result of the experiment, it was revealed that students on the basis of an integrative approach to the study of drawing and sculpture have learned to extrapolate the acquired knowledge, skills and abilities to their educational and creative process of artistic and project activities. This allowed a broader and multifaceted approach to the implementation of creative tasks of design, layout, processing of artistic materials, grotesque identification of an artistic image, to a more meaningful analysis of works of fine art, their imaginative understanding. In practice, the integration approach contributes to a more versatile penetration into the stylistic and figurative embodiment of the artistic image. This study does not exhaust the topics of an integrative approach to the process of teaching artistic disciplines. It showed the effectiveness and expediency of conducting further developments in this direction.

Keywords: drawing, sculpture, integration, expressive means, experimental model

For citation: Bashkatov I.A., Alekseeva S.O., Meshcheryakov V.D. Expressive means of drawing and sculpture in the experimental model of integrated learning // *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.5. PP. 107-116. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-107-116

Введение

Подготовка кадров в сфере художественного и художественно-педагогического образования на современном этапе складывается из многих аспектов изучения возможностей и особенностей изобразительного искусства.

Обращение к интеграции способствует изучению этого многообразия в синергетическом единстве, усиливающем межпредметные связи, учитывая особенности выразительных средств каждого из видов изобразительного искусства.

На современном этапе интеграцию следует рассматривать в качестве приоритетного перспективного подхода в обучении, что не в достаточной мере внедрено в систему подготовки дизайнеров, специалистов по художественной обработке материалов и учителей изобразительного искусства.

В данной статье представлен один из многочисленных аспектов экспериментальной модели интегрированного обучения в подготовке дизайнеров по направлению эргономика, специалистов в сфере художественной обработки ма-

териалов, учителей изобразительного искусства, заключающийся в изучении выразительных средств рисунка и скульптуры.

Обзор литературы

В современных отечественных исследованиях разных аспектов художественно-педагогического и дизайн-образования довольно широко рассматривается роль предметов изобразительного цикла. С.П. Ломов (г. Москва) раскрывает коммуникативный и социальный характер художественной деятельности, внедряя современные цифровые технологии в процесс обучения. По его мнению, «художественное образование способствует духовному и профессиональному развитию человека» [1, с. 152]. Л.Г. Медведев (г. Омск) особое внимание уделяет исторически сложившемуся и оправдавшему себя многолетним опытом традиционному художественно-педагогическому образованию. Огромный опыт в исследованиях детского художественного творчества и подготовке специалистов художественно-педагогического образования принадлежит С.Е. Игнатьеву (г. Москва). Его научные труды являются органичным продолжением исследовательской деятельности психолога Е.И. Игнатьева. Вопросам методики преподавания изобразительного искусства в школе и подготовки учителей изобразительного искусства посвящены исследования В.И. Козлова (г. Москва).

Р.Ч. Барциц посвятил свои труды выразительным средствам графики, подчеркивая многогранность и уникальность данного вида изобразительного творчества.

Отдельным аспектам преподавания рисунка и пленэрной живописи посвящены труды А.Г. Парамонова (г. Липецк). И.И. Орлов (г. Липецк) освещает вопросы технологии художественной обработки материалов в контексте исторического развития.

О.В. Шаляпину (г. Новосибирск) принадлежит современный исследовательский вклад в проблему формирования целостного восприятия и трактовку художественного образа.

А.М. Савинов (г. Киров) внес большой вклад в современное обучение рисунку в дизайн-образовании. По его мнению, «проблема эстетической подготовки ... может быть решена средствами художественно-графических дисциплин» [2, с. 148]. Белорусский опыт современного художественно-педагогического и дизайн-образования представлен в трудах А.А. Ковалева (г. Минск) и Е.О. Соколовой (г. Витебск), основывающимся на традиционном академическом подходе к преподаванию рисунка и декоративно-прикладного искусства.

Интересен вклад в теорию преподавания художественных дисциплин профессора Института изящных искусств университета Циндао (КНР) Доу Фэнчжи, привнесшего традиции классической русской школы изобразительного искусства в национальное китайское искусство.

Опираясь на исследования современных ученых, художников, педагогов, была разработана экспериментальная модель интегрированного обучения специальным художественным дисциплинам, способствующая универсализации процесса обучения.

Материалы и методы

Экспериментальная модель интегрированного обучения построена на неразрывном единстве теории и практики. Интегрируя пластические дисциплины, основываясь на точках их соприкосновения, особое внимание уделяют сохране-

нию их специфических особенностей, связанных с практикой соответствующих видов изобразительного искусства, у каждого из которых свой набор выразительных средств, наиболее ярко характеризующий его. Историческое возникновение и становление видов шло по пути оттачивания средств выражения, заключающееся в поиске усиления образа и очерчивания границ их применения.

Интеграционное обучение подразумевает изучение того, как то или иное выразительное средство проявляет себя в рисунке и скульптуре. Сравнение является наиболее информационным элементом системы. В сравнении необходимо определить как общее в выразительных средствах, так и специфическое, присущее только данному виду изобразительного искусства. Это поможет определить как основание для интеграции, так и очертить ее границы, выход за которые непременно приведет к потере индивидуальности видов изобразительного искусства.

При выполнении заданий реалистическое восприятие изображаемого непременно должно трансформироваться на основе обобщения и усиления соответствующими средствами выражения. Изобразительно-выразительные средства пластических дисциплин, соответствующих видам изобразительного искусства можно рассматривать в системе взаимодействия их отдельных элементов. Задача интегрированного обучения заключается в формировании у студентов понимания механизма проявления связей этой системы. Развитие образного мышления неотделимо от практики его воплощения. «Целостность и образность замысла является синтезирующим принципом, обеспечивающим гармоничную слаженность композиции, всех изобразительных и выразительных средств» [3, с. 128].

При подготовке учителей изобразительного искусства надо учитывать компетенции, которыми ему необходимо овладеть, заключающимися как в приобретении теоретических знаний и практических навыков, так в формировании умения грамотного анализа произведений каждого из видов изобразительного искусства на основе их специфики. Знание учителем специфических тонкостей, свойственных скульптуре или рисунку, наполняет проходящий раз в неделю урок изобразительного искусства более содержательным смыслом, ученик получает тот необходимый набор знаний о скульптуре и графике, которым должен обладать каждый образованный человек.

В компетенции дизайнера входит способность владеть рисунком и скульптурой в практике составления композиций, а также специфике переработки их в направлении проектируемых объектов и технике выполнения конкретных художественных задач проектирования.

Знание специфических особенностей рисунка и скульптуры у специалистов по художественной обработке материалов развивает и формирует способности учитывать соотношение художественного замысла как творческой составляющей в воплощении художественного образа в различных материалах. Это позволяет воплощать художественный образ, органично вписывая его в тот или иной материал. При этом свойства обрабатываемого материала соподчиняются художественному замыслу. В пособии И.И. Орлова «Художественная обработка материалов мозаика и резьба по дереву» подробно описываются технические особенности выполнения разных видов резьбы по дереву. «Рельефная ба - достаточно трудоемкий процесс и требует от резчика определенных навыков и опыта...» [4, с. 104]. Этот опыт художественного восприятия формируется при непосредственной работе с материалом в совокупности со знаниями, умениями и навыками, приобретаемыми на рисунке и в скульптуре.

На этапе констатирующего эксперимента проводилась диагностика действительного состояния специальной подготовки по рисунку и скульптуре будущих учителей изобразительного искусства, дизайнеров и специалистов по художественной обработке материалов.

Для определения того, насколько студенты успешно осваивают материал по пластическим дисциплинам, были разработаны критерии, выявляющие уровень подготовки по рисунку и скульптуре на основе интеграционных связей. В качестве критериев, позволяющих определить, насколько студенты в своих практических работах используют выразительные средства рисунка и скульптуры, были выделены основные из них. В рисунке это материальность, тон, абрис, лаконичность. В круглой скульптуре - архитектоника, тяжесть, силуэт, лаконичность, монументальность, материальность. В рельефе - архитектоника, тяжесть, силуэт, лаконичность, монументальность, материальность. В работах оценивалось, насколько студенты могут грамотно, на основе собственного понимания прекрасного и чувства меры применить их в учебных и творческих работах.

В процессе комплексного исследования определялся уровень теоретических знаний студентов по этим дисциплинам, а также умение применить свои знания на практике. Для этого уровень владения теоретическими знаниями сопоставлялся с учебными, творческими, контрольными и дипломными практическими работами по рисунку и скульптуре.

Критерии, определяющие уровень сформированности теоретических знаний реалистического изображения, выявили, насколько студенты могут грамотно дать определения понятий, характеризующих объекты изображения, раскрывают особенности их передачи в рисунке и в скульптуре, насколько теоретически ориентируются в способах передачи объема и пространства в своих работах. Особое значение при исследовании действительного состояния интеграции рисунка и скульптуры придавалось изучению того, как студенты теоретически ориентируются в специфике рисунка и скульптуры как видах изобразительного искусства. Студенты отвечали на вопросы анкеты: влияние пластической анатомии на выразительность рисунка и скульптуры; выразительность скульптуры; выразительность рисунка. Кроме того, испытуемым предлагалось назвать выразительные средства, наиболее ярко характеризующие рисунок и скульптуру как виды изобразительного искусства.

Результат анкеты показал, что студенты смогли перечислить совсем небольшое количество выразительных средств. Для рисунка были обозначены: линия (45%), штрих (39%), контраст (17%), тон (15%), светотень (12%), объем (9%), композиция (6%). Для скульптуры: форма (42%), объем (36%), движение (6%), контраст (6%), силуэт (3%), линия (3%). Для рельефа: объем (14%), контраст (12%), композиция (9%), форма (9%), силуэт (9%), линия (3%).

Результаты констатирующего эксперимента выявили, что большинство студентов не ориентируются в специфике рисунка и скульптуры как видах изобразительного искусства; создание художественного образа у них основывается не столько на использовании выразительных средств, сколько на случайном копировании; в работах присутствует большое количество случайных деталей и светотеневых эффектов, дробящих основную форму. Также комплексный анализ действующих программ выявил дробность и разрозненность знаний, которые при интеграционном подходе необходимо привести в систему.

В экспериментальной модели интегрированного обучения были определены дидактические и педагогические условия интеграции рисунка и скульптуры,

общие цели и задачи обучения, вытекающие из генетической общности учебных дисциплин, найден системообразующий фактор, объединяющий в целое компоненты системы образования, заключающийся в формировании объемно-пространственного мышления, изучении формы объектов изображения, а также образного выражения специфики рисунка и скульптуры.

В ходе эксперимента теоретическая работа шла по формированию представления о процессе создания художественного образа как специфической формы отражения действительности в изобразительном искусстве; формированию представления о роли художественной изобразительной деятельности в развитии эстетического восприятия и творческой самореализации; формированию представления о процессе создания художественного образа на основе выбора темы, сюжета, замысла с выявлением характерных особенностей анатомического строения.

В практическом плане велась работа по развитию навыков связывать пластический характер форм с выразительностью образа в различных материалах воплощения, умения создавать художественный образ средствами, присущими рисунку и скульптуре как особым явлениям искусства, со своей спецификой и отличиями.

В ходе экспериментального исследования испытуемые на занятиях по скульптуре изучали и учились применять на практике законы архитектоники в историческом контексте, сопоставляя их с современными тенденциями, возникшими с изменением парадигм, при этом форма выстраивалась на основе выявления сути конструкции. Пластический язык выстраивался на передаче объемно-пространственной характеристики объекта изображения, базировался на изучении строения предмета, умении определять его главные составные части, их взаимосвязи и взаимозависимости, уяснении основных форм этих частей и их влияния на форму предмета в целом. Также эксперимент придерживался принципа, сформулированного А.Г. Парамоновым: «Каждая учебная постановка должна быть завершенной и сгармонизированной во всех отношениях» [5, с. 6319].

Результаты исследования

По итогам экспериментального исследования проводился комплексный анализ результатов. На основе просмотров был выявлен уровень сформированности умения студентов контрольных и экспериментальных групп использовать выразительные средства скульптуры и рисунка. По скульптуре и рисунку высокий уровень этого показателя в экспериментальной группе составил 17% и 30% в то время, как в контрольной группе - 5% и 16%, средний в экспериментальной группе - 53% и 46%, в контрольной - 22% и 30%, низкий уровень в экспериментальной группе составил - 30% и 24%, в контрольной 73% и 54%.

Перечисляя выразительные средства, наиболее ярко характеризующие скульптуру как вид изобразительного искусства, испытуемые назвали объем (92%), форму (89%), силуэт (85%), монументальность (81%), лаконичность (80%), пластику (76%), материал (75%), тяжесть (74%), глубину (71%), гармонию (71%), архитектонику (70%), движение (67%), ритм (62%), динамику (62%), анатомию (59%), цвет (52%), конструкцию (41%), экспрессивность (34%).

В рисунке были названы форма (94%), линия (92%), объем (90%), штрих (88%), силуэт (86%), воздушная перспектива (79%), линейная перспектива (75%), точка (73%), тон (73%), пятно (72%), лаконичность (72%), контраст

(68%), светотень (62%), конструкция (60%), анатомия (58%), свет (52%), тень (52%), движение (52%), ритм (42%), блик (40%), цвет (15%), построение (8%).

Сопоставление результатов теоретической подготовки студентов с их практическими работами, а также анализом деятельности студентов на педагогической и производственной практиках выявили, что понимание и оперирование всем арсеналом выразительных средств рисунка и скульптуры положительно влияет и на качество выполнения практических заданий, и на качество анализа произведений.

Обсуждение и заключения

В результате проведенного эксперимента было выявлено, что студенты на основе интегративного подхода к изучению рисунка и скульптуры научились экстраполировать полученные знания, умения и навыки на свой учебно-творческий процесс художественной и проектной деятельности. Это позволяет более широко и многогранно подходить к выполнению творческих задач проектирования, макетирования, обработки художественных материалов, гротескного выявления художественного образа, к более содержательному анализу произведений изобразительного искусства, их образному осмыслению, что на практике способствует более основательному проникновению в стилистическое и образное воплощение художественного образа.

Данное исследование не исчерпывает темы интегративного подхода к процессу обучения художественным дисциплинам. Оно показывает эффективность и целесообразность ведения дальнейших разработок в данном направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ломов С.П. Профессиональный рост учителя изобразительного искусства в системе мастер-классов // В сб.: Современное художественное образование: путь к успеху: Сб. мат-лов междунауч.-практ. конф. Сост. Н.В. Курбатова, Г.В. Черемных. - 2020. - С. 150-153. eLIBRARY ID: 44792240
2. Егорова С.И., Савинов А.М. Разработка и апробация модели художественно-графической подготовки конструкторов изделий легкой промышленности // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика, С. 148-153. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-3-148-153
3. Медведев Л.Г., Маврин С.А. О проблемах современного художественно-педагогического образования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. - 2018. - № 4(21). - С. 126-128. eLIBRARY ID: 36961487
4. Орлов И.И. Художественная обработка материалов. Мозаика и резьба по дереву: Учеб. пособ. / И.И. Орлов, А.И. Макашин, Н.Н. Ганцева.. - Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2020. - 109 с. eLIBRARY ID: 44727505
5. Парамонов А.Г. Композиционное построение в учебном рисунке над натюрмортом // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): Сб. ст. Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. Вятский государственный университет, 2017. - С. 6317-6325. eLIBRARY ID: 32630202

REFERENCES

1. Lomov S.P. Professional growth of a teacher of fine arts in the system of master-classes. In the book: Modern art education: the way to success: Sb. mat. of international scientific-practical conference. Kurbatov N.V., Cheremnykh G.V. 2020. С. 150-153. eLIBRARY ID: 44792240
2. Egorova S.I., Savinov A.M. Development and approbation of the model of art-graphic training of designers of light industry products. Bulletin of Kostroma State University. Ser.: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, P. 148-153. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-3-148-153
3. Medvedev L. G., Mavrin S. A. On the problems of modern art-pedagogical education. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities research. 2018. № 4(21). С. 126-128. eLIBRARY ID: 36961487
4. Orlov I.I. Artistic processing of materials. Mosaic and woodcarving: Tutorial. I.I. Orlov, A.I. Makashin, N.N. Gantseva. Lipetsk: Lipetsk State Technical University, 2020. 109 с. eLIBRARY ID: 44727505
5. Paramonov A.G. Compositional construction in educational drawing over still life. Society. Science. Innovations (NPK-2017): Collection of articles. All-Russian annual scientific and practical conf. Vyatka State University, 2017. С. 6317-6325. eLIBRARY ID: 32630202

Информация об авторах: Башкатов Иван Александрович, доктор педагогических наук, профессор кафедры Дизайна и художественной обработки материала, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3762-1778>
e-mail: bashkatov_ivan@mail.ru

Алексеева Светлана Олеговна, кандидат педагогических наук, учитель изобразительного искусства, МОУ СОШ № 4 им. Л.А. Смык
г. Липецка, 398005, г. Липецк, Парковая, 5,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8286-5168>
e-mail: svetalekska@mail.ru

Мещеряков Виктор Дмитриевич, доцент, кандидат педагогических наук, Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3,
e-mail: Dobrynia48@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательны вариант рукописи

Information about the authors: Bashkatov Ivan Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Design and Artistic Processing of Materials, Lipetsk State Technical University, 398055, Lipetsk, Moskovskaya str., 30,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3762-1778>
e-mail: bashkatov_ivan@mail.ru

Alekseeva Svetlana Olegovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Teacher of Fine Arts, Secondary school No. 4 named after L.A. Smyk, Lipetsk, 398005, Lipetsk, Park, 5,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8286-5168>
e-mail: svetalekska@mail.ru, 89205325594, Lipetsk, Shkatova str., 1, 28.

Meshcheryakov Viktor Dmitrievich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
398050, Lipetsk, Internatsionalnaya str., 3,
e-mail: Dobrynia48@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 11.10.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.10.2021

Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

© Башкатов И.А. 2021
© Алексеева С.О. 2021
© Мещеряков В. Д. 2021
© «ИСОМ». 2021

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-117-127

УДК 37.062

**Конститутивные основания конструктивного взаимодействия:
педагогическая панорама**

Оксана Анатольевна Мосина

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-3303-6387>

kuvshinovaoa@mail.ru

Руслан Геннадьевич Редун

Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко

г. Краснодар, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-5048-9559>

rredun@bk.ru

Аннотация. Проблемы современной системы высшего образования становятся все более актуальными. Ее текущее состояние можно обозначить как конфликтное, что не отвечает вызовам современности. При этом, необходимость развития сетевого партнерства, интегрированного обучения, синергизма заставляет по-новому взглянуть на проблему конструктивного взаимодействия.

Авторы статьи видят одним из направлений разрешения проблемного поля – формирование и развитие конструктивного взаимодействия между субъектами образования. Они рассматривают «взаимодействие» как самостоятельный педагогический феномен, который инициирует совместную деятельность на основе созидательного сотрудничества или социального согласия, ориентированных на личные цели и интересы и цели субъектов образования. При этом акцент делается на том, что концептуального обоснования данному феномену в педагогическом дискурсе пока не дано.

Теоретический анализ и экспериментальное исследование (проведенное в двух ведущих вузах Краснодарского края: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко»), представленные в данной статье, позволяют определить конститутивные атрибуты конструктивного взаимодействия, вычленив основания, которые могут стать основой для формирования педагогической концепции конструктивного взаимодействия в ближайшей перспективе. А именно: теоретические, методологические, организационно-содержательные основания и педагогические условия реализации в системе образования; принципы; функции и критериальные показатели.

Ключевые слова: конструктивное взаимодействие; педагогическое взаимодействие; конфликт; субъекты образования; конститутивные основания; атрибутивные элементы

Для цитирования Мосина О.А., Редун Р.Г. Конститутивные основания конструктивного взаимодействия: педагогическая панорама // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 5. С. 117-127.
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-117-127

Original article

Constitutional foundations of constructive interaction: a pedagogical panorama

Oksana A. MOSINA

Kuban State University

Krasnodar, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-3303-6387>

kuvshinovaoa@mail.ru

Ruslan G. REDUN

Krasnodar Higher Military School

named after General of the Army S.M. Shtemenko,

Krasnodar, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-5048-9559>

rredun@bk.ru

Abstract. The problems of the modern system of higher education are becoming more and more urgent. Its current state can be described as conflicting, which does not meet the challenges of our time. At the same time, the need to develop network partnerships, integrated learning, synergy makes us look at the problem of constructive interaction in a new way.

The authors of the article see one of the directions for resolving the problem field - the formation and development of constructive interaction between the subjects of education. They consider "interaction" as an independent pedagogical phenomenon that initiates joint activities based on creative cooperation or social harmony, focused on personal goals and interests and goals of the subjects of education.

At the same time, the emphasis is on the fact that conceptual substantiation of this phenomenon in pedagogical discourse has not yet been given. Theoretical analysis and experimental research (carried out in two leading universities of the Krasnodar territory: FGBOU VO "Kuban State University" and FGKVOU VO "Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko"), presented in this article, make it possible to determine constitutive attributes constructive interaction, to isolate the grounds that can become the basis for the formation of a pedagogical concept of constructive interaction in the near future. Namely: levels and pedagogical conditions of implementation in the education system; principles; functions and criterion components of diagnostics.

Keywords: constructive interaction; pedagogical interaction; conflict; subjects of education; constitutive grounds; attributive elements

For citation: Mosina O.A., Redun R.G. Constitutional foundations of constructive interaction: a pedagogical panorama. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.5. PP. 117-127. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-117-127

Введение. Проблема выстраивания конструктивного взаимодействия в образовательных организациях является проблемой системной. В результате проводимых в последние десятилетия реформ обострились вопросы сотрудничества и коммуникации в сфере образования в ближайшем и перспективном будущем. Это связано, в том числе с тем, что в образовании, с одной стороны, происходит становление новой системы обучения и воспитания, а с другой, в постсоветский период данная система утратила многие механизмы формирования позитивного взаимодействия между субъектами педагогического процесса, что и инициирует теоретическое осмысление данного феномена.

Текущее состояние образовательной системы скорее можно обозначить как конфликтное, что не отвечает вызовам современности. При этом, необходимость развития сетевого партнерства, интегрированного обучения, синергизма заставляет по-новому взглянуть на проблему конструктивного взаимодействия.

Обзор литературы. Обзор состоявшихся исследований демонстрирует смещение акцента при изучении педагогического взаимодействия через конфликт. В целом, отечественный социально-педагогический дискурс значительное внимание уделяет исследованию конфликтологической составляющей педагогического взаимодействия (Т.В. Врачинская, Г.Е. Григорьева, Г.И. Козырев, С.С. Учадзе и др.), при недостаточном осмыслении роли конструктивности.

Сделанные выводы позволили обратиться к зарубежным теориям и парадигмам, исследующим взаимодействие субъектов с позиции взаимного согласия и конструктивности.

Что касается методологической базы исследования, то само название статьи отсылает нас к концепции Канта, полагающего, что конститутивные принципы являясь субъективными принципами познания, в то же время учреждают определенные формы предметности. Конечно, для традиционной научной российской парадигмы, склонной, скорее, к объективистской позиции такая трактовка может звучать как непривычная. Однако считаем, что именно такой подход позволит провести не только обзор научных позиций исследователей педагогов в контексте изучения конструктивного взаимодействия, но и обосновать собственные, исходя из проведенного теоретического и эмпирического анализа, представленные как результат взаимодействия обучающихся и обучающихся, их количественные и качественные характеристики.

Взаимодействие в теории Э. Канта рассматривается как континуум причины и действия [1]. Суть учения сводится к тому, что «объект воздействия причины не пассивен – он реагирует и тем самым причинность переходит во взаимодействие». Данной трактовки придерживался и Гегель «... утверждая, что взаимодействие представляется взаимной причинностью предположенных, обуславливающих друг друга субстанций; одновременно являясь и активной, и пассивной относительно другой» [2]. В современной философской литературе данную

позицию поддерживают Старкова Д.С. и Потехин Д.С. утверждая, что взаимное влияние объектов друг на друга обуславливает их взаимодействие между собой. В результате чего происходит изменение структуры взаимодействия и, соответственно ее конституирующих элементов [3].

В современной интерпретации правила построения конструктивного взаимодействия могут рассматриваться как «само собой разумеющиеся смыслы» [4], инициирующие совместную деятельность на основе созидательного сотрудничества, ориентированного на личные цели и интересы и цели оппонента [5]. Соответственно, правила, влияющие на процесс взаимодействия субъектов инициируют формирование конституирующих элементов. Таким образом, созидательное взаимодействие субъектов представляет собой процесс, посредством которого правила из абстракций превращаются в конституирующие элементы взаимодействия [4], делая его конструктивным.

Понятие «конструктивное взаимодействие» в ракурсе педагогической деятельности рассматривается в научной литературе сравнительно недавно и его определения данного термина носят вариативный характер, также как и его существенные характеристики.

Так, Коджаспирова Г.М. и Коджаспиров А.Ю. трактуют конструктивное взаимодействие как личный контакт обучающего и обучающегося, развивающий партнерские, равноправные отношения, способствующие возникновению между сторонами взаимодействия взаимопонимания, взаимопознания и взаимовлияния. Результатом данного процесса должно стать достижение сотрудничества, согласия и принятие совместных целей [6].

Категория «конструктивное взаимодействие» определяется в работах О.М. Забелиной как целенаправленная деятельность, «построенная на гибких установках и взглядах, на понимании индивидуальных особенностей партнера совместная деятельность заинтересованных друг в друге личностей, стремящихся к самосовершенствованию, самоактуализации, продуктивному разрешению возникающих противоречий и к социально-значимому результату» [7].

Как «пристройка наравне» рассматривается конструктивное взаимодействие в трудах П.М. Ершовой. По своим характерологическим признакам оно является сходным с отношениями сотрудничества, так как влечет за собой интеграцию позиций контактирующих сторон, интересов и получение обоюдных выгод. По утверждению Е.В. Коротаевой конструктивное взаимодействие есть «... действие, обеспечивающее целостность и субстанциальную связь» [8].

Учитывая выявленные расхождения в научных подходах при рассмотрении феномена «конструктивного взаимодействия», можно предположить, что в настоящее время диалог, направленный на критическое осмысление общих оснований в данных позициях, вряд ли возможен. Однако у всех исследователей можно отследить нечто общее – они пытаются решить одну принципиальную проблему. В связи с чем, имеет смысл обобщить теоретические и эмпирические результаты авторских работ.

Проведенный анализ показал, что возможно определить ряд базовых позиций конструктивного взаимодействия. А именно:

- 1) Конкретизировать источники конститутивных оснований:
 - в контексте теоретических оснований – идеями интегративной парадигмы;
 - в аспекте методологии – положения системной и аксиологической теорий;

- в организационно-содержательном аспекте применимы технологические подходы к организации взаимодействий в педагогическом процессе [9].
- 2) Детализировать принципы конструктивного взаимодействия:
- самоуправление – активное участие субъектов в проектировании содержания и самого процесса взаимодействия;
 - деятельность – активное участие не только в образовательном, но и в диагностическом процессе, в процессе рефлексии;
 - личностно-групповая ориентация – направленность на групповые и индивидуальные потребности и способности как обучающихся, так и обучающихся.
- 3) Конкретизировать функции конструктивного взаимодействия:
- профилактические – предполагают формирование и развитие культуры взаимодействия в целях предупреждения конфликта, что предполагает накопление лимита доверия среди обучающихся и обучающихся, в том числе посредством поддержания позитивного имиджа педагога;
 - иммунные – обеспечивают психо-эмоциональный комфорт в педагогической среде, формирование новой культуры взаимодействия;
 - интеграционные – обеспечивающие объединение и инсталляцию культур поколений;
 - адаптационные – создание формальных и неформальных объединений обучающихся, способствующих удовлетворению личностных способностей и потребностей в самовыражении.
- 4) Определить педагогические условия как один из основных компонентов педагогической системы, отражают возможности формирования и развития конструктивного взаимодействия и подразумевают совокупность мер, содействующих повышению эффективности изучаемого процесса [10,11]. В данном контексте условия определяются как наличие:
- нормативно-правовой базы;
 - информационно-методического обеспечения конструктивного взаимодействия;
 - активного включения субъектов образования в процесс конструктивного взаимодействия;
 - программ повышения квалификации педагогов по вопросам формирования конструктивного взаимодействия;
 - психологической и методической готовности педагогического коллектива находится на позициях взаимоуважения и взаимоподдержки.
- 5) Содержание конструктивного педагогического взаимодействия, его критериальные компоненты выявляем на основе следующих аспектов:
- первый аспект состоит в рассмотрении конструктивного взаимодействия как итоговой характеристики трансформации восприятия к характеру субъект-субъектных отношений в педагогической сфере;
 - второй аспект определяет ситуацию конструктивного взаимодействия как отзыв (согласно определенным маркерам) на педагогические риски и педагогические ошибки;
 - третий аспект связан с выявлением характерологических оснований построения конструктивного взаимодействия среди обучающихся и обучающихся, его сохранением.

б) В психолого-педагогической литературе можно найти отклик данным умозаключениям. В частности, структурно конструктивное взаимодействие построено следующим образом:

- отмечают наличие эмоционально-поведенческого компонента, отвечающего посылам первого аспекта [12];
- выделяют деятельностно-организаторский компонент, отражающий второй аспект [13,14];
- определяют коммуникативный компонент, характеризующий третий аспект [12].

В связи с вышесказанным, целью дальнейшей работы стало опытно-экспериментальное обоснование конститутивных основ конструктивного взаимодействия субъектов образования.

Поставленная цель детерминировала следующие исследовательские задачи:

- провести экспертизу современного состояния и определить перспективы развития конструктивного взаимодействия в образовательной среде системы высшего образования;
- определить наличие / отсутствие практического опыта конструктивного взаимодействия;
- уточнить показатели конструктивного взаимодействия в образовательной среде.

Материалы и методы исследования. Эмпирические данные были получены в ходе ряда диагностических мероприятий, проводившихся среди преподавателей и обучающихся высших учебных заведений г. Краснодара.

Базой исследования являлись: ФГКВОУ ВО Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко и ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Методы диагностики: анкетирование, опрос, тест «У вас стресс или депрессия?», «Уровень тревожности» [15,16]; «Уровень психологического здоровья» [17].

Респондентами стали преподаватели вузов, имеющие трудовой стаж не менее пяти лет – всего 12 респондентов, по шесть из каждого вуза, а также обучающиеся 3-4 курсов означенных вузов, всего 147 респондентов.

Общая респондентская группа насчитывала 159 человек.

Опыт конструктивного взаимодействия имеется у 93,8 % респондентов, однако они отметили, что преимущественно, это опыт взаимодействия со сверстниками. Положительный опыт конструктивного взаимодействия с педагогами имеется менее чем у 25 % испытуемых

Среди респондентов-обучающихся 58,5 % заявили о том, что хотели бы, чтобы их коммуникативные связи расширились, чтобы в них вошли студенты, обучающиеся в вузе и опытные преподаватели, способные помочь в профессиональном самоопределении. 44,5 % отметили, что испытывают трудности в установлении позитивных отношений как с преподавателями 52,4 %, так и с одногруппниками 36,7 % (особенно в период адаптации к новым образовательным условиям вуза).

На вопрос о наличии способности преподавателей наладить конструктивное взаимодействие с обучающимися положительный ответ дали только 12,2 % респондентов, отрицательный ответ был получен среди 61,9 % и 25,8 %

предпочли воздержаться от оценки преподавателей. При этом, диагностика продемонстрировала наличие у обучающихся состояния психологической неустойчивости: у 34,7 % опрошенных наблюдались различные стрессовые состояния, у 41,5 % - отмечался повышенный уровень тревожности, у 42,9 % отмечена необходимость заняться своим психологическим состоянием и обратиться за помощью к специалисту.

Респонденты из числа преподавательского состава показали, что опыт конструктивного взаимодействия у них имеется – 76,7 %, при этом 91,6 % преподавателей заявили, что хотели бы овладеть и / или развить (обогащить) навыки конструктивного взаимодействия.

Отвечая на вопросы анкеты, отметили следующие значимые моменты в плане проблем взаимодействия.

1. С обучающимися довольно проблематично отладить конструктивное взаимодействие в связи с тем, что они больше привыкли общаться в виртуальной реальности – 75 %.
2. Разговорная речь современных студентов мало совпадает с нормой литературного языка, специфичный молодежный сленг является тормозом при установлении конструктивного взаимодействия на шкале преподаватель – обучающийся 66,6 %.
3. Обучающиеся, поступившие в вуз не имеют предыдущего опыта конструктивного взаимодействия как с преподавателями, так и со сверстниками – 83,3 %.

Полученные диагностические результаты демонстрируют тот факт, что, несмотря на практический опыт конструктивного взаимодействия (85,3%) применение его в современных условиях существенно ограничено у всех субъектов системы высшего образования. Среди респондентов-обучающихся претензии к преподавателям имеют 61,9 % опрошенных, среди респондентов-преподавателей – 74,9 %. При этом, более 90% опрошенных согласны развивать и осваивать навыки конструктивного взаимодействия.

Кроме того, проведенное исследование позволило уточнить показатели конструктивного взаимодействия в образовательной среде, которые имеют яркую личностно ориентированную специфику: коммуникативные вербальные навыки; психологическая устойчивость и наличие опыта конструктивного взаимодействия у субъектов образования.

Результаты дискуссии. Итак, определяя конститутивные основания конструктивного взаимодействия авторы пришли к ряду обоснованных. Во-первых, каждому педагогу необходимо помнить, что какую бы научную дисциплину он не преподавал для него обязательно не только самому владеть теорией и практикой конструктивного взаимодействия, но и обучить ей своих учеников.

Во-вторых, выявленные в ходе теоретико-прикладного исследования параметры демонстрируют сложность построения педагогической среды, способной сформировать конструктивное взаимодействие. При заданных конститутивных основаниях видится вполне логичным обращение к его (конструктивного взаимодействия) личностно ориентированной направленности, которая способна учесть своеобразие в условиях различных педагогических сред.

Выводы. Проведенное исследование позволяет резюмировать, что современный период развития в педагогической науке концепта «конструктивное взаимодействие» можно считать основополагающим, поскольку он решает наиболее актуальные проблемы: установление его структурно-функциональной организации и определение направлений дальнейшего развития.

Его конститутивными основаниями являются: структурные, функциональные, содержательные, прогностические и критериально-диагностические.

В целом представленное исследование не претендует на окончательную завершенность. Проблема, конституирования атрибутивных элементов конструктивного взаимодействия требует более детальной проработки в теоретическом контексте и проведения серии экспериментальных и формирующих исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кант, И. Критика практического разума / Иммануил Кант; Пер. с нем. [и предисл.] Н.М. Соколова. - 2-е изд., испр. и доп. - Санкт-Петербург: В.И. Яковенко, 1908. – 167 с.
2. Гегель, Г. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 5. / под ред. А. Деборина, Д. Рязанова; Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. - Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929. – 691 с.
3. Потехин, Д. С. Генезис понятия "взаимодействие" / Д. С. Потехин // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2020. – № 19. – С. 133-138.
4. Fligstein, N. Fields, power and social skills: a critical analysis of the new institutional currents [Электронный ресурс]. – Экономическая социология. Т. 1. № 1. – URL: <http://www.ecsoc.msses.ru> (дата обращения 19.01.2020).
5. Арендт, Х. О насилии // Мораль в политике. М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. – 330 с.
6. Коджаспирова, Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. — М.: И; М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.
7. Забелина, О.М. Педагогические условия формирования опыта конструктивного взаимодействия во временном объединении // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16. № 3. С. 120-121.
8. Коротаева, Е. В. Педагогика взаимодействия в современном образовательном процессе : дис. ... д-ра пед. наук / Е. В. Коротаева. – Екатеринбург, 2000. – С. 74–76.
9. Демакова, С.Е., Гордилковская Д.С. Авторские педагогические системы 80-х годов XX века в России и их значение для современного образования // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002328> (дата обращения: 29.09.2021).

10. Мосина, О.А. Педагогическая модель геронтообразования / О.А. Мосина // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 268-270.
11. Хазова, С.А. Педагогические условия подготовки курсантов к профессионально-ориентированной научно-исследовательской деятельности / Хазова С.А., Михайлюк В.А., Трунов Н.Н. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2020. № 3 (263). С. 141-147.
12. Маркова, А.К. Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя / А.К. Маркова, А.Я. Никонова // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 40
13. Budner, S. Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journ. of Personality*, 1982, – vol. 30, P. 29 – 50.
14. Деркач, А. А. Психолого-акмеологические основания и средства оптимизации личностно-профессионального развития конкурентоспособного специалиста // Акмеология. 2013. № 2 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-akmeologicheskie-osnovaniya-i-sredstvaoptimizatsii-lichnostno-professionalnogo-razvitiya-konkurentosposobnogo-2> (дата обращения: 28.03.2019).
15. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fourth Edition. URL: <http://www.psych.org/MainMenu/Research/DSMIV.aspx> (дата обращения: 29.09.2021)
16. American Psychiatric Association (APA) (1994). Diagnostic and statistical manual of mental disorders (4th ed.) (DSM-IV), Washington DC: American Psychiatric Association. URL: <https://www.scirp.org/reference> (дата обращения: 29.09.2021).
17. Психологические тесты он-лайн URL: <https://testometrika.com> (дата обращения: 28.09.2021).

REFERENCES

1. Kant, I. Critique of practical reason. Immanuel Kant; Per. with him. [and foreword] N.M. Sokolov. - 2nd ed., Rev. and add. St. Petersburg: V.I. Yakovenko, 1908 . 167 p.
2. Hegel, G. Collected works: in 14 volumes. T. 5. ed. A. Deborin, D. Ryazanova; Institute of K. Marx and F. Engels. Moscow; Leningrad: State. publishing house, 1929 . 691 p.
3. Potekhin, DS Genesis of the concept of "interaction". DS Potekhin. Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: historical and legal and theoretical and methodological aspects." 2020. No. 19. P. 133-138.
4. Fligstein, N. Fields, power and social skills: a critical analysis of the new institutional currents. *Economic sociology*. T. 1. No. 1. URL:<http://www.ecsoc.msses.ru> (date of access 01.10.2020).
5. Arendt, H. On violence. Moral in politics. Moscow: KDU: Publishing house of Moscow State University, 2004. 330 p.

6. Kodzhaspirova GM, Kodzhaspirov A.Yu. Pedagogical Dictionary: For students. higher. and Wednesday ped. study. institutions. М.: И; М.: Publishing Center "Academy", 2000. 176 p.
7. Zabelina, OM Pedagogical conditions for the formation of experience of constructive interaction in a temporary association. Bulletin of the Kostroma State University named after ON. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics. 2010. T. 16.No. 3.S. 120-121.
8. Korotaeva, EV Pedagogy of interaction in the modern educational process: dis. ... Dr. ped. Sciences. E.V. Korotaeva. - Yekaterinburg, 2000. - pp. 74–76.
9. Demakova, S.E., Gordilkovskaya D.S. Author's pedagogical systems of the 80s of the XX century in Russia and their importance for modern education. Materials of the X International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002328> (date accessed: 29.09.2021).
10. Mosina, O.A. Pedagogical model of gerontology. O.A. Mosin. World of Science, Culture, Education. 2018. No. 3 (70). P. 268-270.
11. Khazova, S.A. Pedagogical conditions for training cadets for professionally oriented research activities. Khazova S.A., Mikhailyuk V.A., Trunov N.N. Bulletin of the Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2020. No. 3 (263). P. 141-147.
12. Markova, A.K. Psychological features of the individual style of teacher's activity. A.K. Markova, A. Ya. Nikonova. Questions of psychology. 1997. No. 5.P. 40
13. Budner, S. Intolerance of ambiguity as a personality variable. Journ. of Personality, 1982, - vol. 30, P. 29-50.
14. Derkach, AA Psychological and acmeological foundations and means of optimizing the personal and professional development of a competitive specialist. Akmeologiya. 2013. No. 2 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-akmeologicheskie-osnovaniya-i-sredstvaoptimizatsii-lichnostno-professionalnogo-razvitiya-konkurentosposobnogo-2> (date of access: 28.03.2019).
15. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fourth Edition. URL: <http://www.psych.org/MainMenu/Research/DSMIV.aspx> (date accessed: 29.09.2021)
16. American Psychiatric Association (APA) (1994). Diagnostic and statistical manual of mental disorders (4th ed.) (DSM-IV), Washington DC: American Psychiatric Association. URL: <https://www.scirp.org/reference> (date accessed: 29.09.2021).
17. Psychological tests on-line URL: <https://testometrika.com> (date accessed: 28.09.2021).

Информация об авторах: Мосина Оксана Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и социальной педагогики, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
SPIN-код: 5215-5200
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-3303-6387>

Researcher ID AAZ-1676-202
kuvshinovaoa@mail.ru

Редун Руслан Геннадьевич, офицер курса, Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко,
г. Краснодар, Россия
SPIN-код: 9212-0123
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-5048-9559>
rredun@bk.ru

Вклад авторов: Мосина О.А – концепция и дизайн исследования, корректировка текста рукописи; Редун Р.Г. – получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста, обзор публикаций по теме статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Oksana A. Mosina, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ORCID.ORG 0000-0003-3303-6387
Researcher ID AAZ-1676-202
kuvshinovaoa@mail.ru

Ruslan G. Redun, course officer, Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko,
Krasnodar, Russia
ORCID.ORG 0000-0002-5048-9559
rredun@bk.ru

Authors' contribution: Mosina O.A. - concept and design of the study, correction of the manuscript text; Redun R.G. - obtaining data for analysis, analysis of obtained data, writing the text, review of publications on the topic of the article.

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 25.09.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикующиеся в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);

- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);

- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модифи-

basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);

- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);

- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found

каций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Socio-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be re-published in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

- уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта - 14, междустрочный интервал - одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/>);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID ID**, (если нет ORCID ID, то можно зарегистрироваться в <https://orcid.org>)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- **Введение (Introduction):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Методы (Methods):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Анализ (Analysis):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Результаты (Results):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- **Introduction(Введение):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Methods(Методы):** раздел, в котором автор излагает свою методiku с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Analysis(Анализ):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Results(Результаты):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (Приводятся на русском и английском языках.)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение (**Introduction**);
- Обзор литературы (**Literature Review**);
- Материалы и методы (**Materials and Methods**);
- Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);
- Заключение (**Conclusion**).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 стр.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 стр.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура и инструментарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение**. В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы

ды, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются**.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25] (vancouver- стиль).

Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <https://translit.ru/>

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en] ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.*

Пример:

Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ). DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Историческая и социально-образовательная мысль
2021. Том 13 № 5

Дата выхода в свет 29.10.2021
137 ст.

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
